

Я СНОВА
ВГЛЯДЫВАЮСЬ
В ЛИЦА...

Часть 1

Алматы
«Қазақ университеті»
2018

УДК
ББК
А

Ахметова Л.А.

Я снова вглядываюсь в лица. Часть 1. – Алматы: Қазақ университеті, 2018. – 224 с.

ISBN 978-601-04-3287-1

30 рассказов об ученых КазГУ-КазНУ имени аль-Фараби периода с 1971 по 2000 годы. Воспоминания о выдающихся личностях университета, внесших огромный вклад в развитие высшего образования страны. Сборник предназначен для журналистов, педагогов, молодежи, всех тех, кто интересуется историей Казахстана XX века.

**УДК
ББК**

ISBN 978-601-04-3287-1

© Ахметова Л.С., 2018
© КазНУ им. аль-Фараби, 2018

ВВЕДЕНИЕ

Когда уже пройдено много лет, происходившее в прошлом забыто, ушло, потому что закончилась целая эпоха социализма и началась эпоха суверенного государства, новых гуманитарных наук, мне захотелось рассказать о тех, кто работал в Казахском университете в послевоенное время, в последние тридцать лет прошлого столетия.

В этой книге 30 рассказов о тех, кого помню и люблю, о тех, с кем работала в КазГУ-КазНУ имени аль-Фараби.

Только двух человек я не знала лично: ректора Т.Т. Тажибаева и первого казаха – доктора исторических наук Е.Б. Бекмаханова. Однако мне много о них рассказывали мои учителя, коллеги, друзья.

Я писала о Т.Т. Тажибаеве и Е.Б. Бекмаханове статьи, и ранее использовала материалы о них, взятые в архивах и по воспоминаниям очевидцев, в своей докторской диссертации по теме казахстанского патриотизма.

Остальные герои этой книги – 28 человек – мои учителя, старшие товарищи, коллеги, друзья, которые сыграли большую роль в моем становлении как ученого, педагога и общественного деятеля. Через рассказы о них и их помощи мне встает история Казахского университета.

Еще одна деталь: для многих из героев книги университет – это одна строчка в трудовой книжке человека: учился, работал и ушел на пенсию.

Это не их биография. Я очень хотела через личностное восприятие, наше сотрудничество, показать, как мы жили, общались, работали в родном для нас всех университете.

Безусловно, не все было гладко. У каждого были свои проблемы, нерешенные задачи, но мы всегда помогали друг другу. И именно эта дружба в моем сердце и сейчас.

В каждой истории – неповторимая личность, внесшая огромный вклад в становлении университета второй половины XX века. Это они – жили и работали на благо и процветания Казахского Национального университета и Казахстана. Это и их вклад в университет, который сейчас является лучшим.

Помним всех! Помним всегда!

Ахметова Л.С.

Глава 1

РЕКТОРЫ

ЛУКЪЯНЕЦ Иван Куприянович.
Ректор КазГУ имени С.М. Кирова
1940-1947 гг.

С Иваном Куприяновичем мне довелось сначала познакомиться, когда я приходила к ним на кафедру, а потом уже и поработать на одной кафедре несколько лет. Это был грузный, большой человек на костылях. Немногословный. Всегда бывший как бы в сторонке. Тем не менее, к нему все относились с почтением и уважением. Старшее поколение с ним беседовало, а молодежь почтительно здоровалась и отходила в сторону, прислушиваясь к разговорам старших.

Он в то время работал доцентом на кафедре истории КПСС гуманитарных факультетов КазГУ имени С.М. Кирова. Это был очень скромный человек, уже в возрасте. У него были проблемы с ногами, поэтому он особо нигде явно не участвовал, хотя в то время эта кафедра была центральной во всем университете. Приходил на занятия, общался с коллегами, участвовал в заседаниях кафедры, партийных собраниях, работал со студентами.

Я – студентка факультета журналистики, активистка, часто приходила на кафедру к своему научному руководителю Марии Борисовне Заславской, которая также там работала доцентом. У нас на факультете журналистики ни М.Б. Заславская, ни И.К. Лукьянец не преподавали. Так что формально я у них не училась. В

Лукьянец И.К.,
кандидат исторических наук,
доцент

силу своей любознательности и активности в общественной жизни я стала с ними общаться, а потом все это, когда я уже стала преподавателем, переросло в дружбу, в товарищеские отношения старшего ко младшему, оказание помощи и поддержки, консультации, деление опытом педагогической работы, методической, общественной и научной деятельности. Сейчас я понимаю, как много мне дали старшее поколение университетских педагогов, которым я признательна всю жизнь.

Я всегда увлекалась историей, поэтому и не случайно партийный комитет университета, в 1983 году, когда я была молодым преподавателем-коммунистом, поручил мне написать книгу к 60-летию КазГУ о молодежи университета и его славных традициях. Целый год я собирала материалы, и в 1984 году была издана книга «Наш адрес – КазГУ», в которой было 174 страницы. Это была моя первая книга. В этой книге есть и рассказ об Иване Куприяновиче Лукьянце, у которого я взяла по этому случаю интервью.

К слову сказать, работая в архивах, я всегда старалась посмотреть и архивы университета, кроме того собирала материалы, газетные вырезки, научные статьи по истории родного университета, поэтому мой рассказ о том далеком времени, о людях, о руководителе университета И.К. Лукьянце. Одним словом, – о нашем прошлом, тяжелом и трудном, но таким, что мы им гордимся все время, и сейчас, и будущее поколение профессорско-преподавательского состава и студенты будут гордиться тем, что мы сохранили память о прошлом, мы создавали сами историю любимого университета, бережно храня то прошлое, которое было...

Иван Куприянович приехал по направлению Центрального Комитета ВКП (б) на работу в Казахстан. После того, когда он поднял работу Уральского педагогического института, будучи там директором 7 лет на должную высоту, его назначают ректором Казахского государственного университета имени С.М. Кирова. С 1940 года, когда он приступает к работе, и затем 8 лет он был руководителем единственного в Казахской ССР университета. На его долю выпала, пожалуй, самая тяжелая работа, из всех бывших и будущих ректоров. Он возглавлял университет в тяжелые годы Великой Отечественной войны. Но еще и в 1941-1955 годах он был избран заместителем Председателя Президиума Верховного Совета Казахской ССР. Таким образом, в те годы

он выполнял огромную работу не только в масштабах университета, но и по всей республике. Такая должность и огромная занятость не помешали ему с большой отдачей работать руководителем КазГУ. И об этом вспоминают его студенты, преподаватели, коллеги, друзья.

Из статьи И.К. Лукьянца об организации университета:

– При создании вузов научные национальные кадры насчитывались единицами. Они росли в процессе становления и развития вузов. Подготовленных абитуриентов было очень мало.

Особые трудности испытывал Казахский университет в связи с тем, что в самое последнее время перед открытием правительство республики решило сохранить пединститут, а университету выделено только четыре аудитории в помещении зооветеринарного института.

Несмотря на все это, университет справился с задачей подготовки кадров, и первый выпуск специалистов состоялся в 1939 году. Посмотрим газеты. «Казахстанская правда» писала о первых выпускниках: «Тулеген Масенов настойчиво учился, ему помогали товарищи, комсомол. Со второго курса он уже учится только на отлично. В результате зоолог Т. Масенов получает диплом с отличием. Затем Т. Масенов – аспирант, доцент, профессор, а ныне член-корреспондент АН КазССР».

В той же статье говорится о выпускнике физико-математического факультета Алексее Шаврове. Он проявил большой талант и склонность к научным исследованиям, по решению Совета университета был направлен в аспирантуру в Ленинградский университет. Математик Хамит Урматов обнаружил завидные способности и стал впоследствии известным ученым. Математика привлекала их своей железной логикой, а главное, как говорил А. Шавров, – для работы требовалась только лично своя голова и бумага с карандашом. В те же годы обучался Турар Сатыбалдин – сын кочевника, студентом стал, имея семилетнее образование, в учебе выделялся любознательностью и настойчивостью, после окончания университета рекомендован в аспирантуру. Таковы были первые выпускники Казахского университета.

Серьезным тормозом в работе университета было отсутствие учебных помещений и общежитий. Первое здание общежития университета на улице Калинина было построено лишь в 1940 году, второе закончено уже во время Великой Отечественной

войны. Полное отсутствие квартир задерживало привлечение к работе высококвалифицированных преподавателей.

Весной 1939 года проректором по учебной и научной работе университета был назначен Д.В. Сокольский. Он уделял много внимания укреплению профессорско-преподавательского состава. Удалось пригласить на химический факультет профессора Н.Н. Ворожцова, ставшего позже академиком. С Дальнего Востока был приглашен профессор А.И. Шлыгин. Постепенно в Алма-Ате сложилась химическая школа, среди химиков создавалась атмосфера дружелюбия, научной добросовестности и большой требовательности. Следует назвать таких известных ученых, как Абикен Бектуров, Михаил Козловский, Виктор Пономарев, Сагид Рафиков, Ольга Сонгина, Михаил Усанович, Батырбек Беремжанов, Виктор Чердынцев, Константин Персидский, Лев Вулис, Лев Шмонин и многие другие. Благодаря им университет стал тем, что он есть сейчас [1].

Вот подлинный рассказ Ивана Куприяновича – интервью мне о тех годах для книги «Наш адрес – КазГУ»:

– Это было трудное время. В 1940 году университету шел седьмой год, но еще многого не было, не хватало общежитий, инвентаря, оборудования, тесно было в учебных корпусах. Партия и правительство республики большое внимание уделяли созданию первого университета в Казахстане. К началу Великой Отечественной войны закончено строительство двух общежитий. Для занятий были выделены административные здания, в том числе Дом культуры и хорошее здание института журналистики. А ведь тогда Алма-Ата еще имела очень скромный фонд помещений. Студенты получили возможность успешно учиться, проводить опыты в современных лабораториях. Появились свои общежития [2].

Высоко ценилась в университете хорошая и отличная учеба. Комитет комсомола после каждого семестра подводил итоги учебы, готовил стенды с портретами лучших студентов, им торжественно вручались грамоты и памятные подарки. А с 1939 года в университете введена выплата повышенных стипендий отличникам учебы и общественным активистам.

... И вот война. Весть о нападении фашистской Германии на нашу страну застала сотрудников и студентов КазГУ за обычны-

ми мирными делами. Студенты сдавали летнюю экзаменационную сессию.

Обстановка в стране сложная. Многие институты и предприятия с запада нашей страны эвакуировались в Алма-Ату. Университет отдал одно общежитие и значительную часть учебных корпусов авиационному, сельскохозяйственному и другим институтам, а в комплексе Дома культуры расположилась московская киностудия.

И все же университет жил своей рабочей жизнью. Чердаки и подвалы зданий превращены в лаборатории и аудитории. В них обучались и работали студенты и сотрудники университета.

Лозунг «Все для фронта!» сразу же стал главным в жизни профессоров, преподавателей, студентов. Коммунисты и комсомольцы обязались изучить не менее одной из военных специальностей. Первая группа преподавателей и студентов университета была призвана в Красную Армию в конце июля-начале августа 1941 года. В эти месяцы войны на фронт ушло 135 сотрудников и студентов. Всего за годы войны из коллектива Казахского государственного университета имени С.М. Кирова было направлено на фронт 287 человек: 59 преподавателей, 52 административно-хозяйственных работника и 176 студентов, в их числе 35 девушек.

Среди них была Шагила Кусанова. Она проявила мужество и отвагу в боях, награждена медалями. Участвуя боевых действиях, не теряла связи с университетом, писала письма. По окончании войны одна из первых вернулась в родной университет. В честь ее возвращения в КазГУ прошел большой митинг. Шагилу сейчас в университете знают не только как заслуженного ветерана, но и как опытного педагога и научного работника. Она – доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории КПСС естественных факультетов.

... Шагила Кусанова вспоминает, как она воспитанница детского дома, закончила в 1940 году среднюю школу Уланского района и успешно сдала экзамены в КазГУ, стала студенткой историко-филологического факультета университета. 23 июня 1941 г. был последний экзамен летней сессии. А 22 июня – началась война. Многие из комсомольцев ушли добровольцами на фронт, в том числе и Шагила.

– 1 сентября я приняла присягу, боевое крещение получила под Феодосией.

Ее позывной как радистки был: «Я – Чайка!» [3] ...

В числе защищавших столицу Москву было много воинов из нашего университета. В составе 316 стрелковой дивизии героически сражался преподаватель математики Ж.С. Бейсалиев. В составе 39-й и 40-й отдельных стрелковых бригад и 391 стрелковой дивизии сражались и студенты университета, призванные в армию в первые дни войны: Ф. Голодов – химик, В. Друзь – химик, А. Мазунин – биолог, В. Кашкаров – физик, Н. Тойбаев – химик, М. Винниченко – химик (член партии с 1940 г., в 1942 г. погиб, бросившись с гранатой под танк), П. Ягодкин – филолог (погиб 5 декабря 1941 г., защищая Москву) и многие другие.

Не менее героически били врага воспитанники университета и под Сталинградом. В 38 стрелковой дивизии достойно воевали представители университета: В. Сапа – математик, Д. Вечкутов, И. Демьяненко – физмат.

Отлично сражались на других фронтах А. Соломин – химик, А. Орлов – преподаватель физкультуры, В. Полевик – до войны заведующий военной кафедрой, ставший потом генерал-майором.

Смертью храбрых погибли преподаватели университета Г.У. Амирбаев, Б. Жиренчин, Р.Р. Мустафин, К. Султанов и др.

В боях за Днепр Героя Советского Союза получил А.Г. Попов, выпускник биологического факультета из КазГУ.

В освобождении Западной Европы от немецко-фашистских захватчиков принимали участие Л. Чехович, студент физмата (погиб при освобождении г. Кенигсберг), А. Лях, секретарь парторганизации, химик, Н. Страшников – физик и др. Николай Страшников участвовал в штурме рейхстага.

Виктор Пуриц, родом из Московской области, после госпиталя в Алма-Ате, получил год освобождения от армии по лечению. Поступил в КазГУ и учился, в 1942-43 годах возглавлял комсомольскую организацию университета, но по излечению был призван вновь и убыл в армию. После войны вернулся и работал в университете, пройдя путь от студента до заведующего кафедрой, профессора, до конца своей жизни.

Комитет комсомола КазГУ им. С. М. Кирова во главе с В. Пурицем принял решение обратиться ко всем студентам Советского Союза с призывом собрать деньги на строительство танковой колонны «Советский студент». Инициатива была поддержана сту-

дентами всей страны. В конце 1943 года танковая колонная была создана и стала воевать.

Однажды ректору КазГУ И.К. Лукьянцу была принесена правительственная телеграмма, которую он потом зачитал всему коллективу университета.

– Прошу передать инициаторам сбора средств на танковую колонну «Советский студент» – комсомольцам и студентам Казахского государственного университета имени С.М. Кирова благодарность армии и Ставки Верховного Главнокомандования. И. Сталин.

Об этом впервые мне однажды рассказал отец, Сейсенбек Ахметов, а позже подтвердил рассказом В. Пуриц, и затем вспомнил и И.К. Лукьянец, когда я тоже ему стала рассказывать то, что я знаю о тех великих и трудных годах нашего университета.

Когда Иван Куприянович вспоминал о том, что университет писал письма, поддерживал связи с ушедшими на фронт, то мы долго говорили о нашей гордости – воинах-освободителях, вышедших из стен университета. Он добавлял всегда в характеристику ушедшего на фронт какую-то деталь, мелочь, которую он знал. Я поражалась его памяти, и самое главное то, что он знал каждого сотрудника, преподавателя, студента тех далеких лет. Поэтому мы снова и снова возвращались к тем далеким военным годам, и он вспоминал.

Тогда, в первые дни войны, конечно же, никто не знал о судьбе защитников Брестской крепости и участников боев в районе города Брест в первые часы и дни войны. Лишь после войны, когда стали возвращаться те, кого призвали в 1939- начале 1941 года, университет узнал о судьбе своих студентов и преподавателей, которые, в основном, попали в плен, прошли муки ада, но остались живы. Они принесли вести о тех, кто погиб или пропал без вести. Однако тогда такую информацию нельзя было давать, но КазГУ всячески помогал тем, кто вернулся. Он помогал им восстанавливаться в университет, с устройством в общежитие, стипендией. Так пришли снова на студенческую скамью Владимир Фурсов, вернувшись из плена, и Габбас Жуматов, воевавший от первого до последнего дня войны. Пали в боях за Родину, призванные с ними в Красную Армию в феврале 1940 года и служившие тоже в Бресте – преподаватель высшей математики Турар Сатыбалдин (прошел войну от Бреста до Венгрии и пал там смертью храбрых

в районе озера Балатон), Деревянко Григорий, аспирант КазГУ, Страутман Георгий, студент физмата, Кудинов Александр, Хасан (осталось только имя) из КазГУ [4].

Историк Иван Кулешов был призван из университета в 1939 году и прошел всю войну, вернувшись потом в КазГУ.

Многие награждены медалями и орденами. Немалое число из них посмертно. Четвертая часть состава, ушедшая на фронт из университета, не вернулась после Победы домой. Дорогая цена для всего народа, и для нашего университета также.

Об этом Иван Куприянович всегда помнил.

– В эти суровые годы резко возрос научный потенциал университета. Этот процесс стимулировали ученые страны, эвакуированные в Алма-Ату. В годы войны в КазГУ работали многие академики Академии наук СССР. В КазГУ читали лекции видные казахские ученые К. Сатпаев, К. Жумалиев, С. Кенесбаев, А. Конратбаев, Т. Нургазин, Б. Кенжебаев, С. Жиенбаев. В 1943 году в университете числилось 2 академика Академии наук СССР, 20 профессоров и 32 доцента.

В годы войны правительством Казахстана была передана земля, несколько десятков гектаров, в вечное пользование университету в Алма-Атинской области для того, чтобы студенты и преподаватели смогли прокормиться в тяжелые военные годы. И этот участок земли, названный потом агробиостанцией, является еще одним доказательством, как государство заботилось об единственном в то время университете, его сотрудниках, преподавателях и студентах. За долгие годы в истории университета агробиостанция вошла как экспериментальная площадка биологического факультета, место прохождения практики и работы с опытными экземплярами всех биологов университета.

Иван Куприянович продолжает вспоминать:

– Университет поддерживал связь со всеми ушедшими на фронт, из его стен фронтовикам высылали посылки, книги. Переписывались с командованием частей, где они служили. Тем, кто отличился в боях, высылали именные подарки, передавали благодарности земляков.

Ректор и секретарь партийной организации КазГУ не раз выезжали на фронт в составе делегации Казахстана. Во время одной из такой поездки в казахстанскую дивизию Иван Куприянович встретил Ивана Скакуна, добровольца 1941 года, бывшего се-

кретаря партийной организации университета. Позднее он погиб смертью храбрых в одном из боев.

В 1942 году И.К. Лукьянец сам возглавил делегацию из университета на Калининский фронт с подарками со всего Казахстана, где воевало много казахстанцев. Они пробыли там целую неделю, проводя беседы и встречи с фронтовиками, рассказывая о ситуации на родине, о делах и планах университета, приглашая после победы учиться в КазГУ.

В университете была военная обстановка, было много трудностей и сложностей, но несмотря на это, университет расширял свою деятельность. Начинали работать новые кафедры и лаборатории. Студенты старших курсов одновременно с учебной заготовливали продукты, необходимые фронту и тылу. Комсомольцы под руководством Антона Ивановича Ляха, химика по специальности, создали полузаводские установки, на которых стали выпускать наркозный эфир и другие химикаты, необходимые госпиталям Алма-Аты. Во дворе корпуса КазГУ действовали пять таких установок. Студенты тех лет видели объективный характер трудностей военной поры, не роптали, умели довольствоваться малым и не позволяли расслабиться, снизить свою работоспособность.

Несмотря ни на какие трудности, в университете сложился дружный, уникальный коллектив, особенно хорошо проявивший себя в трудные военные годы. Например, лаборатория под руководством профессора Ерчиковского, в которой работало более двадцати химиков, произвела тысячи анализов для металлургических предприятий, изготавливавших броню для танков. Студенты под руководством доцента А.И. Ляха производили наркозный эфир, хлор-этил, электролит для лужения и другие вещества для фронта.

Ученые университета оказали большую помощь производству. М.Т. Козловский, позже академик АН КазССР, консультировал Иртышский медеплавильный завод. А.Б. Бектуров, один из основателей нашей академии, вел работу по термофосфатам, получаемым из местного сырья. С.А. Гребинский работал над проблемой земледельческого освоения предгорий Ала-Тау. Н.А. Бартенев разрабатывал проблему управления заповедниками. Д.В. Сокольский исследовал активирование местных углей. Л.Н. Добрецов изучал зависимость теплоты испарения электронов от величины электрического поля. А.А. Гухман развивал тео-

рию подобию в термодинамике. В.Ф. Литвинов исследовал атмосферу со взвешенными в ней частицами. М.И. Усанович развивал фундаментальную теорию электролитов. Этот список можно бы значительно продолжить. Хочется сказать, что каждый из наших ученых – это личность со своей научной школой.

Комсомольцев среди студентов немного: прием в члены ВЛКСМ проходил очень строго. Но все комсомольцы были активистами, многие – спортсменами. Секретарь комитета комсомола, как правило, избирался из студентов старшего поколения. А в это время учились и коммунисты, которым нередко было уже за 30 лет. До 1945 года секретарь комитета комсомола и секретарь партийной организации университета выполняли свои обязанности в порядке общественной нагрузки.

Как ректора, руководителя и просто человека Ивана Куприяновича вспоминали студенты и преподаватели тех лет. И все отдавали должное труду и самоотверженности тех, кто жил, учился и работал в то трудное время в университете. Казалось бы воспоминания идут не только о руководителе, но в целом об университете, а в этом и заключалась заслуга ректора в неимоверно трудной жизни создать условия для учебы и работы.

М.Ф. Авазбакиева с теплотой и душевной добротой вспоминала годы аспирантуры в КазГУ. Она защитила кандидатскую диссертацию в 1943 году и стала работать доцентом на кафедре физиологии человека и животных, потом была деканом биологического факультета.

Тамара Затинщикова-Сапа, выпускница 1945 года, окончившая отделение журналистики, вспоминает, как работали студенты в Доме инвалидов, в библиотеке, говорит о годах учебы, и о том, как преподаватели, декан и ректор всегда поддерживали студентов. Она закончила двухгодичные курсы медсестер, но ее руководство университета не разрешили призвать в армию, так как в то время студентов старших курсов не разрешали призывать. А Указ Сталина выполняли серьезно [5].

Шестьдесят лет работы в университете для Тамары Петровны Струц начались в сентябре 1942 года. Украинская девушка в далекой слободе Швисковецкая заканчивает семилетку, среднее образования получает в Могилев-Подольске Винницкой области. Тамара в 1940 году поступает учиться. Летом 1941 года в свою вторую сессию Тамара смогла сдать только один экзамен. Киев

стали бомбить. Все ребята ушли на фронт, а девушек 1-2 курса отправили в Воронежский университет. Когда война приблизилась и туда, одних эвакуировали в Ташкент, других – в Алма-Ату. Без документов, без ничего юная Тамара живет в селе Дмитриевка Энбекши – Казахского района и почти год работает в колхозе.

Однажды, приехав в Алма-Ату по каким-то делам, на улице она встречает пожилого человека, лицо которого ей кажется знакомым. Останавливает его и говорит: «Вы же профессор Киевской лесотехнической академии. Вы у нас не преподавали, но я Вас помню, я там училась на первом курсе».

Профессор привел Тамару Петровну в Казахский государственный университет к ректору И.В. Лукьянцу. Только по рекомендации профессора ее приняли на биологический факультет, и с сентября 1942 года до сентября 2002 года в трудовой книжке Тамары Петровны значатся надписи: студент, преподаватель, директор музея истории Казахского национального университета [6].

Вспоминает студентка отделения журналистики военных лет Евдокия Никаноровна Первомайская (Бондаренко):

– В 1939 году я поступила Коммунистический институт журналистики, позже ставший факультетом университета (с сентября 1941 года). Уже на II курсе института, я стала Пушкинской стипендиаткой, избрана секретарем комитета комсомола. Началась война, и никто тогда не стоял в стороне: работала в госпитале, а во время каникул помогала колхозам собирать урожай. В нашей бригаде (я была бригадиром) было лишь два парня, остальные – человек 40 – девушки. Спали в клубе, постелью была солома, и еще какая-нибудь тряпица. Наступила осень, один из парней мне все твердил – давай «смываться». Но я ответила, что без разрешения этого не будет. Этот Володя Гринберг самовольно ушел. Я не стала замалчивать это дезертирство. Ректор И.К. Лукьянец послал потом парня в наказание на месяц корчевать саксаул. В. Гринберг меня всячески ругал, но потом даже стал ухаживать. Вот, что, значит, быть наказанным справедливо.

С именем Ивана Куприяновича Лукьянца в моей жизни был и такой удивительный случай. На III курсе я подала заявление о вступлении в партию. И вот я прихожу на заседание парткома, подаю рекомендацию комитета комсомола (я в то время была секретарем комитета КазГУ), а меня спрашивают, где рекомендации двух членов партии. До сих пор удивляюсь, как это я, как ребен-

нок, поступила, явившись без нужных рекомендаций. Секретарь парткома Грингуз (чудесная женщина) говорит: «Ну что нам с ней делать? Давай дадим ей рекомендации. Мы же ее хорошо знаем». И тут же она и И.К. Лукьянец написали рекомендации. Так я в 1943 году стала кандидатом в члены партии [7].

Мой отец, Ахметов Сейсенбек, инвалид Великой Отечественной войны, потерявший руку под Москвой, приехал демобилизованный поступать в КазГУ на отделение журналистики. Он на фронте вступил кандидатом в члены КПСС, и уже в университете после прохождения кандидатского стажа стал членом КПСС. С конца 1942 по 1947 годы учился, закончил уже казахское отделение факультета журналистики КазГУ. Жил в общежитии в комнате инвалидов войны, получал Сталинскую стипендию за отличную учебу и общественную работу. Его фотография была на стенде отличников как стипендиата имени Сталина. На русском отделении параллельно с ним учился также раненный, и получивший время на излечение, Виктор Пуриц. Они, фронтовики, стали друзьями. Друзьями уже в первые послевоенные годы стали мой отец и В.И. Фурсов, которые жили в одной комнате инвалидов Великой Отечественной войны в общежитии КазГУ [8]...

Все они, отец и его товарищи, с теплотой вспоминали и рассказывали мне о своем ректоре И.К. Лукьянце и родном университете. Я так горжусь, что записывала их воспоминания, писала о становлении КазНУ имени аль-Фараби.

Мой старший товарищ и друг, профессор Алексей Васильевич Соловьев оставил великолепные воспоминания о своем научном руководителе А.К. Лукьянце:

– На долю И.К. Лукьянца выпало и тяжелое бремя ответственности за коллектив университета в страшный период репрессий и доносов, когда порядочное, лояльное отношение к людям расценивалось как неблагонадежное, антисоветское. Иван Куприянович был сдержанным человеком и никогда не ввязывался в политическую борьбу, но однажды он не сдержался. Поступил донос о том, что создана политическая группа целью которой является свержение правительства Казахстана, в которую вошли Бисембаев, К. Сатпаев, М. Ауэзов и еще около 30 человек, а возглавлял ее А.В. Соловьев. Помню, тогда мне с трудом удалось удержать его от физической расправы над Накановым, автором доноса.

И сам ректор не раз, а точнее постоянно, являлся объектом доносов, критики, а критика в адрес ректора была очень жесткой. Хорошие, дружеские отношения с Е.Б. Бекмахановым стали предметом регулярных доносов. Если самого Е.Б. Бекмаханова обвиняли в развязывании национализма, то И.К. Лукьянца обвиняли в пособничестве развязыванию национализма в университете и ненадлежащем отношении к таким, как Е.Б. Бекмаханов.

Между И.К. Лукьянцем и Е.Б. Бекмахановым действительно были хорошие отношения, тем не менее И.К. Лукьянцу не удалось защитить Е.Б. Бекмаханова от ссылки, тем более на тот момент он уже не был ректором.

Однажды, будучи приглашенным к нему домой, я задал вопрос Ивану Куприяновичу:

– Вы столько лет были ректором университета, занимали высокий государственный пост, а живете в двухкомнатной квартире на первом, почти цокольном этаже.

На что он ответил:

– Я мог получить любую квартиру, но я был на политическом посту, и любые излишества в тяжелое для страны время ни к чему, кроме того, что только сделало бы меня объектом нападок людей недалеких, которые пишут налево и направо.

После большой чистки в 1954 году руководства республики И.К. Лукьянец был снят с должности и полностью перешел на работу в университет, где до самой пенсии работал на кафедре истории КПСС [9].

Доцент-историк Клавдия Павловна Коржева вспоминает:

– В возрасте девяносто двух лет, за два месяца до кончины, Иван Куприянович передал в Совет ветеранов статью, написанную им по просьбе редакции ветеранского сборника [10].

... Замечательный организатор, вынесший тяжелые годы войны, как успешный руководитель страны и университета, был награжден за свой труд орденом Отечественной войны 1 степени, двумя орденами Красного Знамени, медалями, грамотами, дипломами [11].

Потом, уже ставший пенсионером, он был все равно в строю. В строю профессорско-преподавательского состава КазГУ имени С.М. Кирова.

Литература

1. Лукьянец И.К. У истоков Казахского государственного университета. //Страницы пережитого. Воспоминания ветеранов. – Алматы: КазГУ. – 1995. – 166 с. /31-37/.
2. Наш адрес – КазГУ. – Алма-Ата: Жалын. – 1984. – 176 с. /71-77/.
3. Кусанова Ш.А. Я – дочь университета. //Страницы пережитого. Воспоминания ветеранов. – Алматы: КазГУ, 1995. – 166 с. /116-120/.
4. Ахметова Л.С. Брестская крепость и КазГУ: связь времен. // Вестник. Серия Журналистика. – Алматы: Казахский университет. – 3(41) 2016. – 205 с. /54-59/
5. Ахметова Л.С. Тамара Затинщикова-Сапа, выпускница 1945 года. //Вестник. Серия Журналистика. – Алматы: Казахский университет. – выпуск 3, 2004. – 229 с. /50-55/
6. Ахметова Л.С. Мои наставники, коллеги, друзья. //Страницы пережитого. Воспоминания ветеранов. – Алматы: КазГУ. – 1995. – 166 с. /76-82/.
7. Воспоминания студентки отделения журналистики военных лет Евдокия Никаноровна Первомайская (Бондаренко). //Личный архив Ахметовой Л.С.
8. Ахметова Л.С. Память сердца. – Алматы: Казахский университет. – 191 с. /128-129/
9. Соловьев А.В. Воспоминания о ректоре. //Ученые, педагоги, наставники. Очерки и воспоминания. – Алматы: Казахский университет. – 2004. – 281 с. /118-121/
10. Коржева К.П. От звонка до звонка. Роль ветеранов университета в учебно-воспитательном процессе. // Страницы пережитого. Воспоминания ветеранов. – Алматы: КазГУ. – 1995. – 166 с. /156/.
11. Летопись Казахского Национального университета имени аль-Фараби. 1934-1960. Том 1. – Алматы: Казахский университет. – 2004. – 250 с. /161/.

ТАЖИБАЕВ Тулеген Тажибаевич.
Ректор КазГУ 1948-1953 гг.

Естественно, я в силу своего возраста не была знакома с Т.Т. Тажибаевым. Но собирая материал о жизни КазГУ XX века, все время сталкивалась с отзывами о нем. Возможно потому, что тогда в советское время жили еще люди, которые работали под его руководством. Самые теплые воспоминания оставили преподаватели кафедры педагогики, где Тулеген Тажибаевич был долгие годы заведующим, это – Тамара Петровна Струц и Рашида Хабибулловна Хисматуллина, с которыми я долгие годы, работая в университете, дружила. Рассказывала мне о нем и Клавдия Павловна Коржева, доцент,

Тажибаев Т.Т.,
академик АН КазССР,
доктор педагогических наук

историк, занимающийся вопросами античности, Дина Исабаевна Дулатова, профессор, историк и другие люди. Спокойное, уважительное отношение к ректору, уверенность в том, что он не даст своих работников в обиду, постарается по максимуму помочь попавшим в беду. Да, он был вынужден следовать правилам установившейся в то время игры, но он помогал выжить в зачастую несправедливое время и отношения к себе, людям, университету.

Каждый из вышеупомянутых вспоминал эпизоды жизни, когда они сталкивались с трудностями, и ректор помогал им в решении производственных и личных проблем. Конечно, время было другое, да и в работе очень ценился личный фактор, а те люди, которые рассказывали мне о нем, уже не один десяток лет работали в стенах университета. а значит они сами были тем бесценным человеческим капиталом, знатоками, профессионалами, которыми всегда славился наш университет.

Доцент, кандидат исторических наук Зайден Мусурманович Мусурманов вспоминает о своем учителе:

– Я хорошо знал Тулегена Тажибаевича. Он заведовал кафедрой педагогики и психологии филологического факультета, где я

учился. Он нам читал основные курсы по психологии. Академик АН Казахской ССР Т.Т. Тажибаев был научным руководителем моей дипломной работы, которая на Республиканском конкурсе научных студенческих работ получила диплом первой степени. Конечно, благодаря ему я заслужил такую честь.

Профессор Т.Т. Тажибаев был человеком с красивым лицом, светлой головой, твердым характером, внешне представительным, привлекающий к себе внимание окружающих. К студентам относился строго и требовательно, но одновременно проявлял заботу о них.

– Мы учились в первые послевоенные годы. Когда страна переживала большие трудности. Доктор педагогических наук Т.Т. Тажибаев говорил: «Не бойтесь их. Они временные.» В связи с этим вспоминал свои студенческие годы в Ленинграде после гражданской войны. В стране голод, нищета. У него с товарищем были одна пара сапог на двоих. По очереди надевали их. Вот так учились и получали образование и стали людьми, как видите ... [1].

Тамара Петровна Струц вспоминает о первом приходе ректора в университет:

– Министр иностранных дел Казахстана, профессор. У преподавателей и сотрудников университета был исключительно повышенный интерес к личности Тулегена Тажибаевича. Отлично владел английским языком, выступал на нем на сессии ООН, чем, как свидетельствовала тогда мировая пресса, буквально поразил тех, кто его слушал. Он привлек внимание к Казахстану, о котором тогда по ту сторону океана знали очень немногие.

Тулеген Тажибаевич был человеком высокой культуры, был жизнерадостным и веселым. Были в его жизни и трудности, но он переносил их мужественно. Он знал многих сотрудников не только в лицо и обращался к ним по имени-отчеству. Проходя по коридорам университета, он первым здоровался с людьми, будь то профессор или уборщица. Это ли не подлинная культура...

И еще один случай о сдаче экзамена по педагогике (при поступлении в аспирантуру). На экзамене присутствовал Тулеген Тажибаевич. Экзамен проходил необычно, в виде беседы. Когда у меня спросили, что такое педагогический такт, я ответила примерно так: «Это умение разговаривать с людьми, умение найти подход к каждому члену кафедры, к каждому сотруднику, студен-

ту, как это получается у Тулегена Тажибаевича». Он рассмеялся и сказал: «Неужели это у меня получается?» [2].

Я составляла историю университета глазами молодых. Отмечу годы руководства университетом Т. Т. Тажибаевым.

– 1948 год. В университете работает студенческое научное общество (СНО) имени Чокана Валиханова. Общество имеет отделения на всех факультетах, выпускает сборники и бюллетени, организует научные конференции.

– 20 апреля 1948 года выходит в свет газета «Қазақ университеті» («Казахский университет»), издаваемая на двух языках.

– 19 апреля 1949 года коллектив биологического факультета взял обязательства оказывать помощь колхозам Алма-Атинской области в выполнении решений ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР о создании полезащитных лесонасаждений. Были организованы выезды в колхозы, где студенты и сотрудники помогали закладывать лесопитомники, учили ухаживать за молодыми деревьями.

– 1950 год. Организован спортивный клуб КазГУ.

– 1951 год. Построен стадион, 1956 год – пятизальный спортивный комплекс.

– 1951 год. Вышел в свет общественно-научный, художественный, литературный альманах факультета журналистики «Наше слово». Альманах посвящался 30-летию Казахской республики.

– 1951 год, с 10 сентября. Группа студентов университета проходила практику в Ленинграде на научной станции института физиологии в знаменитых лабораториях И.П. Павлова [3].

В биографическом очерке книги «Летопись Казахского Национального университета имени аль-Фараби», том 1 эти факты звучат в трех строчках многогранной деятельности ректора Т.Т. Тажибаева [4].

С юности, работая над темами патриотического и интернационального воспитания молодежи, я все время расширяла временной отрезок своих исследований по XX веку. Конечно, тема всегда затрагивала и студенческую молодежь, а изучать эти вопросы я всегда начинала с родного университета. XX век вообще в исследовании очень тяжел по многим причинам. Надо было разбираться со многими вопросами, которых как бы не было вообще

или существовал запрет на изучение этих вопросов. Перестройка и суверенизация стран в этом добавили больше проблем. Мы не могли уйти от обвинений, увеличений, запугиваний и прочего. Для этого нужно время, профессиональный подход и спокойное рассмотрение дел давно минувших лет.

Так что же было в то далекое сложное время и как решались политические и пропагандистские вопросы в КазГУ имени С.М. Кирова, которым руководил ректор Т.Т. Тажибаев?

67 лет назад – эпоха разгара послевоенной трагедии – поиска врагов: первоначально – филологов, затем космополитов. Следующая ступень – враги – националисты.

Откроем архивы прошлого, заглянем в воспоминания переживших, посмотрим газеты 1951-го года и вспомним... Такие трагедии не подлежат забвению. Необходимо знать факты, а потом уже читателю делать вывод, почему же цвет советской и казахской интеллигенции, думающий, пишущий, не молчащий был объявлен, кто «безродным космополитом», а кто и «буржуазным националистом».

Итак, небольшие фрагменты из жизни Казахского государственного университета, в ту пору второго по значимости (после Академии наук) научного и первого профессорско-преподавательского центра Казахстана.

– В 1947 году вышла книга Е. Бекмаханова «Казахстан в 20-40 годы XIX века» [5].

26 декабря 1950 г. в газете «Правда» была опубликована статья «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана», в которой вскрывались грубые политические ошибки, допущенные Е. Бекмахановым при оценке реакционного феодально-монархического движения хана Кенесары Касымова.

10 апреля 1951 ЦК КП(б)К обсудил статью «Правды» и принял решение, в котором отметил, что статья правильно вскрывает ошибки Бекмаханова.

Вопрос этот самым непосредственным образом касается и нас с вами, и поэтому мы не можем обойти и оставить его без тщательного изучения [6].

Эта длинная цитата из обсуждения с партийного собрания физкультурного института.

Не можем обойти этот вопрос и мы с Вами с болью и тревогой, перелистывающие архивные дела, страницы газет полуве-

ковой давности. Почему было так? Как не быть манкуртом? Что взять с собой в XXI век? Боль и тревогу? Дилентализм? Интеллигентность, достоинство, культуру и высокий уровень настоящего ученого, выдающегося руководителя, ректора, до последнего защищающего своих подчиненных...

Как это было...

28 февраля 1949 г. был подписан приказ Министра высшего образования СССР № 242 «О крупных недостатках в работе кафедр общественных наук Казахского государственного университета им. С.М. Кирова и мерах по их устранению».

В этом приказе были отмечены «крупные» недостатки в работе кафедр марксизма-ленинизма, философии, всеобщей истории и истории Казахской ССР.

Анализируя работу преподавателей, применяя по отношению к ним гневные эпитеты и резкую критику, автор приходит к выводу, «что преподаватели указанных кафедр и ректорат университета не сделали еще надлежащих выводов из постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, из итогов философской дискуссии, а также августовской 1948 года сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина и не перестроили в этом направлении своей работы».

Ректору предписывалось немедленно ликвидировать указанные недостатки, развернуть большевистскую критику и самокритику, улучшить семинарские занятия, предусмотреть взаимные посещения занятий преподавателями, обеспечить помощь начинающим преподавателям и т.д. [7].

– Ректором университета был тогда профессор Т.Т. Тажибаев. Умный и честный человек, он старался уберечь свои кадры от полного разгрома. Кампания началась в нашей «провинции» с большим опозданием. Когда она развернулась, в Москве уже был дан отбой... – вспоминает А. Жовтис [8].

В 1950 г. работала бригада ЦК Компартии Казахстана. Были подготовлены объемные документы «Отчеты, докладные записки и справки по результатам проверки состояния работы КазГУ» [9].

– Наличие значительного количества недостатков и ошибок в работе университета объясняется прежде всего тем, что партбюро не проявляет большевистскую принципиальность и настойчивость в постановке и разрешении важнейших вопросов полити-

ческой и учебной жизни университета, примиренчески относится к недостаткам и ошибкам руководства университета.

Ректор университета Т.Т. Тажибаев к своим обязанностям относится формально, замазывает свои ошибки и старается не вскрывать недостатки в его руководстве. Своей открытой поддержке Е. Бекмаханова и его сторонников, своим непартийным отношением к буржуазно-националистическим ошибкам Бекмаханова, Исмаилова и других тов. Тажибаев способствовал приглушению бдительности в парторганизации университета.

Как политический руководитель тов. Тажибаев считался в плену у буржуазных националистов, оказывая им всяческую помощь и поддержку.

На приказ министра Высшего образования СССР от 28 февраля 1949 года, в котором разоблачались буржуазно-националистические концепции Е. Бекмаханова, ректор университета ответил, что министр неправильно обвиняет Е. Бекмаханова и аттестовал его как честного и эрудированного ученого уже исправившего отдельные ошибки и недостатки в своих трудах.

После опубликования статьи в газете «Правда» от 26 декабря 1950 года «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана» тов. Тажибаев вместо принятия необходимых мер по реализации статьи «Правды», приказах от 26 февраля с.г. предоставил Е. Бекмаханову «научную» командировку в Москву, который ездил туда с целью своей реабилитации [10].

Странно, прозвучала на Пленуме (ЦК КП(б) Казахстана) речь ректора Казахского государственного университета тов. Тажибаева. Он явился одним из рьяных защитников ныне разоблаченных буржуазных националистов, устраивал их на кафедры университета в качестве преподавателей, а идейных противников Бекмаханова изгонял из университета, грубо зажимал критику. На Пленуме тов. Тажибаев меньше всего говорил о своих ошибках. Вместо этого он обрушился на коммунистов, которые помогли партийным органам вскрыть недостатки в работе университета [11].

– Президент Академии наук Казахской ССР тов. Сатпаев, ректор Казахского государственного университета тов. Тажибаев, председатель Союза советских писателей Казахстана тов. Муканов не возглавили большевистскую критику и самокритику, не создали условий для всемерного развития ее [12].

4 ноября 1951 г. в «Казахстанской правде» опубликован большой материал «Повысить уровень идеологической работы» – с собрания партийного актива г. Алма-Аты. Коммунисты гневно осуждали предполагаемых врагов буржуазно-националистического толка.

Секретарь ЦК КП(б) Казахстана в докладе отметил: «Эти серьезные недочеты (преподавание на низком уровне, отсутствие критики и самокритики) наиболее ярко видны на примере Казахского государственного университета. Известно, что ректор тов. Тажибаев не возглавил критики недостатков в работе университета, неразборчиво подходил к подбору профессорско-преподавательского состава, в результате чего некоторые преподаватели оказались несоответствующие своему назначению. Ректорат и парторганизация университета неудовлетворительно ведут политико-воспитательную работу среди преподавателей и студенческой молодежи». В докладе критике подвергся и президент Академии тов. Сатпаев.

Это дало возможность развернуться «оживленным прениям: Выступали много известных и малоизвестных в настоящее время ученых и преподавателей, которые предъявили двум руководителям крупнейших научных центров «серьезные обвинения». Всего выступило 25 человек. Прочитываем газету не высказываниями людей, которые, кто в угоду властям, кто, боясь властей, а кто и в свое удовольствие, чернили своих старших братьев, известных ученых и общественных деятелей, а тем материалом, в которых высказывалась официальная точка зрения на непокорных.

– На собрании партийного актива выступил ректор Казахского государственного университета тов. Тажибаев. Известно, что тов. Тажибаев всячески опекал и поддерживал Е. Бекмаханова и его единомышленников, изгонял из университета тех, кто разоблачал их вредоносную деятельность. На собрании партийного актива он старался обелить и выгородить себя. Трибуну собрания тов. Тажибаев использовал для попыток дискредитировать, опорочить коммунистов, которые помогли разоблачить Бекмаханова и других проповедников буржуазного национализма, вскрыли серьезные недостатки в работе университета и политические ошибки его ректора.

С совершенно неубедительными, голословными оправданиями выступил на собрании президент Академии наук тов. Сатпаев.

Его выступление носило беспринципный, «деляческий характер» [13].

История показала, что тот гневный хор хулителей ушел в небытие.

Остались яркие имена – звезды отечественной науки Т. Тажибаев и К. Сагпаев.

Результаты поиска «буржуазных националистов»:

– Странное впечатление произвело выступление ректора Казахского государственного университета тов. Тажибаева. Как известно, тов. Тажибаев упорно уклоняется от признания того, что он рьяно защищал Бекмаханова и его сподвижников, покровительствовал им, зажимал критику и самокритику. Выступая на конференции, тов. Тажибаев вновь отмолчался от серьезных обвинений, предъявляемых ему, заявив, что он якобы «о своих ошибках говорил уже достаточно». Конференция отвела кандидатуру тов. Тажибаева, и он не был избран делегатом на V съезд КП (б) Казахстана [14].

В «Справке о мероприятиях, проведенных в КазГУ им. С.М. Кирова в связи со статьей газеты «Правда» от 26.12. 1950 г. «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана» и решением ЦК КП (б) Казахстана от 10 апреля 1951 года» доложено следующее:

«Мероприятия были выполнены по историческому факультету, по научной работе, по учебной работе, по линии партийного бюро изложены в отдельной справке».

И лишь в конце последней страницы «... в мае месяце на расширенном заседании деканата были обсуждены политические ошибки профессора Ауэзова, доцента Исмаилова и Шаимбаева ...

В феврале месяце Е. Бекмаханов был отстранен от чтения лекций.

В апреле был освобожден от работы в университете доц. Жиренчин и в последнее время доц. Исмаилов» [15].

Прошло 67 лет, третье десятилетие об этом говорят, открыто, написаны десятки книг и сотни статей о том, как это было...

Сегодня в Казахском государственном университете им. аль-Фараби имеются Бекмахановская и Тажибаевская аудитории, проводятся Бекмахановские и Тажибаевские чтения, защищаются дипломные, магистерские и докторские диссертации. История поставила точки над і. Так было. Так будет.

Литература

1. Мусурманов З.М. Тoleген Тажибаевич Тажибаев в моей жизни. // Ученые. Педагоги. Наставники. – Алматы: Казахский университет. – 2004. – 281 с. /123/.
2. Струц Т.П. О моих наставниках //Ученые. Педагоги. Наставники. – Алматы: Казахский университет. – 2004. – 281 с. /184-185/.
3. Наш адрес – КазГУ. – Алматы: Жалын. – 176 с. /18-19/.
4. Летопись Казахского Национального университета имени аль-Фараби. Том 1. – Алматы: Казахский университет. – 2004. -250 с. /215-216/.
5. Бекмаханов Е. Казахстан в 20-40-е годы XIX века. – А-А., 1992, 398 с.
6. Архив Президента Республики Казахстан (далее – АП РК), ф. 708, оп. 15, д. 1464, л. 24.
7. АП РК, ф. 708, оп. 14, д. 1640, л.41.
8. Жовтис А. Как и зачем нас разоблачали. – Вечерняя Алма-Ата. – 1991 г. – 28 января.
9. АП РК, ф. 708, оп. 14, д. 1640, лл. 38-121.
10. АП РК, ф. 708, оп. 15, д. 245, с. 76.
11. Черниченко А. Повышать уровень идеологической работы. На Пленуме ЦК КП (б) Казахстана. – Казахстанская правда. – 1951 – 21 октября; – Правда. – 1951. – 20 октября.
12. Поднять уровень идеологической работы на всех участках. – Казахстанская правда. – 1951. – 21 октября.
13. Повысить уровень идеологической работы. С собрания партийного актива г. Алма-Аты. – Казахстанская правда. – 1951. – 4 ноября.
14. До конца устранить недостатки в идеологической работе. Фрунзенская районная партийная конференция г. Алма-Аты. – Казахстанская правда. – 1951. – 9 декабря.
15. АП РК, ф. 708, оп. 14, д. 1640, лл. 102-106; Ахметова Л.С. Патриотизм в ракурсе истории. – Алматы: Санат, 1996. – 224 с./30-45/; Ахметова Л.С. Ермухану Бекмаханову – 100 лет – <https://zonakz.net/2015/02/13/ermukhanu-bekmakhanovu-100-let/>

ДЖОЛДАСБЕКОВ Умирбек Арисланович.

Ректор КазГУ имени С.М. Кирова

1970-1987 гг.

Было очень весело и интересно. Впервые первый курс собрался в общежитии сразу же после сельхозработ «обмывать» и поступление, и окончание работ по сбору табака.

Большая трехместка нашего старосты Саши Райша, и мы, зеленые первачки 104 группы, в то время по-простому называемые «школьники». Стол заставлен салатами, было и вино. Мы же взрослые! Все это впервые! Только разлили, и вот-вот будет первый тост. Раскрываются двери, и появляется декан Михаил Иванович Дмитровский и какой-то человек. Глядя на белое лицо декана, мы догадываемся, что что-то здесь не то. Кто-то предлагает гостям присаживаться к столу и отпраздновать наше поступление в КазГУ.

Наши гости отказываются. Незнакомый человек нам говорит: «Празднуйте, но только, пожалуйста, не до упаду». Комиссия уходит, вместе с ними выходит староста. Через несколько минут заходит, и на наш вопрос отвечает, что это был ректор.

Так, я впервые познакомилась со словом ректор и увидела настоящего ректора Умирбека Арислановича.

... В 24 года меня назначают начальником пионерского лагеря КазГУ «Восток-3». Я, в то время молодой преподаватель и коммунист, с энергией взялась за дело. На носу открытие лагерного сезона, но тут известие, что райком партии не утверждает мою кандидатуру в силу молодого возраста. Но У.А. Джолдасбеков сказал: «Оставить». Так я проработала три года начальником лагеря. Отмечу лишь следующее. Наш лагерь был весьма скромен, построен в начале 60-х годов и соперничать с другими лагерями, тем более Алма-Атинской области, не мог. Из 63 пио-

Джолдасбеков К.А.,
академик АН КазССР,
доктор технических наук,
профессор

нерлагерей в области, когда я принимала лагерь, мы занимали 59 место. Мой главный ориентир был не финансовое обеспечение и добротные постройки, а человеческие ресурсы: педагоги – наши студенты, замечательные мероприятия, любовь детей и к детям. На третий год нашей деятельности мы занимали по главным показателям работы почетное пятое место. Так я оправдала доверие У.А. Джолдасбекова, который всемерно помогал во всем, одним словом, решая многие проблемы, которые не делались годами.

Запомнились два эпизода из лагерной жизни. Как выяснилось, в смете не было предусмотрено приобретение медикаментов. Бухгалтерия отказалась покупать. Меня отправляли из кабинета в кабинет. Никому не было дела до того, что завтра – заезд, а медикаментов нет. Я разозлилась и напрямую отправилась к ректору. Объяснила причину. После этого проблем с медикаментами не было никогда.

Проработав три года и блестяще отчитавшись за летний сезон на совместном заседании месткома и парткома, я собиралась работать и дальше, так как мне это очень нравилось, но меня вдруг вызывает ректор и спрашивает: «Ты всю жизнь собралась работать в лагере? Когда защита? У тебя какой год аспирантуры? Ты работаешь в КазГУ!»

Меня это страшно задело, и последний год аспирантуры я работала день и ночь, смогла в срок обсудиться, а потом и защититься. Так, благодаря пожеланию и наставлению Умирбека Арислановича я стала кандидатом наук.

Следующий эпизод. Заканчивался срок аспирантуры, по направлению я должна была ехать в Жезказган. У меня была семья, маленький ребенок, квартира, и я, конечно же, хотела работать в КазГУ. Партийный комитет предложил мне работать в студенческом профкоме. Я согласилась. Пошли согласовывать с У.А. Джолдасбековым, а он – ни в какую. Женщине не место – работа в профкоме. Тогда партком мне предлагает работать зампредела. Тут отказываюсь я: «Буду работать, но только председателем». На этом вроде бы и разошлись.

До сих пор помню последние дни октября 1981 года. На кафедре идет обсуждение моей диссертации. Приходит телефонограмма: Ахметову Л.С. срочно вызывают на мехмат на студенческую профсоюзную конференцию. Я, естественно, сижу на своем обсуждении. Потом с тяжелым сердцем, не торопясь, иду на мех-

мат в актовЫй зал. Я поняла, что партком мне прикажет, и никуда не деться – буду замом.

Прихожу в разгар конференции, прохожу и сажусь в первый ряд, чтобы меня видел президиум.

Объявляют перерыв. Меня приглашают в комнату для президиума. Захожу. Вижу большое количество людей, с любопытством взирающих на меня.

Слышу голос Н.В. Руденко, секретаря парткома: «Ляйля, тебе было сказано явиться к началу конференции ...» И вдруг во мне проснулся бес: «Николай Васильевич, меня ведь не ругать надо, а поздравлять. Сейчас только мою диссертацию рекомендовали к защите!»

Минутное молчание... и голос У.А. Джолдасбекова: «Без пяти минут кандидат, будем рекомендовать председателем».

Так я стала председателем, но это не означало доверие ректора ко мне. В такой обстановке было трудно, однако я серьезно начала работать. Месяца через два помог мне случай. Мною впервые была налажена так работа с председателями студсоветов (в то время они входили в состав профкома), что всю информацию они докладывали в первую очередь мне, а потом уже другим.

Однажды ночью случилось ЧП. Мне сразу же позвонили домой. Всю ночь я говорила со всеми, кто мог что-то сделать, был принят ряд мер по ликвидации ЧП.

Без четверти девять я была в приемной. В девять часов зашел в приемную У.А. Джолдасбеков. В десять часов должно было быть в кабинете у ректора большое заседание с деканами, куда была приглашена и я. В течение часа в кабинет ректора заходили и выходили проректора, секретарь парткома. Меня он не принял, т.к. было большое количество дел.

Без пяти десять я не выдержала и, толкнув дверь, вошла в кабинет. В кабинете сидели проректор и секретарь парткома, и я сказала: «В университете ЧП. Я уже час жду, необходимо принять меры, поэтому доложу обстановку...»

С этих пор Умирбек Арисланович стал поручать мне ряд заданий. Конечно, я понимаю Умирбека Арислановича, когда он был против кандидатуры женщины – председателя студенческого профкома. Слишком уж большое, неженское хозяйство. Я, городская казашка, работала, в основном, с ребятами из аулов, проживающими в общежитиях. Но зато как мы работали! Какой

был профком! До сих пор активисты приходят ко мне домой, общаются со мной, дружат, считают своей старшей сестрой! И не только в КазГУ сейчас, но и во многих областях Казахстана и за рубежом работают профсоюзные активисты университета 80-ых годов XX века.

Будучи председателем профкома, был у меня конфликт с одним руководителем. В кабинете ректора состоялся серьезный разговор, в результате которого я оказалась виноватой. Я не смогла дать отпор и молча слушала нелюбезные вещи о себе. Итог был подведен: я виновата во всем. Я молчала, скорее от неожиданности, чем от растерянности.

Умирбек Арисланович сказал: «Так, разобрались. Теперь по порядку. Вы – в одной команде. И чтобы я больше не слышал ничего подобного. С этих пор Вы – друзья, понятно? И будете помогать друг другу!»

С горечью я вышла из кабинета ректора. Настроение было плохое. Часа через два – звонок, меня приглашают к ректору. Зайдя к нему, услышала: «Успокоилась? Я знаю, что здесь не твоя вина. Но почему ты не защищалась? Молчанье не всегда золото. У тебя не было аргументов, фактов. Не умеешь, не спорь». И дальше без имен он рассказал свой подобный случай из его жизни, как надо было поступать в таких случаях. Этот урок я запомнила на всю жизнь. И часто потом прибегала к той аргументации, которую научил меня Умирбек Арисланович.

С тем руководителем мы стали большими друзьями. С годами действительно начинаешь понимать многое то, что не видишь в молодости и с юношеским максимализмом принимаешь или только белое, или только черное.

Умирбеку Арислановичу нельзя было говорить неправду. Ректор охватывал человека с лёту, когда он еще шел в кабинете. Прекрасный психолог, Умирбек Арисланович сразу же видел, что кому и зачем надо. Зная об этом, лучше было прийти и сказать о проблеме, и почему именно ты занимаешься этой задачей. Все знали, если Умирбек Арисланович сказал, то это будет исполнено. Так, например, я решила проблему с жильем одному университетскому профсоюзному работнику.

Много вопросов решалось по художественной самодеятельности. Сколько времени, сил и внимания тратил ректор на то, чтобы наша самодеятельность гремела на всю страну и республику.

33 коллектива художественной самодеятельности, из них три – народных, таким богатством похвалиться могли только несколько университетов в Советском Союзе.

И в год 50-летия КазГУ только благодаря усилиям ректора нам была выделена значительная по тем временам сумма денег Казсовпрофом на коллективы художественной самодеятельности в честь юбилея.

Лучшими были у нас и спортсмены. По большинству видов спорта мы были впереди даже физкультурного института, где готовили спортсменов.

Все знали, что при прочих равных условиях, в университет будут зачисляться спортсмены и участники художественной самодеятельности, и как член приемной комиссии я отвечала негласно за эту работу. И когда был полупроходной балл, тогда зачислялись только эти две категории абитуриентов. К слову сказать, через полгода, год проводился мониторинг, действительно ли спортсмены и музыканты оправдывали наше доверие.

Со всей ответственностью скажу: действительно, это была правильная практика отбора талантливой молодежи. Человек, достигающий определенных успехов в одном деле, обычно не отстает, поэтому и спортсмены, и участники художественной самодеятельности были и отличниками в учебе, реже – хорошистами. И их портреты красовались на разных досках почета.

Спортивный клуб КазГУ и многие выдающиеся спортсмены были известны на весь Казахстан, в СССР, за рубежом.

Благодаря Умирбеку Арислановичу у нас была лучшая команда по баскетболу, входящая в высшую лигу «Университет».

Поскольку кураторами спорта были кафедра физвоспитания и студенческий профсоюз, мне пришлось заниматься и проблемами спорта. Я с восхищением наблюдала за игрой баскетболисток и, конечно же, благодаря этому на всю жизнь осталась болельщиком этого вида спорта.

Проблем в спортивной жизни хватало. Тем не менее, именно постоянный прием спортсменов в университет, создание секций, помощь и поддержка спорту, награждение достойных, забота о тренерах и даже посещение спортивных мероприятий делало Умирбека Арислановича очень популярным человеком в спортивной среде. Однако любимым и известным он был не только среди университетских студентов и сотрудников.

Многое было сделано Умирбеком Арислановичем во время моей профсоюзной деятельности, который всегда поддерживал новые начинания: это были один раз в квартал встречи ректора с профсоюзным студенческим активом, школы студенческого профсоюзного актива в спортивно-оздоровительном лагере на озере Иссык-Куль, выпуск брошюр о профсоюзной студенческой университетской работе. Этого не было нигде, и здесь мы были новаторами.

В этот период впервые были введены в университете и в Казахстане две новые формы профсоюзной студенческой работы: льготное, диетическое питание и социалистическое соревнование среди студенческих профсоюзных организаций.

Льготное диетическое питание для сирот-студентов и малообеспеченных было всегда, и сейчас оно имеется. Но мы, изучив опыт Рижского университета, где льготное диетическое питание проводилось за счет 1% стипендиального фонда с целью поддержки студентов с ослабленным здоровьем и проживающих в общежитии, впервые ввели такое питание в Средней Азии и Казахстане.

Надо все это представить, как можно было такое сделать в условиях строгого планирования и централизации!

И здесь заслуга Умирбека Арислановича, что он дал нам разрешение экспериментировать, предоставил 1% стипендиальный фонд в наше распоряжение.

О размахе социалистического соревнования среди сотрудников и не только университета, говорить не приходится. И то, что наш университет всегда был лидером в республиканских и всесоюзных смотрах – это наша история, которая, к сожалению, стала забываться. Но то, что и студенческая профсоюзная организация КазГУ дважды занимала первые места во Всесоюзном социалистическом соревновании – об этом мало кто знает. Мы были первыми ласточками в этом среди вузовских организаций Средней Азии и Казахстана. Участвовать в этом конкурсе, подготовить отчеты по многим показателям было чрезвычайно трудно. И мы были очень благодарны ректору У.А. Джолдасбекову, который предоставил нам оргтехнику, поручил администрации давать все данные, создал все условия не только для написания отчетов, но и создал те направления, которых у нас не было или же помог улучшить ту работу, которая у нас велась,

но все же не имея приоритета, была в несколько скромном положении.

Умирбек Арисланович создавал возможность ездить и знакомиться с профсоюзами других вузов. Наши поездки всегда имели результат. Мы привозили новое, которое внедряли в университетскую жизнь.

Когда я уходила из студенческого профкома, Умирбек Арисланович сказал, что я об этом пожалею, надо работать. Но я посчитала иначе. Действительно, это были одни из лучших годов моей жизни.

Жалела ли я об этом? Да, иногда. А годы это были действительно замечательные, так как это были годы юности, комсомольского задора, удивительной работы, замечательных людей. Это была первая половина 80-ых годов XX столетия.

И.К. Лякьянец с коллегами

И.К. Лякьянец с товарищами по университету

50-летие КазГУ

Вручение переходящего Красного Знамени Министерства образования СССР.
Начало 80-х годов

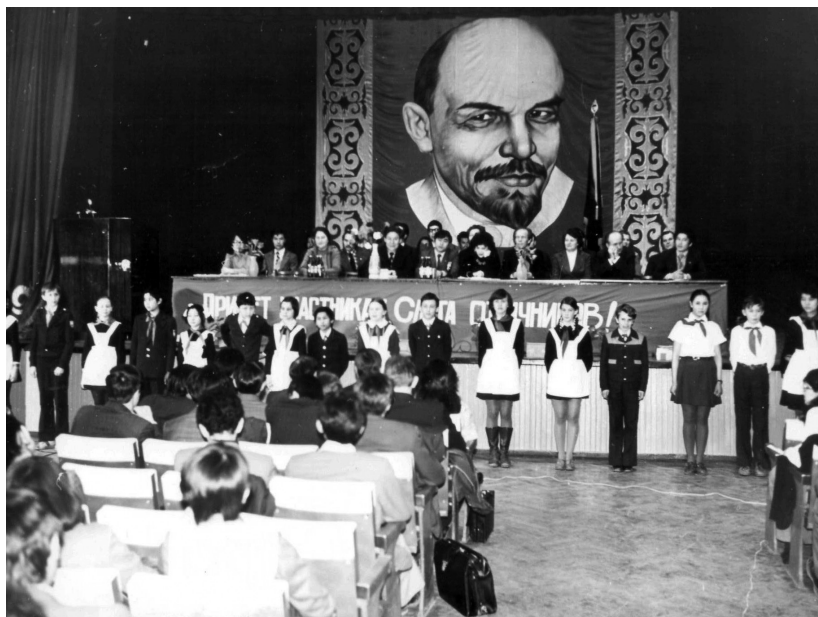
Заседание ректората

Заседание ректората

На демонстрации 1 мая. 80-е годы

Слет отличников КазГУ

Глава 2

НАША ГОРДОСТЬ – ФРОНТОВИКИ

БАСИН Юрий Григорьевич

В течение нескольких десятилетий правовая педагогика и гражданско-правовая наука Казахстана связана с именем Ю.Г. Басина.

Юрий Григорьевич – фронтовик, и этим все сказано. Он – великий ученый, заслуженный юрист Казахстана, заслуженный деятель науки, но всегда главное для меня было то, что он – фронтовик, боевой товарищ моего отца.

Его награды за войну – орден Великой Отечественной войны 1-ой степени и Красной Звезды, в суверенном Казахстане – орден Курмет, много медалей и за фронт, и во время мирной жизни.

Юрий Григорьевич обучал двух моих сестер Нелю и Айгуль и мою старшую дочь Жанну. Поскольку они были отличниками и закончили юридический факультет родного университета с красным дипломом, я гордилась и горжусь ими тогда и сейчас.

На помощь и поддержку Юрия Григорьевича я всегда могла рассчитывать, и ее получала в любое время дня, а иногда и по телефону поздно вечером, звоня домой.

Еще и еще раз подчеркиваю то, старшее на 20 и более лет поколение, которое было перед моим поколением и шестидесятниками – оно иное, чем мы – семидесятники. Мы были другими и перед шестидесятниками, которые вошли в историю всего Союза. Старшее поколение были для нас героями, нашими от-

Басин Ю.Г.,
доктор юридических наук,
профессор

цами и матерями, те, которые так заботились о нас – вошедших в производственную жизнь в семидесятые годы, и мы были для них детьми (шестидесятники были больше младшими сестрами и братьями, поэтому такого единения не получилось, наверно). Поэтому, всегда вспоминая о старшем поколении, я поражаюсь тому многому, что они мне дали, научили, помогли, оберегли, сохранили. На их помощь и поддержку я, активист, общественник, всегда могла рассчитывать.

Однажды уже в конце 90-х годов XX века мне сказал один общий знакомый-юрист:

– Как Вы можете отвлекать от его дел столь занятого человека как Юрий Григорьевич? И что за дела такие, которые не может решить никто? А вы знаете сколько стоит час такого юриста?

Я удивилась этому вопросу. Сейчас понимаю, он исходил из самых лучших побуждений, желая оградить Юрия Григорьевича от разных просителей. Тогда я сказала, что Юрий Григорьевич все равно меня примет, если даже сейчас не сможет, то найдет другое время. Юрий Григорьевич все же нашел в своем плотном графике время, и я встретила с ним. Естественно, я ему ничего об этом не сказала. Почему это произошло? Потому что Юрий Григорьевич, как и другие именитые мои знакомые и сейчас тоже, знал и знают сейчас другие, что я никогда в жизни не занимаю время по пустякам или по своим личным вопросам. Никогда личное не смешивала с общественным, не решала за счет своих связей. Я встречалась с Юрием Григорьевичем как председатель профсоюза преподавателей и сотрудников нашего родного университета, и он это знал, поэтому и находил время для меня.

В то далекое время было довольно сложно работать в университете, в первую очередь, по финансовым причинам. Тогда я придумала один выход из нашего кризиса профсоюзов, то есть помощи сотрудникам КазНУ имени аль-Фараби, но для этого нужна была мощная юридическая консультация, которую Юрий Григорьевич – патриот университета – оказывал мне всегда.

Выслушав меня, Юрий Григорьевич одобрил мой проект, сказал, что будет трудно его провести юридически грамотно, но это все возможно, посоветовал мне к кому обратиться дальше за юридической помощью и от его имени. Проект был осуществлен благодаря помощи многим, и совсем не случайно о работе профсоюзов КазНУ имени аль-Фараби в 90-е годы XX века ходили и

ходят легенды, потому что решали мы вопросы вместе на благо и процветания преподавателей и сотрудников КазНУ имени аль-Фараби, а это значит на благо всего высшего образования и всего Казахстана в целом!

В 1984 году я писала свою первую книгу по заданию партийного комитета КазГУ к 60-летию университета. По замыслу это была первая книга о студенчестве к юбилею. Книга была издана и называлась «Наш адрес – КазГУ!». В ней есть материал о Ю.Г. Басине, который без правок приведу полностью в этой статье:

Закон жизни

Танк двигался в тыл. В бою была выведена из строя его пушка, кончились боеприпасы, действовала лишь ходовая часть.

На броне разместились раненые бойцы, которых транспортировали в медсанбат. Но военная судьба готовила трагедию. На пути танка неожиданно оказалась отступающая немецкая часть. Прямое попадание болванки танк выдержал, вырвался из окружения. Но бойцы с его брони ударом снаряда были сброшены. Уцелел один привязанный за скобу тяжело раненный старший лейтенант Ю.Г. Басин.

Всего лишь один фронтовой эпизод. Мгновение. Но в такое мгновение успеваешь вспомнить всю жизнь.

Свою донецкую школу, выпускной вечер 21 июня в сорок первом, товарищей из военно-пехотного училища, бойцов стрелковой роты, которыми командовал на Прибалтийском фронте, и Ленинградский фронт, и всю семью, которая тоже сейчас на фронте.

На самом деле, воевала вся семья Юрия Григорьевича: отец, участник гражданской войны Григорий Ефимович Басин, и брат – старший лейтенант Владимир Григорьевич, и мать – старший лейтенант медицинской службы Анна Ефимовна Басина.

Прорвется ли танк к своим? Удастся ли еще хоть раз увидеть родных, близких людей?...

И вот 1946 год. Три ранения, боевые награды. 23 года, а жизнь надо начинать будто заново.

Как ее начинать? Решил пойти работать, и одновременно на два года экстерном на отлично Юрий заканчивает Алма-Атинский юридический институт. Давно ли это было! Ныне Юрий Григорьевич Басин – декан юридического факультета Казахского

национального университета имени С.М. Кирова и заведующий кафедрой гражданского права.

Он – известный в стране специалист по проблемам жилищного права, капитального строительства, хозрасчета. Им опубликовано более 120 научных работ. Он принимал участие в подготовке нормативных актов, в том числе таких сложных, как «Гражданской кодекс Казахской ССР», «Кодекс законов о браке и семье Казахской ССР», «Жилищный кодекс Казахской ССР» (проект). За эту работу Ю.Г. Басин награжден Грамотой Президиума Верховного Совета Казахской ССР.

Гордятся своим учителем тысячи учеников Ю.Г. Басина – судьи и прокуроры, следователи и адвокаты, юрисконсульты и сотрудники МВД, работающие во всех уголках республики.

Знают о своем учителе много. Но, может быть, не знают о тех коротких мгновениях на танке, когда к мужеству, терпению, отваге должен был присоединиться и счастливый случай...

И еще один из моих материалов о фронтовиках университета. В нем такие строчки об Юрии Григорьевиче:

– Университет всегда славился своими учеными. Имя Юрия Григорьевича Басина знает вся республика, и не только потому, что долгие годы он был деканом одного из самых престижных факультетов КазГУ.

Он действительно счастливый человек, потому что, трижды раненный, остался жив, потому что мужчин его года рождения по статистике в 1945 году в живых осталось всего два процента, именно поэтому, я думаю, мог состояться такой замечательный человек. Талантливо сочетающий в себе многие черты портрета советского человека – ученый, администратор, общественный деятель, прекрасный семьянин, ветеран Великой Отечественной войны. Юрий Басин начинал свою военную жизнь танкистом, участвуя в боях против немецко-фашистских захватчиков. Он – известный в стране специалист по проблемам жилищного строительства, хозрасчета. Им опубликовано несколько сотен работ, и до сих пор Ю.Г. Басин принимает участие в подготовке многих – нормативных актов. Перед последним съездом профсоюзов РК он консультировал профорганы по многим жизненно важным для всех членов профсоюза вопросам. Ю.Г. Басин всегда откликается на просьбы общественных организаций университета, охотно приходит на встречи, рассказывает о многих проблемах юриди-

ческой науки и о своем видении насущных проблем сегодняшней жизни.

Тысячи учеников Ю.Г.Басина: судьи и прокуроры, следователи и адвокаты, юрисконсульты и сотрудники МВД, работающие во многих дальних и близлежащих странах, в нашей республике» с гордостью говорят: «Мы из школы Басина».

...Возвращаюсь к своим воспоминаниям.

Однажды на совещании, один из руководителей университета что-то резко сказал о заочниках. Сразу же поднялся Юрий Григорьевич и ответил:

– Нельзя говорить, что они плохо учатся. Возможно, и их плохо учат. Я закончил юридический институт заочно. Кто-то против меня имеет возражения?

Тут же поднялся декан исторического факультета, профессор Камал Низамович Бурханов и поддержал Ю.Г. Басина:

– Я тоже закончил заочно исторический факультет.

Руководитель был вынужден извиниться. Я тоже считаю, что дело не в том, что ты закончил, когда и где, дело – в личности.

... Однажды я отдыхала в санатории «Алма-Ата» и увидела наших, отдыхали Ю.Г. Басин, Гульжаухар Шагатаевна Жамбатырова и некоторые другие. Мы несколько раз вместе сидели и вспоминали разные случаи университетской жизни, я так жалею, что не записала их.

В санаторий постоянно приезжали к Басину юристы и работали вместе над какими-то делами, мы подшучивали над ним, что зачем отдыхать, если все равно работаешь?

Не смотря на занятость, он много работал в Совете ветеранов, его активная гражданская позиция видна во многих делах не только университета, но и всей страны. Юрий Григорьевич по жизни был очень обаятельным человеком, любил и понимал шутки, юмор. Еще я бы отметила его глубочайшие знания в юриспруденции и организаторские способности в учебной, воспитательной и общественной деятельности.

ЛУКЪЯНОВ Алексей Тимофеевич

Лукьянов А.Т.,
академик АН КазССР
доктор физико-математических
наук, профессор

Академик А.Т. Лукьянов – спортсмен, фотограф, проректор – яркая личность на небосклоне Казахского университета. Мы с ним дружили долгие годы, и мне всегда было любопытно узнать многое о совсем непонятных для меня естественных науках. Удивительно, он умел рассказывать очень просто (сегодня мы бы сказали «для чайников»), тем людям, кто совсем не понимал о том, чем он занимался. Вот среди тех непонятливых оказалась и я, гуманитарий до мозга костей, ничего не понимающая в точных науках и считающая их скучными и непонятными, а значит и неинтересными.

Однако то, что его рассказы были совсем нескучными, а привлекали внимание, и я начинала понимать суть проблемы, задачи, пути их решения, даже становилось любопытно, неужели такую-то проблему можно было решить? С чисто журналистским любопытством наблюдала я за его работой и вдруг с удивлением обнаружила, что наш проректор может объяснять свою техническую науку простым, доступным языком. Для меня это казалось невероятным, но я, гуманитарий, с удивлением вдруг стала понимать, над чем работает ученый с мировым именем, математик, физик и химик А.Т. Лукьянов.

Я удивлялась тому, что он среди нас единственный, который окончил два естественных факультета одновременно. Еще и в наше время, позднего застоя, такое считалось невозможным, а он сделал это в трудное послевоенное время, когда и жить-то было тяжело, не только учиться! Но еще меня в те годы поразили два факта, с которыми я встретила впервые. Я видела, наверное, единственного человека, фронтовика, заканчивающего параллельно в послевоенные годы два факультета с разницей в год: физико-математический и химический. Более того будучи еще студентом одного факультета, Алексей Тимофеевич был препода-

давателем другого. Это было таким редким событием в советское время, и поэтому меня не удивляет то, что Алексей Тимофеевич ученый с мировым именем и академик Национальной Академии наук Республики Казахстан. Однако на вопрос, кто же он больше: физик, химик, математик, Алексей Тимофеевич отдает предпочтение третьему, хотя знаменитые университеты мира присуждают ему почетные звания и медали, он становится человеком года и XX века по опубликованным в мировой прессе научным работам по всем трем направлениям. Человек XX века – гордость университета и нашей страны.

В моих глазах он не соответствовал поведению академика. Он был другим, так же, как и другими были его друзья академики Я.А. Аубакиров и З.К. Кабдолов.

Он был прост в общении, даже будучи проректором по науке в КазГУ.

Я помню на Кирова, 136, его стол проректора на первом этаже, заваленный книгами. Стопки лежали в определенной последовательности, и их последовательность нельзя было нарушать, так как только Алексей Тимофеевич мог разобраться в этом, поэтому к ним никто не имел право прикасаться. Впрочем, и потом в главном 15-тиэтажном корпусе КазГУ к его столу нельзя было прикасаться. Правило действовало постоянно. В кабинете проректора по науке А.Г. Лукьянова меня поражало все: умение держать рабочий стол в образцовом порядке и горы литературы на разных языках на других столах, подоконниках, стульях, постоянное обновление этих книг, которые никогда не лежали у него мертвым грузом, умение проректора принять и выслушать озаренных идей, а иногда просто и манией, людей и отделить зерна от плевел, его занятия спортом и фотографией, разносторонность взглядов и увлечения, доходчивость объяснений.

Зато он сам легко и просто разбирался в своих кажущихся завалах на столах и в рабочих шкафах, и было интересно наблюдать за его работой. А работал он допоздна. Машину водил сам. Гараж был рядом с домами университетских работников на аль-Фараби у речки Весновка. Поэтому его там часто видели коллеги, как он приезжал, ставил машину, садился на велосипед, если позволяла погода, и ехал уже на велосипеде домой, иногда шел пешком. А идти было прилично. Жил он на Шевченко.

Недалеко от его дома был стадион «Динамо». Несколько десятилетий он там бывал постоянно по утрам и выходным дням. Все, кто занимался там, знали об этом, восхищались фронтовиком, и всегда призывали брать с него пример. Когда как-то я ему об этом рассказала, он сильно удивился и сказал:

– Да я просто там занимаюсь. Никогда бы не подумал, что там на стадионе я для кого-то представляю интерес!

А его знаменитые хождения через горы на озеро Иссык-Куль! С зимы готовились наши спортсмены, преподаватели, в том числе Алексей Тимофеевич и Марат Карибаевич Барманкулов, чтобы пойти пешком на озеро, отдохнуть пару дней в нашем спортивно-оздоровительном лагере, и потом тем же маршрутом прийти в Алма-Ату! Потом было столько рассказов об этом! Другие завидовали им, а вот пойти достаточно тяжелым маршрутом вместе с ними не могли.

Мы с ним несколько раз проделывали маршрут от главного корпуса (Кирова, 136) к мехмату. Идти надо было минут пятнадцать-двадцать. Шли, не торопясь, беседуя обо всем. Конечно, я больше слушала. А слушать интересного собеседника для журналиста это величайшее счастье!

Мы могли разговаривать много по домашнему телефону, обсуждая проблемы, общественные или производственные.

Наши беседы были интересны многими моментами. Конечно, сейчас я жалею, что тогда не записывал их хоть вкратце, тезисами.

Прекрасный собеседник, Алексей Тимофеевич, зная, что я интересуюсь проблемами патриотического воспитания, рекомендует мне прочитать некоторые книги и статьи, которые он встречает в ходе своей общественной деятельности и как ученый считает их наиболее заметными в этой проблеме. Мы спорим о некоторых «белых пятнах» истории войны, он рассказывает о тяжелой обязанности связистов идти на ликвидацию прорыва связи во время ожесточенных боев, и я задумываюсь о том, что мы, «не нюхавшие пороху», красиво пишем о связистах: «Чайка, Чайка! Я – Сокол. Выхожу на связь!».

Алексей Тимофеевич мог посоветовать прочитать книгу, вызывающую споры. Потом мы могли ее обсудить. Иногда он мне сам давал книги для чтения. Я всегда их читала, быстро возвращала их, и у нас снова была тема для разговора. Все-таки суж-

дения естествознания и гуманитария сильно отличаются. Я удивлялась его анализу книг. Был новый взгляд, иной, отличный от моего, хотя книга могла быть просто публицистикой или художественным произведением. Его мысли я иногда использовала при обсуждении литературы с филологами, я была допущена и в их царство обсуждения новых книг, тогда меня слушали с большим вниманием. А я потом рассказывала Алексею Тимофеевичу о том, как его мысли действовали на филологов. Ему было интересно знать мнение специалистов.

Благодаря Алексею Тимофеевичу у меня имеются фотографии тех лет на разных общественных мероприятиях. Такие фотографии я видела у Я.А. Аубакирова, М.А. Аргынбаева, А.К. Кусайнова и других руководителей тех времен. Алексей Тимофеевич любил фотографировать. У него был высокого класса фотоаппарат, он сам и делал фотографии, причем каждому, кто был на фото. Когда в первый раз он позвонил ко мне в кабинет и попросил прийти к нему в кабинет, я просто пришла, ни о чем не подозревая. Но когда он вдруг дал мне несколько фотографий, где я была, я сильно удивилась. А он спокойно сказал:

– Возьмите эти фотографии. Я здесь работаю личным фотографом у нескольких людей, в том числе и у вас!

Я обомлела, академик – личный фотограф!!!

Позже я рассказала об этом другому проректору – Яхье Аубакировичу. Он рассмеялся и сказал:

– Вот в этом и есть весь Алеша! Он же и мне делает фотографии...

Однажды был такой случай. Руководство должно было тогда по субботам работать. Ректор уехал в командировку. Исполняющим обязанности был назначен А.Т. Лукьянов. Он всегда работал допоздна, а остальные, зная, что ректор в командировке, по разным причинам не пришли в субботу на работу или ушли раньше с работы. В обед в субботу вдруг пришел ректор, неизвестно, по каким причинам, он прибыл раньше с командировки, и обнаруживает, что большинства людей нет. Естественно, виноват был Лукьянов. Позже я спросила Алексея Тимофеевича, что он мог бы оправдаться. Алексей Тимофеевич, глядя на меня, сказал, что он и вправду виноват, надо было постороже быть с работниками ректората и контролировать их работу и в субботу.

Как журналист я взяла интервью у А.Т. Лукьянова для газеты «Вечерняя Алма-Ата». Материал был опубликован 28 февраля 1986 года. Представляю этот материал.

Целеустремленность

Несколько лет назад на своем шестидесятилетии Алексей Тимофеевич поделился: «До сих пор болью в сердце отдается память о войне. Официальные данные свидетельствуют: людей 1922-1923 годов рождения с войны вернулось только два процента...». Глубоко запали мне в душу эти слова участника тех великих событий, общение с которым для всех нас, родившихся после войны, приобретает особый смысл.

Уже много лет Алексей Тимофеевич Лукьянов, профессор, член-корреспондент Академии наук Казахской ССР, работает проректором по учебной и научной работе естественных факультетов в Казахском государственном университете им. С.М. Кирова. Об участии в Великой Отечественной войне вспоминать не любит, хотя постоянно интересуется литературой о войне, особенно мемуарной, рад встретить в печати рассказ о знакомых по боям местах, дивизии, где служил, фамилии однополчан. «Был просто солдатом, рядовым связистом, которых тысячи», – отвечает он на мой вопрос об участии в боях.

Алма-Атинец Алексей Тимофеевич после окончания школы в 1940 году был призван в армию, служил под Новосибирском, где оказалось много земляков. Там и началась его дружба с будущими доцентами университета, будущим кандидатом филологических наук М.И. Дмитриевским и будущим кандидатом химических наук Н. Заворохиным. Однако снова встретились они уже потом, после войны, воевать же всем пришлось в разных местах. Алексей Тимофеевич служил связистом в 41-й дивизии. Войну вспоминает как тяжелое испытание. Самыми памятными считает две даты – 1941 год, самого трудного, наполненного горестью отступлений, и тот первый бой, в котором шли в наступление, а противнику пришлось уступить их натиску. И второй день – самый из самых – день окончания войны, который встретил в Германии, когда не надо было стрелять, когда обожгла великая радость: «Победили. Все, все уже позади. Для оставшихся в живых».

Демобилизовался. В декабре 1945 года был уже в родном городе. Впереди – весь мир и страстное желание учиться, но за

шесть лет все позабыто, надо начинать сначала. Встреча с Николаем Заворохиным определила будущее: товарищ посоветовал поступить на химический факультет, где он сам только начал учиться. Поступил на химический, через год – на физико-математический. Учился отлично. Правда, тяжело это ему давалось, но знает об этом только он один.

Как все удавалось? Алексей Тимофеевич задумывается: «Напряженный труд. Все расписано заранее. Летом не отдыхал. Готовился по наиболее трудным предметам. Приходилось по химии сессию сдавать досрочно, чтобы в срок уложиться с математикой. И, главное, была увлеченность. Все время думал: как объединить знания, полученные на двух факультетах? В то время ведь смежных отраслей в науке не было. Диссертацию закончил досрочно. Но защищаться не стал: аспирантские годы не хотелось терять. Продолжал работать, исследовать высшую математику. Позднее работа в аспирантуре оказалась заделом докторской диссертации...».

Как легко пишется эта история человека науки на бумаге, но как все сложно было на деле. Ведь согласитесь, после тяжелых лет войны, утомительных головных болей (последствия военных лет) так много и упорно учиться – не просто. Иметь такую волю, терпение, стремление к поиску дано не каждому сегодняшнему молодому ученому. Алексей Тимофеевич же считает, что ему повезло: первая научная работа по химии сделана у профессора Усановича, с ней впервые принял участие в студенческом научном кружке, получил первую премию. Учителя – профессора Гулис, Сокольский, Козловский, – корифеи химической науки. А сегодня в различных научно-исследовательских институтах и вузах страны работают более тридцати бывших аспирантов Алексея Тимофеевича Лукьянова. Он руководит проблемной лабораторией математического моделирования. В ней, как всегда, – жесткий график работы.

Вся жизнь Алексея Тимофеевича связана с родным университетом. На последний мой вопрос о сегодняшней молодежи он отвечает: «Молодежь 40-х годов не отличается от молодежи 80-х. Просто время стало другое. Жить стало лучше, но главное – патриотизм, целеустремленность, упорство, знание своей цели и настойчивость остаются у нашей молодежи всегда. Я верю в нее».

Материал, опубликованный в «Вечерней Алма-Ате» о ветеране войны А.Т. Лукьянове, неожиданно для меня вызвал почту, и одно из писем очень обрадовало Алексея Тимофеевича. Из одного района откликнулся однополчанин его брата, и он стал свидетелем встречи после сорокалетней разлуки друзей военных лет. Я очень гордилась и этим фактом.

Под руководством Алексея Тимофеевича защищено 50 кандидатских и 3 докторских диссертации. У него было огромное количество учеников, которые были постоянно с ним. Он оставил большое научное наследие: свыше 500 опубликованных научных трудов, в том числе 6 монографий и учебных пособий, 70 изобретений в области вычислительной техники.

Награжден боевыми наградами: орденом Великой Отечественной войны II степени, многими медалями. В советское время – орденом Трудового Красного Знамени, медалями, Почетными грамотами. В суверенном Казахстане – орденом Парасат.

Фронтовик, ученый, педагог... Вы всегда в моей памяти!!!

ПУРИЦ Виктор Наумович

И вновь я обращаюсь к 1984 году и изданию моей первой книги «Наш адрес – КазГУ!». Там имеется моя публикация и об учителе Викторе Наумовиче, читавшем нам на 4 курсе предмет «Экономическая журналистика». Следует отметить, что это был очень трудный для гуманитариев предмет. Одолевали мы его с трудом, часто «плавали» на семинарских занятиях.

Вот эта публикация:

Сердцем гореть!

Эти слова – девиз и закон. А доказательством тому – в рассказах о далеком и близком прошлом, в ярких страницах из жизни комсомола КазГУ. Итак, вспоминает вожак комсомола университета.

В.Н. Пуриц, доктор экономических наук, заведующий кафедрой политэкономии естественных факультетов Казахского государственного университета, секретарь комитета комсомола КазГУ в 1942-1943 гг.

Студент московского института связи Виктор Пуриц в июле 1941 года добровольцем ушел на фронт. В боях в Орловской области был ранен, контужен. 10 января 1942 года санитарный поезд, в котором находился В. Пуриц, прибыл в Алма-Ату. В первый день после выписки из госпиталя Виктор случайно встречает в городе мать, эвакуированную из Подмосковья. С тех пор Алма-Ата стала постоянным местом жительства, а Казахский университет, куда он поступил учиться на факультет журналистики, родным домом. Фронтовик, он сразу же влился в студенческую среду и стал во главе комсомольской организации. Мой отец Сейсенбек Ахметов, инвалид войны, был сокурсником Виктора Пурица, только отец учился на казахском отделении. А поскольку парней, еще и фронтовиков было мало, да и всех студентов тоже, поэтому они не только вместе учились, но и вместе работали, как коммунисты, на общественных должностях в родном университете.

Пуриц В.Н.,
доктор экономических наук,
профессор

– Трудное, тяжелое время, – вспоминает Виктор Наумович. – Работы у комсомольцев хватало. Студенты, обучающиеся на естественных факультетах, работали в лабораториях, на полузаводских установках, выпускали определенную продукцию для нужд тыла. Остальные – на подшефном вагоноремонтном заводе. Здорово выручало нас подсобное хозяйство университета. Ребята трудились там весной, летом, осенью. Здесь мы выращивали картошку, капусту. Зимой у нас была своя солонина. Работали и учились, овладевали военными специальностями. Комитет комсомола уделял большое внимание учебе, серьезно относился к вопросам быта, питания студентов, в этом направлении тесно работали совместно с профкомом...

– Самое памятное событие тех лет?

– Наш университет явился инициатором сбора средств на танковую колонну «Советский студент», это стало всесоюзным мероприятием. Мы собрали большую сумму денег. В 1943 году на имя руководства Казахского государственного университета пришла правительственная телеграмма: «Прошу передать студентам университета, инициаторам сбора средств на танковую колонну «Советский студент», мой братский привет и благодарность Красной Армии». И. Сталин.

...В октябре 1943 года В. Пуриц вновь был призван в армию, где находился до ноября 1945 года. Затем снова учеба в университете. В университете было два Сталинских стипендиата на казахском и русском отделениях. Журналисты очень гордились тем, что два стипендиата обучаются на одном курсе и на журфаке. Это были мой отец и В. Пуриц. Сталинский стипендиат Виктор Пуриц закончил факультет журналистики в 1947 году, затем в 1951 году – экономический факультет Казахского государственного университета. С тех пор в его трудовой книжке одна только запись: работа в Казахском государственном университете. Без отрыва от производства Виктор Наумович в 1954 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1963 году – докторскую. Им подготовлено более 35 кандидатов наук. Часто встречаясь с членами комитета комсомола 1942-43 гг. М. Сармурзиной, Н. Косовым, Т. Мироненко и другими, выбравшими себе путь ученого и работающими в родном университете, они вспоминают прошлое, глубокий и прочный тыл – Алма-Ату, молодой университет, студентов военной поры...

- Чем отличались студенты 80-х годов от студентов 40-х лет?
- Сейчас студент имеет более высокую общественную культуру, образование. Его отличает развитость, целеустремленность.
- Виктор Наумович, Ваши пожелания нынешним студентам?
- Чтобы каждый студент имел желание работать в области своей специальности. И совет всем первокурсникам: выработать, воспитать в себе желание работать.

Член КПСС с 1944 года, автор более 70 научных трудов Виктор Наумович Пуриц всегда с молодежью, будь-то студенческая группа или же его кафедра, ведь на кафедре политэкономики много молодых – будущих ученых, которые проходят здесь школу не только ученого, но и комсомольского вожака...

Как фронтовик Виктор Наумович имеет пять боевых медалей и орден Великой Отечественной войны II-ой степени. Как ученый награжден орденом Дружбы народов, медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», Почетной Грамотой Верховного Совета КазССР.

... Виктор Наумович меня опекал по общественной работе, иногда придерживал на оборотах, я ведь была молодая, иногда «безбашенная»! Учил сдержанности и жить по пословице «утро вечера мудреннее», отпускать ситуации, не брать все (негатив) с собой домой.

Когда-то он мне рассказал о том, почему он остался в Алма-Ате, но взял с меня слово, что я буду писать об этом только после его смерти. Я сдержала это слово.

А история эта из серии «Такого в жизни не бывает, или Как в кино!». Есть у меня и такие истории про родной университет и про собственную жизнь.

... Выписавшись из госпиталя зимой 1942 года и получив годовую отсрочку от фронта в связи с направлением на доизлечение по месту жительства, Виктору ехать было некуда. Далекое от Алма-Аты Подмосковье, где жила его мать, было еще под немцами. Он решает получить на талоны свой солдатский паек в военном магазинчике. На несколько дней получил две булки черного хлеба. Достал свой солдатский вещмешок и сложил их туда. Выйдя из магазинчика, увидел толпу не по-зимнему и плохо одетых, голодных женщин – беженок. Некоторые из них стояли с грудными и маленькими детьми. Они не просили милостыню, а просто стояли возле магазина и молчали... Солдатское сердце не

выдержало. Он, развязав вещмешок, решив одну булку отдать этим женщинам, достал эту булку, и, отламывая по куску, стал раздавать женщинам. Дал хлеб одной женщине, другой, а отдавая кусок стоявшей третьей женщине, нечаянно глянул ей в лицо и узнал свою мать...

Его мама, спасаясь от немцев, практически пешком из Подмосковья дошла до Алма-Аты. Такая была эвакуация в Казахстан, в Алма-Ату, в теплые края. Так Казахстан стал второй родиной Виктора и его семьи. И сегодня его дети, внуки и правнуки живут в нашем славном городе.

... Когда я подавала на звание доцента, это решение должно было пройти через большой Ученый Совет. Было тайное голосование, и против меня проголосовало 2 человека. Конечно, я прошла при голосовании. Однако, я расстроилась, хотела 100% – за. Видя мое лицо, Виктор Наумович, который находился в то время рядом с Т.П. Струц, сказал:

– Считай, что это мы с Тamarой против тебя голосовали, не зацикливайся, а гордись! Если голосуют против, значит есть недоброжелатели. А если они есть, значит ты работаешь в правильном направлении. 100% – это плохо. Значит: или бояться, или подстраиваются, а потом кинут тебя так, что мало не покажется! Ты – совсем другая, ты целеустремленная, движешься вперед, всегда оказываешь помощь, даже, если и не будешь председателем профсоюза. Ты можешь идти против большинства, имеешь свою точку зрения. Это твое навсегда, за это тебя и не любят, завидуют. Слишком ты видная, и должна об этом знать. А мы, твои коллеги и друзья, за это тебя любим и уважаем! И всегда, ты, помни, всегда, ты можешь рассчитывать на поддержку, нас, фронтовиков, старших товарищей...

Эти слова я помню всегда. Потому что таких друзей не было ни у кого, я так этим горжусь!!! Спасибо, вам, мои старшие товарищи и друзья!!!

ФУРСОВ Владимир Иванович

Фурсов В.И.,
доктор биологических наук,
профессор

В последние годы мы созваниваемся с сыном Владимира Ивановича – Олегом. Беседуем о жизни, я рассказываю о новостях из Брестской крепости, передаю оттуда приветы. Уже наши дети стали взрослыми, старшим уже за сорок. Быстро пролетело время, когда наши отцы были молодыми, а мы были детьми.

Я помню себя под круглым столом с бархатной красной скатертью в конце 50-х годов в доме артистов на улице Масанчи, 76. За столом сидят Владимир Иванович и мой отец. Они громко говорят о чем-то своем, смеются. Я выползаю из-под стола, и мне дядя Володя дает конфету, потом я ухожу в другую комнату.

Дошкольные воспоминания не оставили следов разговора двух инвалидов-фронтовиков, живших в свое время в студенчестве в одной комнате общежития КазГУ возле Никольского базара. Но для них это было что-то веселое, ведь это были воспоминания послевоенной студенческой молодости.

Затем помню, когда была еще школьницей и пришла брать интервью для детской передачи Казахского радио. Это было в КазГУ на Кирова, 136. Кабинет Фурсова находился на первом этаже прямо где-то в центре коридора. Когда я пришла, он уже сидел в кабинете и о чем-то разговаривал с молодыми людьми. В то время для меня даже студенты, казались небожителями! Это ведь были студенты КазГУ. Как я им завидовала и мечтала стать студенткой!!!

Уже тогда был серьезный рассказ о Брестской крепости, о тех земляках, которые погибли в первые часы войны. Интервью с В.И. Фурсовым был отмечен на летучке как лучший материал недели. Я этим тоже очень гордилась.

Когда я стала студенткой я гордилась тем, что знакома с профессором биологического факультета В.И. Фурсовым.

Много позже расскажет мне Владимир Иванович, как было тяжело работать в 50-е годы. Он говорил:

– Как было трудно в плену, и все-таки мы понимали это, знали, что не напрасно живем. Но потом, когда я стал молодым ученым и только-только стал заниматься наукой, вдруг раз – на тебе – Лысенко со своими правилами, и меня заслушивать на парткоме, что я неверно слеую указаниям партии, и, возможно, потому, что был в плену! Новый удар! Я никогда об этом не думал, я радовался жизни, возможности работать, стать ученым. А тут! Просто не было слов. Как приходилось жить в таких условиях!

Пройдет еще какое-то время, в 1986 году он мне снова позвонит и скажет:

– Прочитай Владимира Дудинцева «Белые одежды». Там так много правды, как будто написано и про меня тоже.

В газете «Экокурьер» 11 марта 1994 года была опубликована моя статья о В.И. Фурсове «Но снова прорастут цветы сквозь все невзгоды и напасти»...

Вот ее текст:

– Моя дружба с профессором биологического факультета Владимиром Ивановичем Фурсовым началась более 25 лет назад. И все это время я отношусь к этому человеку с восхищением, уважением и любовью.

Сначала я познакомилась с Владимиром Ивановичем заочно, прочитав вышедшую в середине 60 годов книгу С. Смирнова «Брестская крепость». С гордостью, читая материалы о казахстанцах – защитниках Брестской крепости, я поняла, что эта тема – моя, на всю жизнь... О многих защитниках Брестской крепости из Казахстана писала я тогда в газетах, рассказывала о них на радио. Журналистские тропы привели как-то и к Фурсову. Мы познакомились лично. Тогда Владимир Иванович давал мне интервью для газеты «Дружные ребята»: о Бресте, первых днях войны. Учась, а потом и работая в КазГУ, я имела возможность постоянно наблюдать за работой В.И. Фурсова – организатора, ученого. И всем поколениям своих студентов рассказывала об этом.

... Фотоисторию Великой Отечественной войны начинают две фотографии, обошедшие весь мир. Одна из них «Проклятие войне» сделана 20 лет спустя после войны: человек с костылями припал к разрушенным обломкам одной из стен Брестской крепости. Этот человек – Владимир Иванович Фурсов. Около двух

километров шел он на костылях 21 июля 1961 года к крепости, чтобы почтить память тех, кто остался там навечно, чтобы доказать всему миру торжество правды: наконец-то открыто заговорили о Брестской крепости. Тогда-то и сделал Михаил Ананьев свою знаменитую фотографию. Только через несколько лет после этого выйдет в свет книга Сергей Смирнова о защитниках Брестской крепости, которой будет уготована та же судьба, что и ее защитникам (о книге на 20 с лишним лет «забудут» – но об этом разговор отдельный)...

Трудной была судьба первокурсника биологического факультета КазГУ В.И. Фурсова, призванного в армию. Раненый в Брестской крепости, он пройдет все круги ада и выживет всем смертям назло. С начала войны родные будут считать его без вести пропавшим. Но Фурсов вернется. Легендой в семье Фурсовых стал знаменитый случай, о котором Сергей Смирнов рассказал в своей книге с некоторой опаской: боялся, не поверят, обвинят в буйстве фантазий.

... Война окончена. С победой возвращаются фронтовики. Получила весточку о возвращении с фронта второго сына и мама Володи Фурсова. Пришла на железнодорожный вокзал в Алма-Ате-1. Поезд с сыном задерживался. Но в это время прибыл другой – приехал Владимир. Он удивлен: никак не ожидал такой встречи, ведь ни телеграммы, ни писем не писал со дня начала войны. Увидев мать, окликает ее. Когда она увидела сына на костылях, ей стало плохо. Называя его именем брата, она плакала, обнимала его.

– Мама, ведь это же я, Володя, – говорил он. А она не верила, ведь ждала другого. Вскоре пришел поезд и со вторым сыном. Более счастливого дня в семье Фурсовых не было. Прямо, как в сказке, со счастливым концом!

Исключая годы войны, в трудовой книжке Владимира Ивановича одна запись – КазГУ. Студент, аспирант, преподаватель Фурсов – основатель кафедры охраны природы, долгие годы был ее заведующим. Теперь эта кафедра экологии и почвоведения, и Владимир Иванович работает там профессором. Все послевоенное поколение биологов, окончивших КазГУ, считает его учителем, постоянно обращается к нему за советом, помощью, всегда восхищением говорит об его лекциях.

Два года назад я, начав вести спецкурс «Экология и журналистика», вначале прослушала цикл лекций В.И. Фурсова сама, затем стала водить своих студентов на его занятия. Теперь это становится хорошей традицией. Предварительно мы знакомимся с научными трудами Владимира Ивановича (а их более 100). Я рассказываю об его жизни (а это война, и учеба, и работа в КазГУ).

Жизнь Фурсова – пример для молодежи. На этом примере я стараюсь воспитывать в молодых людях (хоть это считается и не модным сегодня) чувство патриотизма, долга, готовность защищать свою Родину Казахстан. Деятельность Владимира Ивановича, как ученого – прекрасный пример для тех студентов, которые собираются в будущем посвятить себя научной деятельности.

Тяжело было жить в 50-е годы ученым – при лысенковщине. Сегодня не дает покоя рыночная экономика. Больше всего она ударяет по ветеранам, прожившим и без того несладкую жизнь.

Не обходят проблемы стороной и Владимира Ивановича. Ждут публикации его книги, учебники. Тема охраны окружающей среды ныне модна. Но, к сожалению, много красивых слов и мало конкретных дел.

Фурсовым сегодня подготовлена рукопись «Общая экология» – курс лекций для вузов Казахстана, в которых изучаются проблемы охраны окружающей среды.

Рукопись состоит из 10 глав. В первых трех главах излагаются основные положения науки «Экология», которые проиллюстрированы данными по Казахстану.

Одна их частей посвящена глобальным и региональным социально-экологическим проблемам.

В специальной главе описывается экологическая обстановка в Казахстане, дается оценка состояния всех слагающих компонентов окружающей среды республики: атмосферы, водных, земельных, лесных, рыбных и других ресурсов Казахстана.

Будущие специалисты в области охраны окружающей среды узнают также о проблемах радиационной экологии (в целом, на Земле и, в частности, в Казахстане), познакомятся с данными международных исследований, посвященных изучению генетических изменений у населения Земли вследствие воздействия на здоровье радиоактивных веществ и других весьма опасных поллютантов.

Отдельная глава посвящена проблемам охраны природы и рациональному использованию ее богатств (в частности, в Казахстане). Приводятся факты, характеризующие современное состояние фауны и флоры Казахстана (в том числе животных и растений, занесенных в Красную книгу), их охрану в заповедниках, ботанических садах, заказниках и т.д.

Помимо «Общей экологии» есть у Фурсова еще ряд рукописей по экологическим проблемам Казахстана.

Откликнитесь, спонсоры! Ведь чистая окружающая среда нужна всем!

... Свои книги В.И. Фурсов успел издать при жизни. Он видел студентов, занимающихся по его учебникам. Он был в родном университете заслуженным ветераном, любимым педагогом, отличным товарищем и другом.

Вся его взрослая жизнь: студент- война – студент – преподаватель КазГУ. В музее истории КазГУ имеется стенд и фотографии заслуженного профессора университета, его научная школа, его ученики. Так в нашем университете сохраняется память о XX столетии и о профессорско-преподавательском составе КазГУ-КазНУ имени аль-Фараби.

В.И. Фурсов и Г.Ж. Жуматов

Дорогой Лиде Ахисеитовиче
На добрую память от замешивков Торесовки Крестов
Жуматова Г. Ж. и Фурсова В. И.
В. Фурсов —
7. I. 1993 г.

Менин кучуругу сизкиртин, таары корутун карындасы
Сийемби кудун аялыга изги тилектен сен сууртунду
ценнаман. Ойлаган ойну ики асина, багыттын бол.
Уен Отан согуспунун ардагері, Торесов каланы
кордурушундугуз айттым
Габбас Н. Жуматов
7. I. 1993 г.

Глава 3

УЧИТЕЛЯ, СТАРШИЕ ТОВАРИЩИ, КОЛЛЕГИ, ДРУЗЬЯ

АУБАКИРОВ Яхья Аубакирович

Аубакиров Я.А.,
академик АН КазССР,
доктор экономических наук,
профессор

В 80-е и позже в прошлом веке только у нас в КазГУ работало три академика: А.Т. Лукьянов, Я.А. Аубакиров и З.К. Кабдолов. Я чрезвычайно горжусь тем, что не только работала вместе с ними, но и могла общаться с великими людьми современности. Между ними была разница в три года, поэтому я так и написала по возрастному порядку, однако по своей значимости они были глыбами, первыми во всем и всегда. Они были нашей гордостью, тем человеческим капиталом, которым гордится не только университет, но и вся страна. В то время академики работали, в основном, только в Академии наук, а целых три академика

только в КазГУ!!!

Могучие люди, известные и очень скромные сами по себе, такими они мне запомнились. За глаза их называли три богатыря! Я помню, как они почему часто сразу вместе приходили за несколько минут до заседания Ученого Совета. Иногда кто-то из них запаздывал, и тогда они шутили между собой над опоздавшим, но все равно пришедшим вовремя на заседание. Кстати, юмор и шутки были у них повседневно. И тон всегда задавал Яхья Аубакирович Аубакиров.

Я даже помню их места на первом ряду слева, которые никто никогда не занимал.

Я раньше почему-то думала, что старше Яхья Аубакирович. Но потом поняла, что пальму первенства Алексей Тимофеевич, математик-физик-химик, который старше его на три года, отдал Яхье Аубакировичу, философу и экономисту, сам, поскольку они так решили, что всегда на политические, экономические и ряд других тем будет выступать Яхья Аубакирович, с чем, естественно, он не только блестяще справлялся, но всегда задавал тон всей жизни университета.

Когда говорил Яхья Аубакирович, то все замолкали. Внимательно слушая его, всегда восхищалась актуальности поднятого вопроса, аргументацией темы, предложениями решить проблему. Яхья Аубакирович всегда выступал без бумаги, и, если это было положено с листами, то не глядя в текст. Однако его уверенная и главное всегда живая, настоящая речь завораживала слушателей. Конечно, что говорил академик, то претворялось в жизнь, а если нужно было голосование, то мы всегда голосовали за эти предложения, потому что говорил не только академик, но и аксакал, умудренный жизнью человек, освещающая нужные и необходимые темы, проявляющая заботу об университете и всегда думая о приоритетах страны.

Вся трудовая жизнь связана у Яхьи Аубакировича с КазГУ-КазНУ имени аль-Фараби, с философско-экономическим факультетом и ректоратом. Лишь ненадолго он был направлен в созданный нашим университетом, отделенный от философско-экономического факультета институт народного хозяйства, для того, что бы потом вернуться проректором КазГУ. Долгие годы он был первым проректором университета, и его временной отрезок проректора пока никто в университете еще не преодолел.

Спокойный, неторопливый, уравновешенный даже в критических ситуациях Яхья Аубакирович просто выполнял свои обязанности грамотно, четко, лаконично, ответственно и профессионально. Всегда оперативно решал любые проблемы, не любил откладывать и переносить на кого-то ответственность. Главный удар брал на себя.

Оставаясь в университете во время командировок или отпуска первого руководителя исполняющим обязанности ректора был строг, но справедлив.

Я много раз приходила решать вопросы социального характера к Яхье Аубакировичу. Внимательно выслушивал. Задавал

вопросы на уточнение. А потом все же говорил мне стоит или не стоит эту проблему поднимать на заседании ректората или идти к ректору на прием. И удивительно, все его советы были жизненными и точными. А иногда он говорил, что это не проблема. Вопрос видимо стоит в другом ракурсе. Надо его хорошо изучить, подготовить вопрос, что я и делала. Его советы были бесценны для меня и для нашей профсоюзной организации.

Яхья Аубакирович никогда нигде не поднимал голос, не нервничал. Все у него решалось спокойно, без лишних эмоций. Сейчас я понимаю, что такое стоило ему большого своего эмоционального напряжения, но это был человек слова и дела, а в КазНУ имени аль-Фараби такое всегда ценилось.

Очень интересовался моей докторской диссертацией, помогал советами. Удивлялся тому, что семь лет лежит диссертация, и никак не может сдвинуться с места. Одним из первых поздравил меня с защитой докторской диссертации.

Его замечательная семья всегда была рядом с ним. Я горжусь и тем, что немного общалась с его супругой. А с дочерью Жанией мы даже несколько раз были в командировках и на разных международных конференциях и Форумах. Жания – гордость Казахстана, как и ее отец. Она вся в отца: такая же добрая и внимательная, общительная и справедливая.

Даже потом, когда я ушла на рядовую должность, Яхья Аубакирович оставался всегда человеком вежливым и очень правильным. Всегда сам меня останавливал, спрашивал про жизнь, не обижает ли кто, что я всегда могу рассчитывать на его помощь. В принципе, время было такое. И такие замечательные были наши руководители в XX веке.

БАГИЗБАЕВА Мая Михайловна

Багизбаева М.М.,
доктор филологических наук,
профессор

В школьные годы со слезами на глазах я зачитывалась повестью В. Закруткина «Матерь человеческая», переживала, думала о трудной женской судьбе, отягощенной еще и жизнью героини Марии в глубоком тылу у врага. И это необычное название повести «Матерь человеческая» потрясло меня, и я считаю его самым высоким именем женщины – дочери, сестры, супруги, матери, бабушки.

И пусть судьбы Марии и Май Михайловны рознятся, но их душевная красота и величина, особенно в тяжелые, трудные годы, поражают своей мудростью и желанием брать с них пример.

Еще бы я назвала Маю Михайловну – казахской матерью Терезой.

Я никогда не сравниваю кого-либо, возможно, и сегодняшние сравнения не нужны. Но в истории человечества так немного избражено личностей женщин, что невольно начинаешь думать, а какими же были те, которые вошли в мужскую историю мира! Ведь они должны были быть в десятки раз более величественнее мужчин.

Мая Михайловна, Мая Михайловна! Как поразил меня Ваш уход! Я знала, что Вы можете уйти в любую минуту, но так хотелось верить, чтобы именно Вы организуете и проведете 70-летний юбилей Умирбека Арислановича, а затем мы бы готовились к Вашему юбилею!..

Увы! Что именем – не храним, потерявши – плачем!

Двадцать девять лет и три месяца я была знакома с Вами. И когда мы собрались вместе, женщины – ветераны КазНУ, я была счастлива уже тем, что я тоже принадлежу к «сонму святых», могу спокойно говорить о «событиях давно минувших лет».

Ваши ласковые обращения «Тамарочка» – к Тамаре Петровне Струц, «Галечка» – Галине Георгиевне Омельченко, «Лялечка» – ко мне, отдавали такой душевной теплотой, заботой, вниманием, что мы готовы были делать очень много и как всегда просто так, на альтруистских (а раньше мы бы сказали бесплатных) началах. Следуя Вашему примеру, несли из дома гостинцы и подарки для каких-либо мероприятий или для менее обеспеченных людей.

Сколько было проведено мероприятий, которые финансировали лично Вы! Как были благодарны женщины – пенсионерки юбилейного возраста, когда из Ваших рук они получали подарки.

Более чистой и искренней женской души не было в нашем университете!

Как много хочется рассказать о Вас, как переполняется любовью сердце и душа при мысли о Вас!

И все же начну по порядку.

В 1971 году, на первом курсе, мы уже Вас знали, и бегали на филологический факультет послушать Ваши лекции.

Уже в более позднее время вы мне говорили о том, что в то время на вас смотрели как на супругу ректора, хотя Вы имели больший стаж работы в университете, чем Умирбек Арисланович.

Да, Вы были уже в то время уважаемым доцентом, с более чем десятилетним стажем работы.

На старших курсах Мая Михайловна читала нам русскую литературу. Она была очень демократичной, но студенты чувствовали твердость характера и были особо подтянуты на ее занятиях, серьезно готовились к экзаменам.

В мои студенческие годы наши взаимоотношения были больше обычными: преподаватель – активная студентка, но то, что Мая Михайловна, работая на другом факультете, знала меня и очень хорошо относилась ко мне – это действительно факт!

Ростки отношений не как мама-дочка, а как старшая сестра-младшая сестра, пожалуй, наметились, когда я работала председателем студенческого профсоюза.

Расскажу всего о нескольких встречах. Я работала в библиотеке в архивах Москвы и жила в гостинице Казахстанского постпредства, а Мая Михайловна там на сутки остановилась, так как была проездом. Совершенно нечаянно мы с ней провели замечательно время, много беседовали. Мая Михайловна, продолжая быть моим учителем, стала кем-то большим для меня, роднее,

ближе. Я помню чувство огромной гордости за то, что Мая Михайловна обращалась ко мне к равному и общалась со мной по-дружески.

Наверное, около десяти раз мы неожиданно летели вместе в самолетах в самые разные уголки страны, помню однажды, как на меня рассердился Умирбек Арисланович, потому что я у него, как у ректора, не отпросилась в командировку, и вдруг мы встречаемся в самолете! И если бы не заступничество Май Михайловны, командировка была бы у меня испорченной.

А сколько сил и энергии вложила Мая Михайловна в художественную самодеятельность!

Спектр ее научных интересов был широк и неожидан. Казашка, занимающаяся изучением фольклора русского народа, и в первую очередь, казачества. Из 19 областей Казахской ССР сотрудники созданной ею лаборатории собрали народный фольклор почти из двух третей областей. Ей и ее ученикам немного не хватило времени собрать русский народный фольклор всего Казахстана.

Заслуга Май Михайловны в том, что с 1969 года была введена практика студентов по сбору казахского и русского фольклора в республике. В 1970 году открылся кабинет-лаборатория русского фольклора в Казахстане под ее руководством.

У Май Михайловны много научных работ, одним из главных является фундаментальный труд по русскому фольклору в Казахстане: «Фольклор семиреченских казаков» (1 том – Алма-Атинская область, 2 том – Талды-Курганская область) в советское время, «Русский фольклор Восточного Казахстана» – Алма-Ата, 1991 год. При поддержке Май Михайловны вышла книга «Фольклор уральских казаков» в Уральске и в Петропавловске пять небольших изданий по русскому фольклору.

Ее заслуга в том, что именно она является первооткрывателем, и именно она сделала то, что теперь уже никогда не смогут сделать другие: ездила со студентами по деревням и аулам и собирала по крупицам народную мудрость, в лице старшего поколения, помнящих творчество своих отцов и дедов XIX и XX веков.

В Казахстане именно таких глубоких научных изысканий среди других, более чем ста народов, проживающих в нашей стране, не было и нет.

Студенты ездили на практику в свои родные места и привозили столько много интересного материала, что назрела необходимость открыть лабораторию, записывать не только на «репортеры», позднее «диктофоны», но и на видеопленку, фотографировать все то, что представляло интерес.

В 1981 году был создан оркестр русских народных инструментов и ансамбль «Друженька», где талантливые и красивые студенты-филологи воспроизводили творчество народа. Студенты сами шили себе костюмы. Причем в ансамбле были представители разных национальностей, когда они выходили и заводили русские народные песни, всегда все присутствующие взрывались громом аплодисментов! Ансамбль был дипломантом различных фестивалей и конкурсов.

И я горда, что в 1983 году нам удалось ряд песен ансамбля «Друженька» запечатлеть на киноплёнке, а в 2000 году записать песни уже повзрослевшего коллектива. Все это хранится в Центральном государственном архиве кинодокументов и звукозаписей Республики Казахстан.

Уйдя с профсоюзной работы, и родив двух детей, я как-то потеряла связь с Маей Михайловной, а ее семью в те годы ждало, вероятно, самое тяжелое время испытаний и тревог, предательство определенных людей, разочарование и, в то же время, твердость, мужественность, вера, оптимизм и опора самых верных и дорогих людей.

Мая Михайловна рассказала мне о тех тяжелых суровых годах, и как они вместе, рука об руку, с Умирбеком Арислановичем прошли этот путь. По истине, «и в радости, и в горе» смогла устоять супружеская чета необыкновенных людей.

Мая Михайловна была слаба здоровьем, и Умирбек Арисланович очень беспокоился за нее, часто был против ее общественных нагрузок, так как работа в общественных движениях чревата стрессом, бесконечными волнениями и заботами о благе женщин. В университете в то время из всех работающих было около 60% женщин.

Несколько раз я разговаривала с ним по телефону, когда Мая Михайловна неожиданно попадала в больницу.

Я посещала ее в больнице, и мы вели беседы о разном. Всегда Умирбек Арисланович меня по телефону просил: «Пожалуйста, не говорите о работе». Я, конечно же, старалась не расстра-

ивать ее, мы шутили, смеялись с ней над чем-либо, однако она очень часто возвращалась к теме производства, и многому в нашей жизни огорчалась и удивлялась. Ее вопросы: «Ну, Ляля, как это может быть, почему?» – не давали ей и мне покоя. Но такая была жизнь. Не все было гладко в нашей работе. Было много огорчений и разочарований, обид и удивлений. К тому же, к ней так много ходило женщин, которые просили о заступничестве, и она, добрая душа, старалась помогать всем, хотя многие впоследствии оказывались потом неблагодарными и приносили ей немало огорчений. Многие пользовались ее добротой, использовали ее для решения своих каких-либо корыстных целей. Но такова была она – добрая, открытая, несущая помощь женщинам университета.

Однажды ночью мы долго разговаривала с Маей Михайловной по телефону, и Умирбек Арисланович, не выдержав, взял трубку и спросил, когда же мы закончим разговор. Я стала заканчивать разговор, но Мая Михайловна ответила, что наша тема чрезвычайно важна сейчас именно, а не завтра. Мы продолжили нашу беседу, потом я ей как-то сказала, что чувствую неудобства по этому поводу, на что она ответила, Умирбек Арисланович все понимает, он больше шутил и удивлялся, ну, как мы так можем часами говорить по телефону.

Действительно он не понимал наши ночные беседы, а нам было очень удобно говорить о жизни именно в это время, когда никто не мешал.

Возглавив Союз женщин университета, Мая Михайловна взвалила на себя непомерный груз забот и хлопот.

И, тем не менее, мы работали, проводили встречи и круглые столы, собирали вещи и книги для детских домов и интернатов, воинских частей и домов престарелых, ездили на встречи и учились всему новому, что нам представила трудная, но очень интересная жизнь эпохи перемен.

Университетский женский потенциал настолько велик и многообразен, что нам не составило труда придумывать что-то новое, при этом, не ломая старое, не нарушая традиций и обычаев предков.

В этот период Мая Михайловна создавала и свой университет, который позже находился под руководством ее дочери Баян, продолжающей славные традиции своей семьи.

Хотелось бы пожелать детям Майи Михайловны и Умирбека Арислановича успехов во всех начинаниях!

В начале 1997 года я подарила Мае Михайловне и Умирбеку Арислановичу свою книгу «Патриотизм в ракурсе истории». Мнение Майи Михайловны я уже знала, так как мы перед выходом книги много и долго о ней говорили, но мне так было интересно узнать, что думает Умирбек Арисланович, и я ей откровенно в этом призналась.

На следующий день, придя на работу, Мая Михайловна первым делом позвонила ко мне, мы с ней встретились, и она рассказала, что вечером сама дала книгу своему супругу, и он достаточно долго знакомился с ней, читал, и остался доволен книгой и мною. Для меня это была большая честь.

В 1997 году состоялось открытие комнаты женсовета! Как трудно она далась нам всем. Но главный удар, как всегда, приняла Мая Михайловна. Я часто задаю себе вопросы: почему все хорошие инициативы встречают такое сопротивление? Почему столько нервов надо отдать ради блага людей? Почему затем эти плоды инициатив начинают присваивать совсем далекие от этого люди?

Создание комнаты женсовета КазНУ – одно из самых замечательных дел нашей дорогой и любимой Майи Михайловны.

Конец 1998 – середина 1999 годов – тяжелое время болезни Умирбека Арислановича. Всегда подтянутая, стройная, не позволяющая себе болеть и носящая в сердце почти год страшную боль своего супруга, маленькая женщина с огромной силой воли, твердости и стойкости делала все для спасения мужа. Но бесконечно раненное сердце Майи Михайловны уже нельзя было сбредить.

Я вспомнила документальный фильм, показанный, по моему, в начале 1999 года по телеканалу «Рахат» – фильм о жизни, фильм о любви Майи Михайловны и Умирбека Арислановича, и думала о том, как счастливы были они во все времена своей жизни: в молодости и в зрелые годы, в годы высокого полета и тяжелых испытаний. Эти люди достойны поэм и песен, романов и фильмов.

В жизни не может быть только хорошее, но достойно выйти из испытаний, остаться всегда и во всем любящими супругами, заботливыми родителями и порядочными людьми, – это удается далеко не всем.

1998 год памятен мне и защитой моей докторской диссертации. Просидев на всей защите до конца, Мая Михайловна первая выступила в прениях. Впоследствии, расшифровывая запись, я не могла удержаться от слез. Полные глубокой мудрости и за сердце берущие слова были сказаны в первую очередь мужчинам, которые были членами Диссертационного совета. Я знаю, никогда никто никому так не говорил и так не выступал, особенно на Диссертационном совете факультета. Спасибо Вам за это, дорогая Мая Михайловна!

Как много можно говорить о Мае Михайловне! Благодаря ей я дважды встречалась с Сарой Алпысовной Назарбаевой, в комнате женсовета у нас побывал и аким г. Алматы, со сколькими видными общественными деятелями она меня познакомила! На скольких мероприятиях и конференциях мы побывали вместе!

В 1998 году мы зарегистрировались официально в городском отделе юстиции две женские организации, благодаря финансовой поддержке фонда Сорос-Казахстан «Союз женщин интеллектуального труда» и «Союз женщин», и я была, заместителем председателя «Союза женщин», а бессменным председателем была академик, профессор, доктор филологических наук М.М. Багизбаева.

Последний год жизни она жила только мыслями о том, как увековечить память о выдающемся ученом, своем супруге Умирбеке Арислановиче Джолдасбекове.

Мая Михайловна сделала все, что смогла.

Традиции семьи Джолдасбековых продолжать детям и внукам, последующим поколениям выдающихся людей Казахстана XXI века.

БЕРЕМЖАНОВ Батырбек Ахметович

Мне казалось, что с Батырбеком Ахметовичем я была знакома всю жизнь. Он был очень интересным собеседником, отличным организатором и просто обаятельным человеком.

Помню старый корпус нашего университета на Кирова, 136. До сих пор удивляюсь, как мы могли там все вместе помещаться! Перемена. Я – студентка младших курсов, но как активистка зарекомендовала себя хорошо. Меня уже знали в университете. Наш длинный коридор, идет Батырбек Ахметович, а мы все, сокурсники-журналисты, только высыпали с занятий. Все дружно здороваемся. Я оказываюсь ближе

всех к Батырбеку Ахметовичу. Он останавливается и начинает с нами разговаривать. Я ему что-то отвечаю, а все молчат. Потом Батырбек Ахметович уходит. И тут на меня набрасываются мои сокурсники. Как я смела с профессором разговаривать. Надо было отвечать односложно, и все! Я растерялась, попробовала защищаться:

– Мы же журналисты. Нам следует все знать и задавать вопросы профессору. Пусть не нашему учителю, а химику.

Вердикт был суров. Общаясь с профессором, я нарушила этические правила студентов. Какие? Мне было непонятно. В общем, не должна была говорить, и все тут!

Как-то это очень врезалось мне в память! Сейчас я думаю, что другим не понравилось, что я перехватила инициативу и разговаривала с прославленным профессором другого факультета. Хотя я просто разговаривала и совсем об этом не думала. С позиций сегодняшнего дня, возможно, это даже поощрялось бы, а тогда, я, «школьница», не должна была говорить.

Беремжанов Б.А.,
член-корреспондент
АН КазССР,
доктор химических наук,
профессор

Впрочем, будучи активисткой и общественницей, возможно, я многие правила нарушала. Но впоследствии я стала все же гордостью факультета и университета.

Этот эпизод я рассказала, потому что он мне запомнился на всю жизнь! Я считаю, что мы все равные и могли разговаривать на равных всегда и везде. Это – элемент демократии. Некоторым в то время моим сокурсникам это не понравилось.

А мне понравилось, что декан, профессор химического факультета так на равных сам мог разговаривать со студентами и даже не своего факультета. Именно такое отношение Батырбека Ахметовича мне запомнилось на всю жизнь. Естественно, обо всем этом он и не знал!

Батырбек Ахметович – был глыба! Его знали все в университете, им восхищались. И именно его отношение к людям являлось мерилom его гражданственности и демократии.

Конечно, я не знала его трудов и научных поисков, я была далека от химии как науки. Но мы в то время были одной семьей – университетской, где все те, кто проявлял активную гражданскую позицию, были всегда на виду. Тем более мы были коммунистами. А значит, всегда встречались на заседаниях парткома, партийных собраниях, конференциях. Мы все имели партийные поручения. И не важно, кто ты был: профессор или студент, преподаватель или хозяйственный работник, мы часто были вместе в разных комиссиях, и поэтому знали друг друга непонаслышке. Работая в разных комиссиях, мы ценили друг друга и знали, кто что может сделать лучше других. Здесь ценились иные качества, хоть ты был известным ученым или занимал какую-то должность, ты был прежде всего коммунистом.

Конечно, в силу своей молодости, я всегда отвечала за то, что называется быть на подхвате, вести протоколы и всякие бумаги. А если был в комиссии Батырбек Ахметович, он всегда руководил комиссией. Именно он научил меня внимательно относиться к комментариям и видеть недовольных решением людей, всячески помогать им разобраться в чем суть их недовольства и как принять решения. По сути – это психология, о которой тогда никто и не слышал. А человек науки, химик Батырбек Ахметович в силу своего возраста и опыта об этом знал, и старался сделать так, чтобы люди не были недовольны решениями парткомиссий, чтобы они приняли такие решения

и делал все, чтобы конфликты были менее губительны для тех или иных людей. В принципе, наверное, и с конфликтологией в полном смысле слова, я тогда и познакомилась благодаря работе с Батырбеком Ахметовичем.

Я так гордилась знакомством с человеком, который стоял у истоков университета! Как журналист, я спрашивала о том далеком прошлом, о том, каким был университете в начале пути.

Первые книги в полном объеме были изданы о нашем университете к 50-летию юбилею. Я, будучи студенткой 4 курса, была членом комиссии по подготовке к юбилею. Естественно, Батырбек Ахметович тоже был членом комиссии. Я помню его ценные замечания по истории университета, его вклад в обсуждении книг. Сегодня я раскрываю те книги и вспоминаю наши жаркие дискуссии по созданию книг. Естественно, я там только присутствовала. А как вспоминали те, кто стоял у истоков то время, как обсуждали, что и как писать! Я снова и снова жалею о том, что не записывала их тогда! Как жаль, что все-таки раньше об этом и не думала!

Около трех десятков лет руководил Батырбек Ахметович химическим факультетом. Практически все химики считают его своим учителем. Строительство химического факультета проходило при нем, и даже то, что на химическом факультете дали нам, журналистам, две аудитории под телевизионную студию. Это была наша первая телевизионная студия, куда я, уже будучи преподавателем, водила студентов с Кирова, 136, за 15-ти минутный перерыв, и мы успевали на занятия. Тогда я тоже часто видела уже декана Батырбека Ахметовича! Мы все видели, сколько сил он отдавал родному факультету. И это действительно было ясным и осязаемым!

Химический факультет гремел везде и всюду. И в первую очередь среди всех факультетов университета, как естественных, так и гуманитарных. Они были лучшими: в учебе и методических разработках, науке и исследовательских проектах. У них было много заказов, поэтому и финансы были хорошими! Во Всесоюзном социалистическом соревновании они занимали призовые места в своей области, а внутри университета были всегда первыми, и мы, особенно, гуманитарии знали, что просто не можем их обогнать, так как нам это не дано, поэтому не случайно, гуманитарии стали просить и требовать применять разные стандарты оценки к

гуманитариям и естественникам. И самое интересное то, что нас активно поддержал Батырбек Ахметович!

А какие были студенческие группы химического факультета, если соревноваться, то всегда лучшие, будь то в спорте и шахматах, или на научных конференциях и учебе! В этом заслуга декана и его команды!

Когда я работала председателем профсоюза сотрудников и преподавателей университета, я была удивлена спокойной смене деканов на химическом факультете. На других факультетах это проходило болезненно. А вот химики всегда имели спокойных деканов. Я спросила известного профессора-химика, – в чем причина? Неужели нет недовольных? Ведь у вас столько профессоров, такая конкуренция, какой нет ни на одном факультете?

Ответ поразил меня:

– Это школа Б.А. Беремжанова. Это тогда было решено так работать и выбирать деканов вместе. Такая уж у нас традиция!

Команда декана Б.А. Беремжанова работает и сейчас. Это – его ученики. Сейчас достойные и уважаемые профессора и академики, которые составляют славу сегодняшнего химического факультета КазНУ имени аль-Фараби!

Думающий и внимательный, если необходимо сосредоточенный и всегда справедливый, – таким остался в моей памяти Батырбек Ахметович!

ЗУЕВА Рашида Садыровна

Казахский Национальный университет последней трети прошлого века невозможен без ярких личностей, которые работали в нем не один год и так срослись с университетом, что трудно сказать, какой была их жизнь вне КазГУ того замечательного периода. Замечательного в том числе потому, что это было время молодости и становления многих людей, сегодня уже убеленных сединами или ушедших в мир иной.

Время не вернуть назад. Но есть у нас память, самое святое чувство, радостное и благородное, позволяющее помнить и любить тех людей и то время...

Рашида Садыровна! Пожалуй, ее знал не только весь университет, но и весь город, вся страна. И это не является преувеличением. Где бы я не находилась, люди, узнав, что я работаю в КазГУ, тут же задавали вопрос:

– Как там Рашида Садыровна?

Вопрос с уважением, участием, интересом. Всем хотелось показать, что они знают Рашиду Садыровну и связывают с ней университет. Ровно полвека работала в родном университете Рашида Садыровна Зуева.

Мое знакомство с Рашидой Садырвной состоялось на почве общественных отношений, когда она являлась руководителем научного студенческого общества, а я – членом комитета комсомола университета. Это были очень значительные общественные должности как для доцента, так и для студентки, какой я была в то время. В тот период мы много общались и работали на общественной ниве. Я узнавала ее не только как педагога, но и как интересную, очень умную, наблюдательную женщину.

Прошло время. Однажды Рашида Садыровна обратилась ко мне (я уже закончила журфак, несколько лет преподавала, толь-

Зуева Р.С.,
кандидат филологических наук,
доцент

ко стала кандидатом наук) и сказала, что хочет от НИРС написать обо мне в газету «Казахский университет». Я смутилась, но Рашида Садыровна была настроена решительно. Назначила мне встречу и достаточно долго беседовала со мной. Результатом явилась статья под названием «От школьницы до ученого» («Казахский университет», 1983, 25 июня). Так осталась память обо мне, молодом профсоюзном деятеле, сотворенная Рашидой Садырвной.

Это было приятно и невероятно волнующе. Я до сих пор храню вырезку из той газеты.

Тогда я ею восхищалась. Впрочем, я восхищалась ею всю жизнь. Ее оптимизмом, умением подметить любую мелочь, сделать правильный вывод, смело сказать в глаза порой непростые слова. А как она умела рассказывать! Великолепный рассказчик, умелый пропагандист и организатор. В ней было так много хорошего и объединяющего! За эти качества ее кое-кто побаивался, но большинство – восхичалось!

Прекрасный педагог с великолепной памятью. Оратор, лектор от Бога. Ее профессия ее вдохновляла, и звала на освоение новых вершин. С годами она не менялась, оставалась такой же интересной собеседницей и очень острой на язык. Рашида Садыровна всегда умела шутить и серьезно, аргументированно спорить, сама понимала шутку и юмор, вызовы времени.

В советское время мы часто собирались в гостях у нашей общей подруги Вали Юровской. Мы – это женщины-филологи, Валентина и я (допущенные к ним журналисты). Дорогие и близкие моему сердцу доценты в то время филологического факультета: Рашида Садыровна Зуева, Галина Васильевна Ким, Надежда Ивановна Гайнуллина, Светлана Михайловна Сагалович... Как они блистали на тех памятных вечерах и встречах! Беседы велись интеллектуальные: кто какой новый роман прочитал; у кого первого появился очередной литературный московский толстый журнал («Юность», «Новый мир», «Родина» и др.), что нового появилось в нашем знаменитом, любимом и известном на всю читающую публику Советского Союза казахстанском журнале «Простор». В «Просторе» часто печатались очередные модные и несколько рискованные рассказы и повести, другие произведения.

Я больше слушала, так как была самой молодой и мало искушенной в литературных беседах. А здесь были такие мэтрессы!

Такие знатоки, известные практически всему Казахстану! А заводилой всегда была Рашида Садыровна: она могла объединить, построить беседу, произнести зажигательную речь, давала слова, следила за временем, чтобы все высказались и никто не мог долго говорить, отнимая все время. Сегодня мы ее называли бы модератором, тайм-менеджером, но тогда мы таких слов не знали, а просто жили и общались, получая удовольствие от наших литературных вечеров, от желания узнать новинки литературы в стране и умения высказаться, послушать другого, согласиться или не согласиться с выступающим, вступить в дебаты, умело закончить спор.

Какие были вечера! Сейчас таких, наверное, не бывает. И это связано не только с тем, что это было временем нашей молодости и для некоторых зрелости! В нынешние меркантильные времена для многих это слишком «дорогое» удовольствие – собираться для обсуждения литературных «изысков»!

Недавно я напомнила Валентине Федоровне Юровской наши встречи, поблагодарила ее за их организацию и предоставление своего дома и восхитилась тем, что она прекрасно всегда накрывала стол и кормила изголодавшихся в дискуссиях доцентов университета. Она сказала, что это ей ничего не стоило, потому что все были хорошими друзьями, умными и интересными собеседниками, все было замечательно, потому что тогда именно в таких общениях люди могли высказать свои суждения. Но я знаю, что, если бы не Валя, возможно, не было бы таких замечательных встреч, ведь именно она предложила свой дом Рашиде Садырвной и другим, ведь именно она была гостеприимной хозяйкой и ее верной подругой.

Мне, как и многим, казалось, что дочь Рашиды Садырвны Наталья непохожа на нее. Разные по темпераменту, в разговорах, поведении... То, что Рашида Садыровна любила и баловала дочь, было очевидным. Единственная, красавица, недоступная, умница, гордость матери. Конечно, как и все дети, приносила и радости, и огорчения. Она казалось очень женственной и легкоранимой. Вся глубина, сила ее характера, выносливость, любовь к людям обнажилась сейчас, когда не стало нашей дорогой Рашиды Садырвны.

С Натальей мы работали в пионерском лагере «Восток-3» (я – начальником, она – пионервожатой), и тогда я с удивлени-

ем для себя отметила, как, казалось бы, избалованное дитя может организованно работать, день и ночь неся ответственность за здоровье и безопасность детей работников университета. Это была своего рода экстремальная ситуация – работа с детьми сотрудников, и в том числе их охрана ночью от опасного соседства с проживающими рядом селянами. Это стойкость, ответственность, желание работать, умение ладить с людьми – очевидный результат воспитания и влияния матери.

Несколько раз я была гостем на даче у Рашиды Садыровны. Помню великолепные розы, их бесподобный запах и ухаживающую за ними Наталью. Мать очень гордилась дочерью – Наталья была цветком ее жизни, а саму Рашиду Садыровну в детстве называли Розой. Чуть позже появившийся внук стал смыслом последнего периода ее жизни. Мне довелось его учить, когда он был студентом. Так что Рашиду Садыровну можно назвать счастливой матерью и бабушкой.

У моей дочери Жанны тоже остались самые приятные воспоминания о Рашиде Садыровне. Жанна закончила школу с золотой медалью в 1991 году, но перед поступлением в университет ей понадобилось несколько консультаций. И Рашида Садыровна, несмотря на свою вечную занятость, не отказала. Так что Жанна стала ее крестницей. И я знаю, что для многих детей наших сотрудников она была тем поводырем, который консультировал во время поступления в университет. Экзамены, особенно сочинения, были серьезным испытанием в то время.

В последние годы Рашида Садыровна являлась ответственным секретарем «Вестника» филологического факультета, публикации в котором так необходимы ученому миру. Я всегда помню, что в одном из сборников была напечатана и моя статья. Мы с ней очень плодотворно сотрудничали в период написания моей докторской диссертации.

А сегодня Наталья Зуева является ответственным секретарем филологического «Вестника». Это ли не продолжение традиций, преемственности поколений? Дочь продолжает дело матери! Замечательно и очень разумно. Молодцы, филологи!

Мне нравились наши неожиданные встречи возле остановки на Тимирязева, мы не торопились расставаться, шли через скверик, если занятия уже закончились, или в сторону нашего учебного корпуса, если занятия предстояли. У нас всегда было много

тем для разговоров: об университете, о новинках в области литературы, о новостях в политике и журналистике и другие.

Я всегда знала, что на филологическом факультете у меня есть друзья, и самым большим другом там была Рашида Садыровна. А это здорово иметь друзей по жизни. Как этого не достает многим людям сегодня, зачастую променявшим должность на все и вся. Та дружба остается в нашей памяти. И неважно, что люди уходят от нас. Они вечны, так как настоящие человеческие чувства верности, памяти, дружбы, со товарищества – не купишь за деньги, не получишь с должностью или приобретением определенного статуса. Все преходяще. А память добра остается с нами навеки...

КАБДОЛОВ Зейнулла Кабдоллович

Кабдолов З.К.,
академик АН КазССР,
доктор филологических наук,
профессор

В советское время среди филологов и журналистов никогда не было соперничества, потому что априори все филологические науки на факультете журналистики ставились превыше всего. Лишь к старшим курсам студенты начинали понимать, что есть еще и политика, и где-то там далеко экономика...

Филологические науки занимали где-то половину предметов. И преподавателей филфака мы знали так же хорошо, как и своих факультетских. Их было значительно больше, чем журфаковцев. Они преподавали на всех гуманитарных факуль-

тетах и пользовались большой популярностью особенно во время поступления в университет, потому что написать сочинение на пять/пять это было большой редкостью даже среди отличников и медалистов.

Будущих писателей и поэтов было зачастую среди филологов больше, чем среди нас, журналистов.

Будучи студентом филологического факультета в 1947 году Зейнулла Кабдоллович Кабдолов был принят в члены Союза писателей СССР как молодой талантливый писатель, так как литературное творчество его началось со школьной скамьи и продолжилось в студенческие годы. Я думаю, что среди членов Союза писателей СССР он был таким единственным студентом в его истории.

К моменту моего поступления в 1971 году на факультет журналистики, он уже известный профессор, яркая звезда на небосклоне филологов. Таких высот наши журналисты того периода еще не достигали, да и не достигли сейчас. Он преподавал и у нас на казахском языке среди моих сокурсников, и несколько раз я бывала на его лекциях.

Степенный, неторопливый, внимательный и аккуратный. Очень наблюдательный. Предпочитает помолчать. Но если вы-

ступит, то поражаешься его знанию казахского языка и фольклору, тогда действительно понимаешь богатство родного языка и то многообразие, которое постепенно терялось в обычном языке того периода. Он был носителем традиций и культуры, старого и создания нового в языке. А я поражаюсь его знаниям, удивлялась, как так можно, все держать в голове, умело вводить в оборот разные старинные пословицы и поговорки, которые уже практически были забыты к тому времени.

Зейнулла Кабдолович учился в одно время с моим отцом. Да, и филологи, и журналисты знали друг друга, поэтому знал он и меня. Сразу после войны казахов еще было мало среди студентов, да и вообще лиц мужского пола. Естественно, все студенты другу друга знали, а тем более с одного факультета, ведь сначала было отделение журналистики на филологическом факультете. Отношение ко мне было как к дочери, ведь учились много детей разных знакомых и своих сокурсников. Но оставались работать в университете единицы. Среди журналистов я в то время была одна, поэтому и те, кто учился в одни годы с моим отцом всячески меня опекали, помогали, всегда дружелюбно были настроены. Я это знала и чувствовала, и всегда гордилась тем, что меня знают и старалась оправдать их доверие. А потом уже когда годы работы пошли на десятки лет, тогда я уже была для них коллегой, пусть младшей, но все же дорогим для них человеком, в которого и они внесли свою лепту, воспитав меня так, как должно быть. Преподаватель КазГУ должен быть прекрасным педагогом, методистом, ученым, имеющим активную жизненную позицию, выполнять все требования, предъявляемые к ППС Казахского университета.

Я была счастлива, когда мы с ним невзначай встречались в нашем родном здании журналистов-филологов-историков. Я, естественно, первая останавливалась и здоровалась. Он всегда останавливался, приветствовал меня, спрашивал что-то обязательно. В общем, его внимание к людям меня всегда поражала. С ним в последнее время обязательно кто-то был в сопровождении. Естественно, его филологи боготворили, а мы, журналисты, немного завидовали тому, что Зейнулла Кабдолович работал на филфаке, а не у нас.

Понятное дело, были у него тоже какие-то сложности на работе. но это была работа, и без сложностей она не могла суще-

ствовать. Но именно сам пример того, что руководил кафедрой или какой-то работой Зейнулла Кабдолович, все само говорило за себя, значит, будет все отлично!

Где-то по Ленина вверх был Дом Союза писателей, где писатели могли по путевке жить определенное время для написания какого-то произведения. Несколько раз там работал мой отец, и, приезжая его проведать, я встречала там и Зейнулла Кабдоловича, тогда он с моим отцом останавливались и разговаривали на разные писательские темы, а я была горда тем, что я присутствую при их разговоре.

Будучи председателем профсоюза сотрудников и преподавателей университета, имея к тому времени некоторый опыт в написании и получении международных современных проектов, я подготовила серию тренингов для профессорско-преподавательского состава КазНУ имени аль-Фараби. Моей целью было научить ППС писать и выигрывать проекты в международных фондах, и в общем-то таким образом продолжить научные изыскания в своих отраслях науки с приоритетом и введением казахстанского сегмента в международные проекты различных фондов, да и поддержать себя финансово. В трудные 90-е годы прошлого столетия я предложила ректору провести тренинги среди ППС факультетов. Ректор дал согласие. Я стала разговаривать с деканами на предмет проведения тренингов. Сделали расписание тренингов, и в один из дней я пошла на филологический факультет. Это уже был не первый тренинг среди факультетов. Они уже наделали шума: кто-то соглашался с такой методикой и тренингом, кто-то был категорически против. В общем, как всегда, было все: от неприятия до понимания, что надо переучиваться или учиться чему-то новому.

Занимаюсь с молодыми преподавателями и аспирантами филологами в их зале Ученого Совета на 3 этаже нашего корпуса. Конечно, несколько человек были людьми среднего поколения, но, в основном, пришла молодежь, ведь никого не заставляли приходить на тренинг, пришли сами по желанию. Было человек 30. Прошло уже с начала тренинга около часа, мы успели познакомиться, определить цель и задачи, понять для чего мы пришли.

Вдруг открывается дверь и заходит академик З.К. Кабдолов. Я замираю от удивления. Он говорит:

– Ляйля, говорят, что ты проводишь какой-то тренинг. Дашь какие-то новые знания. Мне интересно. Можно я немного посижу, послушаю?

Я даже дар речи потеряла:

– Конечно, Зейнулла Кабдолович! Вот Вам стул, присаживайтесь. Мы, гуманитарии, практически раньше не занимались проектами. А сейчас время новое. Надо перестраиваться, работать по-новому.

Академик З.К. Кабдолов посидел минут 20, увидел короткую деловую игру и наши идеи, записанные на флипчаты, и потом, поблагодарив за разрешение присутствовать, вышел из аудитории.

После этого, подводя итоги дня, я отметила посещение занятий академиком и сказала, вот тот случай, почему Зейнулла Кабдолович – академик, потому что человек, уже имеющий все достижения в области производства и науки, не потерял чувство изучения нового, постоянно держит руку на пульсе жизни. С тех пор я всегда привожу этот пример, как пример постоянного изучения нового и движения вперед на протяжении всей жизни.

Трибун, писатель, совесть нашей эпохи Зейнулла Кабдолович всегда стоял на защите казахского языка, а уже в суверенном Казахстане сделал многое для продвижения вперед в изучении родного языка и знании казахской литературы. Я много раз слышала его выступления на большом Ученом Совете. Это были всегда актуальные вопросы современности, темы изучения родной страны, патриотического воспитания и его размышления о будущем. Вспоминал он и о прошлом, всегда подчеркивал роль учителей, рассказывал о лекциях М.О. Ауэзова, других светилах казахской науки и филологии. Всегда подчеркивал, надо ценить своих учителей, необходимо знать историю не только страны, но и родного аула, изучать историю родного университета и Алма-Аты.

Зейнулла Кабдолович внимательно следил за моими научными достижениями. Он радовался тому, что я еще в молодые годы защитила кандидатскую диссертацию, что темой моего исследования был казахский и казахстанский патриотизм, огорчался, что долго мне не дают защитить докторскую диссертацию. Однажды в 90-е годы он, встретив меня в нашем здании, сказал пойти за ним к нему в кабинет. Там он подробно расспросил о моих проблемах с защитой докторской диссертации. Я ему, не таясь, рас-

сказала, какие имеются трудности. Он что-то записывал, потом сказал:

– А почему ты не используешь меня? Я стольким людям помогаю, а ты ничего не просишь. Ты должна взять меня под руки и вести по самым разным твоим оппонентам. Поверь, я смогу с ними поговорить! Я не думаю, что они мне откажут!

Я такой постановке вопроса была поражена. Конечно, я так не поступила, но это предложение меня очень обрадовало, потому что именно поддержка таких людей, как Зейнулла Кабдолович, Яхья Аубакирович, Алексей Тимофеевич, мне всегда помогала в жизни.

Именно я состоялась как ученый, общественный деятель, педагог, потому, что у меня были великие учителя, старшие товарищи, коллеги.

ЛИБЕРМАН Семен Лазаревич

Либерман С.Л.,
мастер Спорта СССР по боксу,
доцент, заслуженный тренер
КазССР,

В конце 50-х годов его имя гремело на весь Советский Союз. Вторая перчатка Союза... Слава была всегда вместе с ним. Красота, страстные порывы действий, лидерство, умение обаять и убедительно говорить, повадки льва и жесты победителя во всем и всегда. Женщины сопровождали его всю жизнь, а мужчины ему завидовали. Тем не менее, у него был большой круг друзей и верных товарищей, и в наступившие трудные минуты его жизни не бросили, а поддержали, были вместе с ним, когда же его друзья оказались в лихолетные для них годы, звучал

только его страстный голос защиты на весь Казахстан и Советский Союз. Только он не побоялся бросить перчатку сильным мира сего, только он из многих и многих, окружавших людей во времена величия их на тронах власти, смог встать рядом, плечом к плечу, держать удар.

Я всегда восхищалась этим человеком и очень гордилась дружбой с ним, нашими настоящими человеческими, теплыми и добрыми отношениями, длившимися долгие годы работы в Казахском государственном университете, носящим в то время имя С. М. Кирова.

В первой половине семидесятых годов, когда я была студенткой, активисткой, членом комитета комсомола, наши жизненные пути не столь часто сталкивались, но мы были знакомы и оказывали дружеское расположение друг другу и не более. Настоящую поддержку я ощутила намного позднее, когда столкнулась с реалиями жизни, когда увидела, что очень трудно работать в сплошь мужском коллективе руководителей, где каждый сам за себя, и старается лидерствовать, сделать все, чтобы отметили его единственного. Не важно, что лидерство может иметь негативные стороны в виде перешагивания через людей, подставы, оппорочивания, посягательства на их действия и поступки.

Итак, в конце 1981 года я стала председателем профсоюза студентов. История длинная, поучительная и интересная, но не это является сегодня моим рассказом. Ректор У.А. Джолдасбеков считал, что женщинам – не место быть на лидерских позициях, а вот заместителем, пожалуйста. Заместителем быть я не хотела, но раз зашел такой разговор, я понимала, что партия и ректор прикажут, быть мне заместителем и никуда не деться. У.А. Джолдасбеков принял решение о рекомендации меня председателем профсоюза студентов в самый последний момент. Все об этом знали. Были уверены, что я не справлюсь, что на меня не стоит ставить карту, поэтому препятствия начались с первых же дней моих трудовых будней на поприще председателя профсоюза. Люди словно в очередь вставали сделать какую-нибудь пакость, чтобы убедительно показать мое несоответствие. Мне было чертовски трудно, виду я не показывала, а как всегда широко улыбалась и работала за двоих-троих, за целый коллектив.

Хоровод поздравляющих и любопытных сопровождал меня в первые дни работы. Появился и Либерман, уверенный в себе, где-то даже с наглостью в глазах красавец-мужчина. Поздравив меня, он сразу приступил к делу и предложил не помощь, а сотрудничество, причем обоюдовыгодное. Расписав прелести совместной работы, он четко поставил условия, которые мы должны были друг перед другом выполнять. Я согласилась с этим предложением и впоследствии строго их выполняла, хотя иногда потом жалела, потому что в действительности было очень трудно выполнять и защищать интересы его кафедры перед руководством, так как они не всегда соответствовали интересам моим или профсоюза студентов КазГУ.

Мы стали работать рука об руку. Его помощь, поддержка была большой и всегда своевременной. Главное, быть уверенной в том, что рядом поддержка одной из самых многочисленных людскими ресурсами кафедры, причем преподаватели, работавшие там, сплошь звезды казахстанского спорта, милые, обаятельные люди, проводившую огромную спортивную и воспитательную работу среди молодого поколения.

Главное был набор студентов. А я отвечала за самых талантливых спортсменов и участников художественной самодеятельности. Среди прочих равных возможностей на последние места во время набора студентов зачисляли талантливых молодых лю-

дей, и, конечно же, спортсмены были впереди. Совсем не случайно университет гремел своими талантами! Первые места в спорте, далеко вперед обгоняя Казахский институт физкультуры, первые места в смотре художественной самодеятельности, впереди Алматинской консерватории. Это была большая плодотворная творческая работа. Поддержка У.А. Джолдасбекова ощущалась во всем и всегда. Это были приоритетные направления воспитательной деятельности Казахского государственного университета, которые по линии общественной курировала я, а по линии кафедральной за спорт и физкультуру отвечал С.Л. Либерман. Однажды я зашла в кабинет к ректору: «Ох, уж надоели физкультурники с просьбами!» Дело я сделала, но как оскорбился Семен Лазаревич, тогда я ведь не знала, что назвать спортсмена физкультурником, ну, это просто кощунство какое-то!

Кроме этого у нас были совместные направления работы по линии студенческого спортивно-оздоровительного лагеря в Бозтырях на озере Иссык-Куль. Его преподаватели работали там летом в штате, но за весь лагерный сезон отвечал профсоюз.

Была у нас известная всему Советскому Союзу женская баскетбольная команда высшей лиги «Университет», гордость и слава отечественного спорта. Капитаном команды была Надежда Ольхова. Я полюбила этот вид спорта, красивых девчонок, занимавшихся весь день, тренирующихся, уставших, но упорных в своих достижениях и победах. Встречалась с ними почти каждый день. Конечно же, руководил всем С. Л. Либерман, но официальное подчинение у них было мое, так как деньги им платил профсоюз, да и он полностью экипировал, отправлял на игры и так далее.

Всегда находящийся при кафедре спортивный клуб КазГУ был профсоюзного подчинения, поэтому нас сама жизнь заставляла быть вместе, работать, сотрудничать, помогать.

Вспоминается несколько случаев, когда Семен Лазаревич помогал мне в работе.

Первый лагерный сезон. Студентов, желающих попасть на озеро Иссык-Куль просто тьма-тьмушая. Звонков огромное количество. Я просто сбегая с работы, не зная, что делать. Распределяли по совести, по утвержденным правилам. Тогда я еще не понимала, что каждый отказ таит в себя угрозу расплаты. Можно человеку помогать тысячу раз, но один раз откажешь и станешь врагом на всю жизнь.

Наступила осень. Мой первый отчет как председателя профсоюза студентов перед партийным комитетом Казахского государственного университета, имевшем уже в то время статус райкома партии. Мне хорошо припомнили те, кому я отказывала в путевках, пытаюсь сорвать мой доклад, засыпав меня своими каверзными вопросами с подковырками и явным недоверием к моей деятельности. Я была честным человеком и не считала достойным оправдываться по гнусным инсинуациям, без доказательств, и только по тому, что они – члены парткома, а я – рядовой боец партии. Я пылала во гневе, но молчала, не пытаюсь оправдываться. И тут встал Либерман. С горячностью и убежденной правотой он встал не на защиту, а на опровержение тех, кто пытался сломать меня. К счастью зашел ректор, тоже член партийного комитета, и это также сыграло свою роль. Узнав, о чем речь, он с искренностью отметил мой честный и самоотверженный труд. После этого вопросы и гнусные инсинуации как-то затихли само собой.

250-летие присоединения Казахстана к России. Начало мая. Весь апрель мы готовимся к празднику. Тысячи студентов во главе с кафедрой физического воспитания ежедневно направляются на Медео, где в дальнейшем состоятся торжества, удивившие по своей силе и размаху всех казахстанцев и Союз. Я также ежедневно нахожусь на Медео. До сих пор помню себя загоревшую дочерна, и, главное, у меня уже кожа с носа дважды облазила! Каждый день я отвечала за кормление студентов, за врачебную помощь, если что случится, оказывала психологическую поддержку, привозила воду.

И вот нас во время тренировок посещает ректор. За час до него свита, знающая его передвижение прибывает в урочище и встречает его, всем своим видом показывая, как они днем и ночью заботятся о наших студентах. Я о приезде ректора не знала, была занята повседневным делом. И выясняется, что кругом все работают, только тех, кто в действительности ежедневно трудился, в свите не оказалось.

Умирбек Арисланович – умнейший человек, оглянувшись, ищет С. М. Либермана, своего большого друга, которому поручил ответственное задание партии и правительства. Другому доверить он бы не смог. Найдя С. Л. Либермана, он спрашивает о состоянии дел и работе каждого. Семен Лазаревич не стал копать

под тех, кто ничего не делал, но он их и не отметил в своей как всегда пламенной речи, однако заметил, что без Ляли, без профсоюза делать было бы нечего, кормит, поит, ежедневно находится из всех только она. Меня там не было, в другом конце Медео я действительно кормила очередную партию студентов. Но при отчете все говорили о своих несуществующих заслугах, обо мне вспомнил лишь он один. Такое не забывается!

В воскресенье на Медео праздник. Бдительные партийные товарищи решают собрать всех студентов в одно место и с шести утра везти их в урочище, дабы никто не опоздал. Поступил приказ о круглосуточном дежурстве. В те времена не спрашивали, можно или нельзя. Мы были солдатами партии и исполняли партийный приказ. По всему городу мы собирали алматинцев-студентов, с приезжими было легче, они жили в общежитии. Расселили одно общежитие, доставили чистое белье, накормили, и вся забота об том была у профсоюзов, ведь Комбинат студенческого питания, все общежития курировала я, а, значит, ответственность была за мной. В десять часов «загнали» студентов спать, до двенадцати искали опоздавших. Я почувствовала, что выдохлась донельзя. Предстояла бессонная ночь. В первом часу Либерман подозвал одного из своих преподавателей и приказал отвезти меня домой и в половину шестого забрать меня из дома опять в общежитие. Сначала я стала сопротивляться, на что он резонно ответил, что теперь мужчины справятся сами, я все дела сделала. Так и случилось. Никто моего отсутствия не заметил, потому что я прибыла до подъема. Сейчас я с теплотой вспоминаю заботу обо мне. Это ведь прекрасно!

Умирбек Арисланович Джолдасбеков был депутатом Верховного Совета Казахской ССР. Ежегодно он должен был перед трудовым коллективом, избравшим его, отчитываться о своей деятельности. КазГУграда как такового в то время еще не было, он строился. Все торжественные мероприятия проходили на его родном механико-математическом факультете в актовом зале. Затем должны были состояться игры студенческой баскетбольной команды высшей лиги «Университет» рядом в их баскетбольном зале. Либерман готовил игры. В принципе мне делать было нечего, я должна была быть только в свите. С утра я поехала в парикмахерскую. И опоздала. В десять часов началась встреча, и по каким-то причинам там оказалось мало людей. Джолдасбе-

ков вспылл. Стали искать виновных. В свите не оказалось меня. Легко и доступно найден виновник. Мой заместитель Наталья Старожилова, бросив все, кинулась меня искать, когда я прибыла с получасовым опозданием, она мне все рассказала. Заходить на встречу я уже не стала. С испорченным настроением иду в спортзал. Видя мою сникшую физиономию, С. Л. Либерман спрашивает, в чем дело. Я рассказываю, причем спокойно называю причину. Действительно опоздала, действительно виновата. Но только в этом. За организацию встречи я не отвечала.

– Все в порядке, – отвечает Семен Лазаревич, – главное, когда зайдет ректор, стой рядом со мной и никуда не отлучайся в первое время. Слушай.

Прошу разъяснить. Он машет рукой, не мешай.

Заходит Джолдасбеков. Нахмурил брови, увидев меня. Тут подходит Либерман и говорит:

– У нас такое ЧП было! Если бы не Ляля, все бы пропало!

– Молодец, Ляля, – улыбнулся Умирбек Арисланович.

Я в изумлении замираю и не знаю, что делать.

Потом я долго допытывалась у Семена Лазаревича, какое же ЧП у них было, и что мне отвечать, если кто спросит. Он смеялся и ничего не говорил.

Его сыновья попали в беду. Сегодня трудно говорить обо всем, кто прав, кто виноват. Бог рассудит. Весь город, вся страна судачила об этом происшествии. Либерман пытался сохранить свой бодрый вид, и ему это удавалось. Что творилось в душе, не знаю. Знаю только одно: никогда я не старалась говорить на такую большую для него тему. Но однажды он радостный позвонил, младший вернулся. Редкими фразами, он что-то говорил. Но это была большая радость и боль испытавшего много горестей человека, не словившегося в трудные минуты жизни.

Это было его личное горе. И как человек справляется с этим, можно было судить и об его дальнейших поступках.

Либермана можно было бы назвать не только великим спортсменом Казахстана, но и выдающимся общественным деятелем, прекрасным журналистом. Писать он умел и любил. Ему заказывали статьи многие газеты и журналы. Материалы острые, полемичные, вызывающие интерес, споры и элементарную зависть.

Одна его статья запомнилась на всю жизнь. Декабрьские события 1986 года больно ударили по всему Казахскому госу-

дарственному университету. Ведущий вуз страны, гордость и надежда, флагман высших вузов республики стал одним из организаторов декабря 1986 года. Вся мощь страны Советов была направлена на наш университет, и первым удар принял наш ректор. В ведущей партийной газете страны – газете «Правда» был опубликован целый подвал на вторую и третью полосы «За что исключен из партии Джолдасбеков». Обо всем и ни о чем была эта статья – статья наказания, статья устрашения для всех и многих. Свита сопровождающих его людей исчезла. Желавших общаться с опальным ректором, были единицы. Среди них – Семен Лазаревич Либерман, который не бросил друга и давнего приятеля, своего бывшего начальника. В прессе появились статьи, осуждающие декабрьские события, но никто ничего не говорил о понесших наказание руководителях. И только одна молодежная газета осмелилась напечатать письмо – как крик души.

– Не верю, не виновен! Где Вы, люди, стоявшие рядом, что делаете с величайшим гражданином своей страны?

Это был голос Либермана, единственного, бросившего перчатку вызова системе, изломавшей жизни многих и многих людей и теперь пытающейся сломать выдающегося организатора и ученого страны. Эту газету зачитывали до дыр. Впервые кто-то посмел выступить против газеты «Правда». Это было таким смелым и совершенно сумасшедшим поступком, что просто не верилось, что такое может быть. А это было. И именно такой совершенно неординарный поступок вошел в историю нашей журналистики, историю современности.

Пройдет время. Одним из первых Семен Лазаревич уедет с семьей в Израиль. В 1998 году мне удастся в Израиле встретиться с ним. Посидеть в уютном ресторанчике, вспоминая славную историю родного университета, своих товарищей-друзей, его вторую родину – Казахстан.

И там он оказался неугомонным строителем нового. Начал подготовку спортсменов палестинского происхождения, что вызвал удивление со стороны других, пишет в русскоязычные газеты, поднимая острые проблемы современности. ведет переписку с друзьями-товарищами и с теплотой вспоминает Казахстан и родной университет.

Как молоды мы были!

ЛИФАНОВ Юрий Ефимович

Лифанов Ю.Е.,
кандидат философских наук,
доцент

С Юрием Ефимовичем Лифановым я знакома с момента поступления в Казахский университет с 1971 года. Он в то время был студентом-старшекурсником, отличником, занимался общественной работой. На следующий год, в 1972 году как отличника его оставляют работать ассистентом на кафедру диалектического и исторического материализма естественных факультетов ФЭФ. С этого момента вся его научно-педагогическая деятельность и профессиональный рост были связаны с университетом. В нем он проработал всю оставшуюся жизнь, пройдя путь студента, ассистента, старшего преподавателя, доцента, заместителя декана, декана факультета.

Поступил в университет он не сразу. Юрий Ефимович имел уже опыт производственной деятельности и, естественно для того времени, армейской службы.

Юрий Ефимович Лифанов родился 23 сентября 1941 года в городе Иртышке Павлодарской области. После окончания школы в 1958 году поступил в Павлодарский зооветтехникум на сельскохозяйственное отделение.

После его окончания работал агрономом совхоза, откуда был призван в ряды Вооруженных Сил. С 1961 по 1964 год служил в пограничных войсках, на казахстанском участке советско-китайской границы. Позже я узнала что служил он на Жаланашском, самом известном и трудном участке границы, где уже готовились к конфликту соседи. За заслуги в охране государственной границы в мае 1963 г. Указом Верховного Совета СССР Ю.Е. Лифанов был награжден правительственной наградой – медалью «За отличие в охране государственной границы СССР». По возвращении

из армии он около двух лет вновь работал агрономом – теперь уже в Семипалатинской землеустроительной экспедиции. В этот период Лифанов Ю.Е. был награжден медалью «За освоение целинных земель».

Хотелось бы отметить, что иметь «медаль за бой, медаль за труд», то есть две медали и быть скромным человеком, никогда не говорившем об этом, заслуживает отдельного изучения и внимания. Медаль «За отличие в охране государственной границы СССР» получали лишь солдаты срочной службы за задержание нарушителя границы или еще за какое-то геройское действие, связанное с границей. А мы знаем то время, тогда только начиналось противостояние по вопросам приграничных районов, тогда уже появлялись карты, где все Семиречье, и не только оно, являлось территорией не СССР, а приграничного государства. Чуть позже будет Даманский, затем на казахстанском участке границы – Жаланашколь. Поэтому награждение такой государственной наградой говорит о многом. И очень жаль, что так и не рассказал Юрий Ефимович за что был награжден медалью. Конечно, где-то в архивах пограничных войск имеется представление и описание геройского поступка солдата Лифанова Ю.Е.

Интересная деталь. Через два года – награждение медалью за труд – «За освоение целинных земель». Солдат Юрий Лифанов охраняет границу – землю советского Казахстана, совершает геройский поступок. И уже через два года получает медаль за организацию и проведение землеустроительных работ: картографирование и работа по очертанию и описанию границ районов, аулов и сел родной республики. Это и есть подтверждение патриотического поступка Ю.Е. Лифанова: земля Казахстана должна научно изучаться, земля Родины священна и неприкосновенна!

В 1966 г. он приезжает в Алма-Ату и поступает на философское отделение исторического факультета Казахского Государственного университета им. С.М. Кирова, которое окончил с отличием в 1972 году, получив направление для дальнейшей работы ассистентом.

В университете от мала до велика всегда все занимались общественной работой, поэтому часто мы сталкивались с ним именно по партийным заданиям. Немногословный, скромный, порядочный, исполнительный, обладающий огромной работо-

способностью, внимательный, постоянно заботящийся о своих студентах, сотрудниках и преподавателях.

Факультет был небольшой, но элитный. Поступить туда было крайне сложно, но еще более труднее там было учиться. И еще был набор небольшим. Следует отметить и такую особенность, что философско-экономический факультет был только в двух университетах Казахстана и Средней Азии в то время: у нас и в Ташкенте, поэтому к нам приезжали учиться еще и студенты из Киргизии, Таджикистана и Туркменистана. Потом стали приезжать иностранные студенты из Кубы, Афганистана и др.

Среди гуманитарных факультетов университета, он слыл самым сложным в учебе и науке. Предмет диалектический и исторический материализм считался среди гуманитариев как сдача сопромата среди естественников. Ну, а о философии просто даже и не пытались говорить, настолько сложным казался этот предмет для нас журналистов, филологов и историков.

В 1981 году Ю.Е. Лифанов будучи соискателем, под руководством профессора Касымжанова А.Х. защищает кандидатскую диссертацию на тему «Гносеологические и классовые корни философского дуализма». После защиты диссертации им был опубликован ряд работ, научных статей на различные темы.

В 90-е годы XX века круг научных интересов Лифанова Ю.Е. был связан с анализом научно-технической революции и перспектив развития современного общества.

Начиная с 1981 по 1997 гг., Юрий Ефимович практически непрерывно исполнял обязанности заместителя декана по учебной работе сначала философско-экономического факультета, а затем факультета философии и политологии.

В 1994 – 1996 годах Ю.Е. Лифанов руководил факультетом философии и политологии в качестве декана. В этот период при его содействии были разработаны и утверждены принципиально новые учебные планы и стандарты пятилетнего образования по специальностям «Философия» и «Политология», осуществлен первый опыт подготовки магистров на факультете. Необходимо отметить, что декан Ю.Е. Лифанов соответствовал требованиям времени. Именно под его руководством как декана было создано политологическое направление в Казахстане. Первые политоло-

ги появились именно у нас в университете, первым заведующим кафедрой был профессор Тлемис Тлеугабылович Мустафин, а декан обеспечивал создание новых профессий и направлений изучения тех наук, которые впервые появились в стране только в 90-е годы XX века.

В связи с этим вспоминается совместная работа по изучению новой специальности психологии в Казахстане. Я работала в то время председателем профсоюза сотрудников и преподавателей КазНУ имени аль-Фараби, и мы вместе входили в группу по созданию и организации работы кафедры психологии и новых профессий в стране – психолог и педагог-психолог. Понятное дело, разработкой программ занимались психологи, а их было чрезвычайно мало в Казахстане. Это было связано с тем, что до того времени для всего Советского Союза только 2 университета в Москве и Ленинграде выпускали психологов. И когда мы стали считать специалистов психологов, то их оказалось во всем Казахстане с высшим образованием не более двух десятков. Многие были уже в возрасте, некоторые занимали более высокие посты, практически не было людей со степенями. Кроме того, среди набранных преподавателей оказались трудные люди, не имеющие навыков педагогической работы, считающие себя гениями и прочее. Нам пришлось очень нелегко разбираться в их проблемах и конфликтах. Это был большой опыт такой работы. Именно в трудовом педагогическом коллективе университета я больше никогда не встречала подобного случая.

Многому тогда я научилась у Юрия Ефимовича: сдержанности, умению слушать и слышать, не показывать эмоции, не рассуждать вслух, не выслушивать людей не в рабочем месте (многие пытались «ловить» нас в коридоре или на улице), дистанцироваться в необходимых случаях и другое.

Одним словом, совместная работа с Ю.Е. Лифановым меня многому научила именно в психологическом плане. Наверное, не случайно, поэтому много позже я по приглашению университета «Дарын» прочитала там ряд курсов по психологии в области связей с общественностью, в журналистике, в общественной жизни и другие курсы. Затем даже я стала научным руководителем кандидатской диссертации Ирины Терентьевой, психолога и замечательного человека.

Проработав более тридцати лет в КазНУ им. аль-Фараби, Юрий Ефимович Лифанов очень много сделал для развития философского образования. Лифанов Ю.Е. – автор более 30 научных трудов, в том числе раздела «Направление и приоритеты научно-технического развития» учебного пособия «Философия и методология науки», изданного в Алматы в 1999 году.

До последнего времени Ю.Е. Лифанов принимал активное участие в научной, общественной жизни кафедры философии и методологии науки, факультета философии и политологии, университета.

Спокойный, всегда доброжелательный к людям, исключительно скромный – он был человеком подвижнического трудолюбия и преданности своему делу, которому он посвятил всю свою жизнь.

ЛОМОНОСОВА Тамара Сергеевна

Ломоносова Т.С.,

Моя дружба с Тамарой Сергеевной началась, скорее всего, через наших общих подруг и друзей. Я всегда придерживаюсь мысли: друг моего друга – мой друг. Может быть так, а может – иначе, так как не могу вспомнить, когда мы стали с ней подругами. Как-будто были подругами всю жизнь...

Умная, любящая шутку и розыгрыш, выдумщица, красивая, всегда модно одетая, всегда на все 100, знающая себе цену и тем не менее чрезвычайно добрая и отзывчивая, впечатлительная до слез, остро переживающая несправедливость и всегда идущая до конца со своими друзьями,

то есть никогда не бросающая их в беде, не забывающая их, даже тогда, когда волею судеб они отходят в сторону и исчезают с общественного или политического олимпа. Я часто думаю, что такие люди редкость и большинство из них уже ушли из жизни. Это было то поколение, которое ценят дружбу превыше всех и всяческих льгот и повышений. Сегодня их единицы достойных пожилых людей, которые видят иное поколение людей. Сегодня прагматизм превыше всего.

Мы много встречались втроем: она, Роза Мусахановна Алимжанова и я. Они были старше и дружили уже давно, а я только появилась на их горизонте. Роза Мусахановна и Тамара Сергеевна были членами местного комитета университета, а я – в студенческие годы комсомольским активистом, молодым коммунистом. Позже – начальником пионерского лагеря КазГУ «Восток-3», председателем студенческого профсоюза КазГУ.

Мне было всегда интересно слушать, когда они вспоминали свои командировки со спортивными командами университета по Советскому Союзу. Какие-то недоразумения, шутки, иногда и те случаи, когда надо было принимать быстрые решения, так как попадали в разные ситуации с командами. А они были их руко-

водителями, Тамара Сергеевна отвечала – за спортивные достижения, а Роза Мусахановна – за все общие вопросы. Но больше всего вспоминали поездку на Дальний Восток на поезде, с каким трудом добирались туда и оттуда. Вспоминали, как совершенный подвиг и удивлялись, что сделали это. Сейчас, конечно, те разговоры я не помню, но это было так интересно, что я снова и снова переживала за них, их ответственность и тот далекий путь.

Все-таки общественная работа так много нам давала – не только большой и разнообразной работы, но того общения и незабываемой дружбы с самыми разными людьми одного большого родного университета – флагмана нашей страны!

Следующий круг друзей: Багизбаева Мая Михайловна, Тамара Сергеевна, Галина Георгиевна Омельченко и я. Этот круг сформировался уже в 80-е годы XX века и продолжался практически до ухода в иной мир всех моих подруг в начале XXI века. Как-то ушли они по очереди сразу: Мая Михайловна, Тамара Сергеевна, Галина Георгиевна. Очень больно вспоминать мне об этом, потому что нарушилась связь, стало некому звонить по ночам и каждый день, узнавать здоровье, планы, смеяться по пустякам, проводить какие-то мероприятия или пить чай в обеденное время... Это, действительно, тяжело, даже сейчас принимаю это с болью в сердце. Настоящие люди, друзья, товарищи...

Наша четверка занималась решением гендерных вопросов в университете. Не все это понимали, некоторым даже это не нравилось. Не нравились и мы все вместе, и по отдельности... Было много проблем... Чего вспоминать! Однако было решено и много вопросов в области равноправия женщин в отдельно взятом университете. Была открыта и оформлена комната Женского Союза. В этом здорово помогли женщины всего университета, но много сделала и финансовый сектор, возглавляемый в то время Ж. Нуршаиховой, которой тоже досталось и за это, хотя все было сделано с точки зрения финансов грамотно, и все документы были в порядке. В общем, наши инициативы зачастую не приветствовались, но затем принимались, потому что приходило осознание того, что женщин в университете работает больше, и о них надо вспоминать не только 8 марта. А мы – держали удар! Каждый по отдельности, и все сразу вместе, потому что и такое было. Нельзя говорить, что все всегда хорошо. Надо знать и слабые точки в жизнедеятельности университета, говорить о них, и, главное, их

стараться ликвидировать. Рано или поздно это понимается всеми, но сначала инициативы воспринимаются негативно, а те, кто являются их организаторами, подвергаются обструкциям. Главное, мы были – патриотами КазГУ-КазНУ имени аль-Фараби и тогда, и сейчас, и это не подвергается сомнениям!

Третья наша совместная деятельность – это спорт. Все свои планы и задумки, будучи председателем, сначала в советское время студенческого профкома, а затем в суверенном Казахстане – сотрудников и преподавателей университета, я обсуждала сначала с Тамарой Сергеевной. Потом она шла к своему заведующему кафедрой физвоспитания и спорта Анатолию Ивановичу Арещенко, моему учителю и человеку, также много сделавшему для моего личного формирования как человека (о его вкладе в университет **я просто пока молчу, и в следующем сборнике обязательно расскажу, он неоценим!**). И было проведено столько много разных мероприятий профсоюзом совместно с кафедрой. Я знала, что эта кафедра – самые лучшие люди университета, и главное – мои друзья – вся кафедра во главе с их руководителями. Это так здорово иметь таких друзей! Сегодня мне так хорошо, когда я пишу о них, потому что большинство и сейчас работают в университете. «Гвозди бы делать из этих людей, крепче бы не было этих гвоздей!» Это – настоящие патриоты КазНУ имени аль-Фараби!!!

Когда я уже была проректором по воспитательной работе, я думала об имидже КазНУ имени аль-Фараби и предложила первый план имиджевой работы. На Ученом Совете вообще слово имидж слышать не хотели и провалили мой план. Тогда я два месяца объезжала всех членов большого Ученого Совета. Просто звонила к ним и просилась приехать к ним на рабочее место. Приезжала, беседовала, спрашивала, почему так случилось? Выслушивала их объяснения, просила их совета и помощи. Весной через два месяца вновь попросила ректора поставить на заседание Ученого Совета этот вопрос. Здесь мне помогала команда моих друзей-единомышленников, в том числе и Тамара Сергеевна Ломоносова. Мы разделили обязанности: моя презентация, а их – наглядное сопровождение того, что является имиджевой составляющей университета. Естественно, мы долго разрабатывали имиджевую концепцию и ее наглядные составляющие.

Я горжусь тем, что сегодня логотип университета, это мой предложенный логотип, много раз согласованный с ректором К.Н. Нарихбаевым и утвержденный Ученым Советом КазНУ имени аль-Фараби. Мы издали специально брошюру и раздали всем членам Ученого Совета. Авторами брошюры являлись Адилова Л.Ф. и Ахметова Л.С. «Современные методы формирования имиджа университета» (2001). А Тамара Сергеевна отвечала за имиджевую продукцию для студентов, потом уже и для сотрудников и преподавателей в виде футболки и кепки. Она на собственные деньги купила несколько белых футболок и кепок, сделала на них наш логотип, одела наших известных спортсменов и вывела их перед Ученым Советом для показа этой имиджевой продукции. Как было красиво! Как здорово! Естественно, все члены Ученого Совета после такой презентации единогласно приняли Концепцию имиджевой политики КазНУ имени аль-Фараби.

Вспоминаю наши поездки на уборку пионерского, затем школьного, лагеря. Основную нагрузку несла кафедра физвоспитания и спорта. По расписанию, составленному профсоюзом, на один день освобождались все подразделения университета и ехали на чистку и уборку. Радости, смеха, задора было так много. И сейчас об этом всегда вспоминают ветераны: совместный труд и отдых на нашей территории.

Поездки в спортивно-оздоровительный лагерь на озере Иссык-Куль. За финансы и всю деятельность отвечал профсоюз. Но весь штат СОЛ КазГУ-КазНУ состоял из кафедры физвоспитания. А за кухню – отвечал наш Комбинат студенческого питания. Все мы делали вместе, все делали для наших студентов, сотрудников, преподавателей!

Две дочки красавицы Тамары Сергеевны всегда были рядом и помогали нам в осуществлении наших задумок: будь то работа Женской комиссии университета, или спортивные мероприятия, или профсоюзные. На их помощь я тоже всегда могла рассчитывать.

Мои близкие подруги! Как нам было здорово вместе, как мне часто вас не хватает!

С возрастом я все чаще вспоминаю то время, поэтому и решила оставить память так, как я могу: своими воспоминаниями. Помню и люблю...

САРМУРЗИНА Алма Гайсановна

Алма Гайсановна Сармурзина – человек нашего времени. Именно нашего, то есть и советского, и нового суверенного Казахстана. Она смогла понять сложность прошлого и настоящего, сумела подняться до высот анализа происходящих процессов. В советское время она стала известным ученым-химиком и общественным деятелем, а в эпоху суверенного Казахстана смогла перестроить любимую науку с помощью по истине инновационных процессов в науку конкурентноспособную, необходимую для дальнейшего процветания Казахстана.

Сармурзина А.Г.,
доктор химических наук,
профессор

Алма Сармурзина – патриот университета. Для таких людей, главное, в жизни – зажечь звезду в другом, показать собственным примером, как необходимо жить, работать, приносить людям пользу.

Услышав горестную весть об ее уходе, подумала о том, что таких людей вообще в жизни встречается мало, а когда они уходят, чувствуешь небывалую пустоту: в жизни, в общении, во всем мире...

Она не занимала высоких постов, но каждый ректор университета считался с нею. Она была принимаема каждым руководителем, и пусть многие, а иногда и все, не соглашались с нею, но к ее мнению прислушивались, с ней считались. Именно она, и только она, смогла сделать замечательные книги о ректорах, именно к ней всегда обращались за советом по жизнедеятельности высшего образования, и университетского в частности.

Трудно назвать дату знакомства с нею. В далекие 70-е годы, мы встретились с нею, она – молодой преподаватель, являющийся членом партийного комитета университета, я – студентка-активистка, молодой коммунист.

Сейчас, вспоминая, отдаешь должное общественной работе, тому, как преданно мы занимались ею, как учились, как много познали, и теперь передаем опыт предыдущих поколений. Комсомольская, профсоюзная, партийная общественная школа – с нами всегда в сердцах. Она дала нам новые возможности, отличные от большинства людей, которые выполняя разовые поручения, были все-таки вдали от бурно текущей общественно-политической деятельности страны, Казахстана, высшего образования, науки, общества, университета. В результате мы стали теми, какие есть, мы состоялись как ученые и общественные деятели. Именно в этом заслуга нашей активной общественной деятельности. Именно она нам в жизни принесла неизмеримо большее и обогатила нас духовно, нежели остальных.

В характере Сармурзиных – присутствует все: резкость, жесткость, доброта, понимание, правдивость, активная жизненная позиция, девиз, кто, если не я. За это их не часто жалуют, особенно власти.

Я говорю потому, что знаю их давно.

Алматы – маленький город. И мы росли в нем все. Наши отцы были журналистами. Они общались. Мы детьми не общались, но уже много позже на работе в родном университете нашли множество знакомых и просто родных нашему сердцу людей, с которыми были дружны обе семьи – Сармурзиных и моя.

Слава о семье Сармурзиных гремела повсюду. Именно такие семьи выбирала советская пропаганда, показывая жизненность социалистического строя. Правда в этом была. И я расскажу об этом.

Отец – известный журналист в Казахстане. Мама работает дома. Большая дружная семья – 8 детей: 7 девочек и единственный сын Алтай.

Все дети получили высшее образование, и какое! Ленинградские, московские вузы и Казахский государственный университет. Причем высшее образование самое разное – химик, историк, журналист, филолог... Казалось бы, что семья состоялась во всех отношениях. Но дружному клану Сармурзиных этого было мало. Постепенно все стали кандидатами наук, а потом – большинство докторами наук. В советское время это было просто невозможно, а они ими стали, причем по самым разным наукам! И это могло быть только в Советском Союзе. Естественно, семья была образ-

цом, ею гордились, ее всегда показывали по телевидению и приводили в пример как образцовую семью. Это было действительно так. Здесь не было надуманного. Такой единственной и неповторимой была семья Сармурзиных, и, естественно, все члены семьи очень этим гордились. Хотя, конечно же, всегда быть под наблюдением, достаточно сложно.

Так в жизни случилось, что практически всех в этой семье я знала: по работе, общественной деятельности, просто по жизни. Потом пошло новое поколение детей, сегодня уже взрослые внуки, а наше поколение постепенно уходит. Так ушла Алма Сармурзина, человек, который после смерти родителей и старшей сестры взяла на себя и ответственность за семью. Иногда я просто не знала, кто ближе мне из всей их многочисленной семьи, дружила я со многими, но вот общественной деятельностью занималась только с Алмой Гайсановной.

Надо отметить, что в начале XXI века вышли три тома «Летописи КазНУ имени аль-Фараби», которые включили в себя исторические очерки по периодам нашего университета, персоналии ректоров, деканов, заведующих кафедр и профессоров. Так вот во всех книгах имеется фамилия Сармурзиных. Информация об Алме Гайсановне во втором томе.

Сразу после окончания Ленинградского государственного университета с 1960 года до самого конца работала Алма Гайсановна в стенах родного университета. Благодаря ленинградскому образованию у нее было обширный круг знакомых по высшему образованию во всем Союзе, и позже в суверенных странах, поэтому она всегда владела новой информацией и организовывала учебно-методические конференции, экспертизу и многое другое по всему миру.

Почти все мероприятия, которые были инициированы на химическом факультете, происходили от А.Г. Сармурзиной. Я не принижаю работу коллектива химического факультета, но, все же, отмечу, какое счастье было у них, что был инициатор, вдохновитель и человек, который собственным примером показывал, как надо делать и что надо делать. Знаменитый День химика проводится более четырех десятков лет. Он известен на всем постсоветском, теперь уже и международном пространстве, и проходит ежегодно. Ни один факультет так не смог проводить свои мероприятия, ни один руководитель, не смотря на профессиональные

праздники, не смог организовать так, что День химика – это не только праздник, это своего рода ритуал, я бы сказала, что нет химического факультета без Дня химика, как нет Дня химика без факультета. И это сделала все она, привезя с России идею праздника и внедрив свои национальные подходы, сделав его традиционным в Казахстане.

Юбилей Казахского университета. Мне повезло быть членом комиссии во всех юбилеях, начиная с 40-летия до 75-летия университета. А.Г. Сармурзина – не только неизменный член комиссии, но самое главное, вдохновитель многих идей, инициатор многих проектов.

На 50-летнем юбилее университета ей стало обидно за всех участников. Ведь поместить весь университет не мог ни один концертный зал Казахстана, тогда она взяла и организовала сотрудников и преподавателей университета на джайляу для празднования юбилея. Вот разговоров-то было! По-моему, до следующего юбилея.

Я никогда не слышала, что можно было купить билеты в Казахский оперный театр всему коллективу химического факультета – это был ее подарок на свой день рождения. Вы слышали такое? Я – нет!

В середине 90-х годов я обратилась к ней с просьбой посещать ее лекции, потом стала приводить своих студентов. Конечно, это очень трудно сделать в производственном плане. Но мы это сделали, и я объясню почему. Я стала читать курс впервые на факультете журналистики «Журналистика и экология», Алма Гайсановна заведовала кафедрой на химическом факультете, которая занималась проблемами экологии. Своим студентам я говорила:

– Вы, будущие журналисты, и только в КазНУ вы увидите настоящих ученых разного профиля, только здесь вы сможете взять у них интервью для своих настоящих и будущих творений. Идите на лекции, знакомьтесь с ними, записывайте. Журналистам это все надо знать!

Много позже, создавая экологический центр КазНУ имени аль-Фараби, Алма Гайсановна привлечет меня и моих аспирантов к этой деятельности. Вот так взаимосвязаны были наши общественные инициативы и производственная педагогическая деятельность.

В конце XX века наш университет проходил аттестацию. К ней серьезно, как всегда, готовились. Мы знаем всегда, мы – первые, а значит, и требования намного больше. Я, будучи председателем профсоюзного комитета сотрудников и преподавателей, готовя отчет, показала целую программу социальной деятельности университета, которую мы сделали за последние пять лет, подготовила таблицу и схемы. Увидев профсоюзный отчет, Алма Гайсановна немедленно организовала подготовку стендов по нашим отчетам. Именно в трудные годы мирового экономического кризиса конца XX века у нас была создана достаточно стройная система социальной защиты разных слоев нашего университета от студентов до пенсионеров. Конечно же, благодаря хорошо преподнесенному отчету, в том числе и по подготовленным стендам, комиссия отметила, а потом было заявлено на уровне всей страны, что в КазНУ имеется самая лучшая система социальной защиты на производстве. Поскольку мы стали именно лучшими, благодаря профсоюзному отчету, после работы комиссии, меня назначили по рекомендации А.Г. Сармурзиной проректором по идейно-воспитательной и социальной работе университета.

Работая на проректорской деятельности, я часто буквально подпитывалась идеями и предложениями Алмы Гайсановны. Именно благодаря ей, прозвучали инициативы работы Ассоциации выпускников университета, много она нам помогала по созданию положительного имиджа университета. Правда, конечно, она могла и резко сказать, отчитать или высказать недовольство. Это было в ее характере, но неизменно оставалось одно: она была патриотом университета и делала все во благо университета, а не во благо отдельного какого-то лица. За это ее, естественно, не любили. Однако и побаивались. Она всегда давала отпор, не прислушиваясь к тому, что такая правдивость может ей навредить лично. И вредила. Но правда торжествовала всегда!

Она – иная, другая. Я похожа на нее, такая же на своем факультете нестандартная, иная. Таких не любят. Алма Гайсановна энергией заражала всех, но большинство людей не успевают за ней, поэтому и у них возникают торможение и недовольство. Мужественная Алма Гайсановна могла пойти наперекор любому руководителю, но при этом твердо зная, что правда на ее стороне. Хотя, правда, это правда могла раскрыться через многие годы. Но это было действительно так.

Она – патриот университета, оптимист, труженик, бессребреник.

Она – личность, ученый, общественный деятель, человек, занимающий активную жизненную позицию.

Такие люди – штучный товар. Сегодня их практически нет. Сегодня, к сожалению, у большинства следующие принципы: или не трогай меня, или а, что ты мне за это заплатишь? Увы!

Поэтому горько от потери такого человека, поэтому незаменимые люди имеются, и они – уникальны! Пример – Алма Гайсановна Сармурзина!

СТРУЦ Тамара Петровна

Струц Т.П.,
заслуженный работник
КазССР

Есть кровное родство. И родственников мы не выбираем. В этой жизни мы просто с ними живем.

И есть духовное родство. Друзья, с которыми мы идем по жизни. Иногда очень трудно сказать, кто же дороже, ближе. Человеку необходимы и те, и другие, как две стороны медали.

Тамару Петровну Струц я знала полвека, вообще-то правильнее было бы сказать, она меня знает с рождения.

В моем уже далеком детстве, конечно же, мы не были друзьями. Мой отец, Сейсенбек Мухамедиевич, фронтовой товарищ ее супруга Александра Лаврентьевича Маловичко, которые затем вместе учились

на одном филологическом факультете (правда, мой отец учился там на отделении журналистики и уже в 1947 году закончил факультет журналистики), жили в одном студенческом общежитии, занимались общественной работой, были инвалидами Великой Отечественной войны (Александр Лаврентьевич ходил с тростью, раненный в левую ногу, мой отец – без кисти левой руки). У них было много общего, и главное – фронтовое братство! А я ребенком сживала под столом или, играя рядом на диване, слушаю их разговоры. Как жаль, что детские воспоминания отрывочны, и я их вижу «картинками» моего безоблачного детства, а не вербально – обрывками тех долгих разговоров за столом!

Моя старшая сестра училась с ее старшим сыном в одной группе юридического факультета. Поступив в 1971 году в Казахский государственный университет им. С.М. Кирова на факультет журналистики, я слушала лекции Александра Лаврентьевича, но никогда мне не преподавала Тамара Петровна, однако с первых же дней учебы я ходила к ней в музей. Отсюда – истоки

нашей дружбы. Более тесные взаимоотношения были у меня с ней и работниками музея в годы моей работы председателем в студенческом профсоюзном комитете и профсоюзе работников КазГУ «Парасат».

Когда я еще была студенткой ее гордость, ее любимец, мастер спорта по теннису, восходящая звезда казахстанского спорта, музыкант, скрипач, во время музыкального конкурса в Москве попал под машину. С его смертью рухнул ее мир. Она всю жизнь несла печать смерти и печаль по сыну. Несколько лет просто не могла прийти в себя, все время болела и не хотела жить. А ее супруг после уже какого-то пройденного времени после похорон вышел на работу и пришел к нам читать лекцию. Начал, остановился и заплакал. Слезы мужчины, фронтовика нас поразили. Стояла гробовая тишина. Мы так и просидели все занятие...

Позже у старшего сына родится сын Алеша. Всю себя она посвящала внуку. Мы несколько раз были с ней на Иссык-Куле, в нашем спортивно-оздоровительном лагере. Она ездила туда с внуком. Активно участвовала в общественной жизни, обязательно играла разные роли в наших представлениях, в днях Нептуна, везде, она могла перевоплотиться и быть то юной девушкой, то отвратительной бабой Ягой..

Ее умение быть в центре любой компании, уметь посмеяться, беззлобно пошутить, петь, танцевать, отлично рассказывать анекдоты, всегда привлекало внимание, и я искренне этим восхищалась, потому что могла отлично и много работать. А вот отдыхать никогда не умела, в компании всегда чувствовала несколько скованно, и мне очень хотелось быть похожей и в этом на Тамару Петровну.

С детства восхищалась красотой, умом, природным тактом Тамары Петровны. В студенческие годы многому училась у нее: общественной работе, умению слушать и слышать, архивной и музейной деятельности. Работая в университете, была у нее студенткой, дочерью, товарищем. И я всегда удивлялась ее умению не портить отношения с людьми, работоспособности, быть руководителем, знанию педагогики, психологии, а не только ее родной биологии.

Шестьдесят лет работы в университете начались для нее в сентябре 1942 года.

Украинская девушка в далекой слободе Швисковецкая заканчивает семилетку, среднее образования получает в Могилев-Подольске Винницкой области. В 10 классе к ним пришли преподаватели из Киевской лесотехнической академии и стали агитировать поступать к ним в академию (и тогда была профориентационная работа!).

Тамара в 1940 году поступает учиться. Летом 1941 года в свою вторую сессию Тамара смогла сдать только один экзамен. Киев стали бомбить. Все ребята ушли на фронт, а девушек 1-2 курса отправили в Воронежский университет. Когда война приблизилась и туда, одних эвакуировали в Ташкент, других – в Алма-Ату. Без документов, без ничего юная Тамара живет в селе Дмитриевка Энбекши – Казахского района и почти год работает в колхозе.

Однажды, приехав в Алма-Ату по каким-то делам, на улице она встречает пожилого человека, лицо которого ей кажется знакомым. Останавливает его и говорит: «Вы же профессор Киевской лесотехнической академии. Вы у нас не преподавали, но я Вас помню, я там училась на первом курсе».

Тамара Петровна имеет бесконечное чувство юмора и, глядя на меня, говорит: «В то время я была средней смелости, это потом я стала языкастою!» Мы дружно с ней долго смеемся, ведь у нас полвека общего прошлого, и я ее часто понимаю без слов!

Профессор привел Тамару Петровну в Казахский государственный университет к ректору И.В. Лукьянцу. Только по рекомендации профессора ее приняли на биологический факультет, и с сентября 1942 года до сентября 2002 года в трудовой книжке Тамары Петровны значатся надписи: студент, преподаватель, директор музея истории Казахского национального университета.

Когда Тамара Петровна ушла на пенсию, но осталась такой же неугомонной души человеком, общественным деятелем, поэтому и она продолжала быть бессменным заместителем председателя ветеранской организации университета, насчитывающей в 90-е годы XX века более пятисот человек, председателем профсоюзной организации Совета ветеранов КазНУ им. аль-Фараби.

Свежий, ясный, цепкий и острый ум Тамары Петровны хранил многое. Отличное чувство юмора, замечательная память и великолепное умение рассказывать – кладезь для нас, ее современников.

Ее рассказ о ректоре мы опубликовали в сборнике воспоминаний ветеранов:

– Это было в 1970 г. В Казахский государственный университет им. С.М. Кирова пришел на работу новый ректор. Это был Умирбек Арисланович Джолдасбеков, в последствии академик Ан КазССР, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки КазССР.

Многие наши ученые знали Умирбека Арислановича по его работе в политехническом институте, говорили, что это был прекрасный ученый и большой организатор многих начинаний.

Примерно через полмесяца Тамара Петровна со студентами 4-го курса философского факультета КазГУ (где она была в то время куратором) Т. Искаковым и Ж. Жармухамедовым решили пойти на прием к Умирбеку Арислановичу с вопросом о создании мемориальной комнаты, посвященной памяти С.М. Кирова, чье имя тогда носил Казахский государственный университет.

– Народу в приемной было очень много. Один за одним входили в кабинет ректора проректора, деканы, заведующие кафедрами КазГУ и профессора политехнического института, а мы всё ждали, когда, наконец, наступит наш черед.

Наша очередь подошла как раз к обеденному перерыву, мы уже потеряли надежду на встречу с ректором, так как во вторую смену мне и студентам надо было идти на занятия.

Мы уже были наслышаны, что ректор очень строгий и, честно говоря, побаивались войти в кабинет. Секретарь доложила ему, что мы сидим в приемной и пока он нас не примет уходить не собираемся. Умирбек Арисланович тогда сказал: – «Пусть входят». Он высказал свое недовольство, что уже второй час и надо уходить на обед. Ведь в 2 часа надо снова быть за рабочим столом. Я с весьма обиженным видом сказала ему, что просидеть несколько часов в приемной и не попасть к Вам на прием – это несправедливо. И все-таки Умирбек Арисланович, узнав причину нашего прихода, решил выслушать нас, и не только выслушать, но тут же пригласил к себе в кабинет всех проректоров и главбуха, которые не уходили на обед пока ректор в кабинете.

Умирбек Арисланович еще раз попросил меня коротко изложить причину нашего прихода и сказал своим помощникам, что создание музея Кирова это дело хорошее и надо им помочь.

Мы вышли из кабинета ректора в хорошем настроении и с большим энтузиазмом стали собирать материалы о жизни и деятельности С.М. Кирова. Начали переписку с музеем С.М. Кирова в Ленинграде, с Бакинским университетом им. С.М. Кирова, Кировским музеем в Уржуме, Астрахане и других городах и учреждениях и надо сказать сравнительно быстро в одной из больших аудитории в здании математического факультета (с помощью художников) оформили мемориальную комнату, посвященную С.М. Кирову.

Для того времени музей получился не плохой, но Умирбек Арисланович все время требовал совершенствовать его, обогащая новыми документами.

3 июля 1985 года в газете «Вечерняя Алма-Ата» я опубликовала под рубрикой «Страницы истории» рассказ «Музей КазГУ». Вот выдрезки этой публикации:

– ... Одновременно Тамара Петровна предлагает лучшей студенческой группе университета присваивать имя Кировская. Отсюда родилось социалистическое соревнование на звание лучшей группы в университете на естественных и гуманитарных факультетах.

Многранна деятельность музея. Большим событием в жизни университета становится организация выставок, посвященных, например, 80-летию М.О. Ауэзова, 70-летию газеты «Правда», 50-летию КазГУ, 40-летию Победы советского народа над фашистской Германией. В настоящее время совет музея работает над созданием выставок, посвященных 100-летию со дня рождения С.М. Кирова и «КазГУ – член международной ассоциации университетов», которая будет экспонироваться в Париже.

Сегодняшний совет музея – студенты всех факультетов, аспиранты, Кировские стипендиаты, профессорско-преподавательский состав Казахского университета. Обширен их кругозор. Велики их обязанности: одни ведут переписку и собирают материал, другие – его оформляют, третьи – проводят большую лекционную пропаганду в составе лекторской группы музея на многих предприятиях города и республики.

Из одного музея рождается второй. И многое еще предстоит сделать. Мы думаем, что наши выпускники откликнутся и принесут в музей свои материалы, поделятся воспоминаниями об уче-

бе и работе в КазГУ на страницах нашей многотиражной газеты «Казахский университет».

Тамара Петровна продолжает вспоминать:

– Через несколько лет Умирбек Арисланович предложил мне заняться сбором материала для будущего музея истории КазГУ. Я не сразу согласилась. Во-первых, большая преподавательская нагрузка (около 1200 часов в год), во-вторых, семья, дети, все это, конечно, могло затормозить работу над выполнением этого поручения, но Умирбек Арисланович настоятельно требовал, чтобы я взялась за эту работу, каждый раз говорил: «если захотите, то получиться». Пришлось согласиться.

Однажды Умирбек Арисланович вызвал меня к себе и сказал, чтобы нам было легче работать – поедете в Киевский университет, МГУ, Московское техническое училище им. Баумана – там прекрасные музеи, посмотрите их, и вам станет более ясно, как делать наш музей истории университета.

Я действительно поехала в эти музеи и поняла, какие материалы нужны для нашего музея.

Хотя наш университетский музей небольшой, но он хранит большую память о преподавателях, студентах и сотрудниках КазГУ.

Надо сказать, что Умирбек Арисланович умел требовать от своих сотрудников хорошую работу. И если он видел, что человек старается, он всегда поддерживал и поощрял таких людей. Так, например, он никогда не отказывал мне ездить на научные конференции в разные города, если посланные мною тезисы отвечали требованиям той или иной конференции.

Умирбек Арисланович очень скрупулезно относился к тем материалам, которые я собирала для будущего музея КазГУ. Он всегда находил время просмотреть эти материалы, подсказать, что необходимо сделать еще. Он требовал, чтобы каждая фотография, каждый документ (будь-то газета, указ и т.д.) отвечали поставленной той или иной задаче.

В связи с созданием музея мне неоднократно приходилось присутствовать на заседаниях строительного Совета КазГУ. Часто приходил на эти заседания и Умирбек Арисланович. Он очень строго подходил к тем руководителям и рабочим, которые нерадиво относились к своим обязанностям и совершенно по иному, доброжелательно, относился к тем, которые добросовестно, со

знанием дела выполняли свою работу. Таких людей он старался поддержать, и если надо, то даже помочь им. Так, действительно поступают настоящие руководители.

В 1984 году университет отмечал свое 50-летие. Многие сотрудники были награждены различными наградами – орденами, медалями, почетными грамотами Верховного Совета КазССР.

В связи с юбилеем университета Правительство Республики Казахстан выделили две высоких награды «Заслуженного работника КазССР». На эти награды были выдвинуты многие кандидатуры университета. На заседании ректората было много споров кому присвоить эти звания.

Умирбек Арисланович, выслушав мнение членов ректората, сказал: «Многие годы на общественных началах ведет большую работу со студентами по эстетическому воспитанию руководитель Общества семи муз, старший преподаватель исторического факультета Бахтажар Мекишевич Мекишев, думаю, что он заслуживает эту высокую награду нашего правительства, а вторую награду заслуженного работника КазССР я предложил бы присвоить старшему преподавателю кафедры педагогики и психологии КазГУ Тамаре Петрович Струц, которая также многие годы вела и ведет работу на общественных началах в Мемориальном музее С.М.Кирова, и одновременно продолжает собирать материал для будущего музея истории КазГУ», за эти кандидатуры проголосовало большинство членов Ученого Совета КазГУ.

Прошли годы, и в 1989 году был открыт под руководством Умирбека Арислановича музей истории университета.

Немало было споров отдавать два больших зала под музей, но Умирбек Арисланович сказал: «Музей – это лицо университета, именно здесь студенты узнают с чего начинается университет, и что он собой представляет... Нельзя жалеть эти аудитории под музей».

Умирбек Арисланович был строгим человеком, дисциплинированным, требовательным к себе и другим, был честным и справедливым, за эти его качества его уважали и любили.

Мне припоминается такой случай. Однажды в приемной ректора (а ректором в то время был профессор Е.Е. Ергожин) было много деканов, заведующих кафедрами и просто сотрудников. Вдруг заходит в приемную Умирбек Арисланович. Все,

кто там был, как по команде, встали, приветствуя Умирбека Арислановича.

Здесь было налицо огромное уважение к Умирбеку Арислановичу, он этого заслужил.

Сейчас среди нас его нет, он преждевременно ушел из жизни, но остался КазГУград, строительству которого он посвятил свои лучшие годы. КазГУград стал памятником большому ученому, прекрасному человеку, замечательному организатору Умирбеку Арислановичу Джолдасбекову.

У мемориальной доски, которая помещена на административном здании университета, в его память всегда живые цветы, которые так любовно возлагают преподаватели, студенты и сотрудники университета.

Тамара Петровна мне много рассказывала о прежних ректорах. Мне было интересно услышать разные жизненные истории, связанные с И.К. Лукьянцем, Т.Т. Тажибаевым. Все наши ректора, действительно, прикладывали немало усилий для того, чтобы первый университет был первым всегда и во всем.

Я могла задать самые разные вопросы про университет, про людей, работавших в университете. Она была для меня старшей подругой, с которой можно было поделиться той или иной проблемой, обсудить планы на будущее. Она меня постоянно предостерегала от самых разных неприятностей и всегда говорила, что надо быть тактичной, вежливой и осторожной во многих вопросах. В университете знали о нашей дружбе и за глаза называли ее строгой дуэньей Ляли. Когда я узнала об этом, то даже немного обиделась, но, глянув ей в лицо, и рассказав, мы вдруг дружно стали хохотать, смеялись до слез. И она вновь с юмором заметила, а, может быть, это и к лучшему при чем и для тебя, и для меня.

Мне нравилось наблюдать за ее взаимоотношениями с председателем Совета ветеранов Габбасом Габбасовичем Жуматовым. Взрослые люди, они всегда друг друга подкалывали, шутили. Иногда не поймешь, они ссорятся что-ли или сердятся друг на друга. Потом я просто перестала нервничать и обращать на это внимание. А они все смеются, и между этим решают разные вопросы. Оба ко мне всегда обращались с вниманием и любовью, и мне, конечно же, это очень нравилось.

Я много работала в профсоюзах университета. Особенно в 90-е годы мы с Тамарой Петровной часто посещали ветеранов, так мы ходили поздравить со 100-летием доцента университета В. Петрову. Мы представляли университет. Тамара Петровна была от Совета ветеранов. Я – от профсоюза. Подарили конверт с деньгами, поздравительный адрес от ректора, цветы.

Несколько раз ходили в гости к нашему общему другу, профессору, инвалиду Великой Отечественной войны Х. Суюншалиеву, другим ветеранам.

Понятное дело, не только поздравляли с юбилеями, но и вместе занимались более печальными делами: хоронили ветеранов университета.

Отличный рассказчик, Тамара Петровна умеет остановиться, чтобы люди пережили момент истины. Так она мне рассказывала о посещении нашим университетом в начале 90-х годов Н.А. Назарбаева. Тамара Петровна Н.А. Назарбаеву и ректору К.Н. Наринбаеву проводила экскурсию по новому музею университета. Начало 90-х годов. Кто-то помнит, были веерные отключения электроэнергии и многое другое.

В новом музее огромный зал, в который в одну дверьходишь, а в другую в конце зала выходишь. Зал был без окон, но красочно оформлен. Там было много реликвий и экспонатов.

И вот вошли они трое в дверь. Ее закрыли. Туда больше никто не входил. Прошли уже чуть больше половины музея, вдруг выключился свет. Тамара Петровна вспоминала, что она замерла от испуга, как же так случилось? Университет так готовился к встрече с Президентом страны! Но был форс-мажор! И вдруг Нурсултан Абишевич сказал:

– Вы так отлично рассказываете, что можете это делать и с закрытыми глазами, продолжайте!

Конечно, Нурсултан Абишевич понимал, каково было ректору и директору музея из-за этой проблемы! Он подбодрил их, и они продолжили движение. Буквально через несколько минут подали свет. Экскурсия не прерывалась, и вскоре закончилась. Нурсултан Абишевич похвалил наш музей и отметил, что директор музея не растерялась, что она – просто молодец!!!

ШИГАЕВА Майя Хажетдинова

Шигаева М.Х.,
доктор биологических наук,
профессор,
академик АН РК

Майя Хажетдиновна была мне близким человеком. В 1972 году она пришла в КазГУ, и с тех пор до последнего работала здесь и состояла в Совете ветеранов университета.

Я всегда гордилась своей работой в КазНУ имени аль-Фараби и близкими моему сердцу друзьями. В моем становлении они сыграли большую роль. Мне было очень комфортно дружить с людьми старше меня. А им вероятно нравилось передавать мне свой жизненный, общественный и производственный опыт. Именно моя общественная деятельность с 1 курса позволила мне войти в круг общественников уни-

верситета, а в то время общественной деятельностью занимались все: от ректора до студента.

В 1972 году, на 2 курсе, я стала кандидатом в члены КПСС. Это было очень ответственно по жизни, и все же моя целенаправленность в учебе, науке, общественной работе дало мне великолепные знакомства. Мы ведь много работали и выполняли все задания партии и университета.

Я знала, что до этого Майя Хажетдиновна работала в системе Академии наук и пришла к нам уже состоявшимся и известным ученым, стала заведующей кафедрой микробиологии биологического факультета КазГУ–КазНУ имени аль-Фараби. Заведующей кафедрой она была 28 лет! 10 лет она была деканом биологического факультета. Потом работала профессором на своей кафедре. Конечно, в микробиологию я не вдавалась, ничего об этом практически не знала, но мы столько раз были вместе на партийных и профсоюзных собраниях, конференциях и различных заседаниях партийного и иных комитетов, столько вместе рука об руку выполняли поручений не относящихся к производственной деятельности. И меня всегда восхищала ее доступность и в то же

время профессионализм, практичность и умение все сделать в срок, красиво и достойно представлять отчеты, аргументированно выступать, умение выслушать, ценить шутку и своего партнера-напарника в общественной жизни. Я даже не могу вспомнить в скольких комиссиях мы были вместе!

Именно эта постоянная общественная работа помогла нам стать ближе, сначала с позиций старший-младший, потом коллеги, друзья.

Весь университет гордился Майей Хажетдиновной, ведь только в нашем университете работали в советское время три академика: Аубакиров Я.А., Кабдолов З.К., Лукьянов А.Т. и единственная женщина – член-корреспондент Академии наук Казахстана М.Х. Шигаева.

Я всегда спрашивала Майю Хажетдиновну:

– А каково быть единственной? И вообще член-корром?

Она, смеясь, отвечала:

– Ну, что за вопрос? Я такая же, как все! Неправильные вопросы ты задаешь!

Еще меня восхищало то, что она много работала по линии общества «Знания», единственная из Казахстана была членом президиума Всесоюзного общества «Знание». Мы, идеологи, всегда были лекторами общества «Знание», много ездили по Казахстану и даже по всему Советскому Союзу, и то, что нашу Майю Хажетдиновну знает весь Союз и не только по ее трудам в области биологии, то есть специалисты-биологи и смежных профессий, а как трибуна, лектора, общественного деятеля, – это было здорово для всего университета, Алма-Аты, Казахстана!

Я знала, что у нее было 4 детей и этим тоже искренне восхищалась и спрашивала, когда можно все успеть сделать? Как можно заниматься наукой, общественной деятельностью и домом?

У нее был достойный ответ восточной женщины:

– Я все успеваю делать благодаря семье. У меня замечательный муж, дети. Они мне во всем помогают!

Однажды в минуты откровений Майя Хажетдиновна рассказала мне о гибели ее сына. Мы вместе плакали, молчали, обнимались. Это была уже давняя боль. Но такая боль всегда присутствовала в сердце моей дорогой старшей подруги, поэтому о детях я старалась мало говорить.

Мы были с ней несколько раз в командировках, в том числе два раза в нашем спортивно-оздоровительном лагере КазГУ в Бозтырях.

Расскажу об одной командировке на Иссык-Куль. Мы поехали на три дня в СОЛ КазГУ три человека: профессор М.К. Барманкулов, мой завкафедрой, декан биофака, член-корр, профессор М.М. Шигаева и я, председатель студенческого профсоюза, доцент.

У каждого из нас были свои задания. Марат Карибаевич должен был на камеру снять один день жизни и отдыха СОЛ КазГУ, а я должна была все это ему организовать, Майя Хажетдиновна по заданию ректора и парткома должна была проверить работу профсоюза, где я была председателем, и работу спортклуба, который подчинялся нашему профсоюзу. Все вместе мы должны были проверить наличие людей и соответствие путевок. Естественно, особенно бесплатных путевок, которые составляли 20% всех путевок, а остальные путевки наши студенты оплачивали всего 10% и сотрудники 30% стоимости, остальную сумму платили частично профсоюз и определенную часть университет. За это, то есть финансы и распределение путевок, отвечал профсоюз, и спрос был строгим.

В шесть часов утра мы выехали на автобусе университета на Иссык-Куль. По дороге остановились поесть. Марат Карибаевич нас угостил шашлыком. Если мы все четверо с водителем. А отравилась шашлыком я одна. И главное, все началось тогда, когда мы приехали. Конечно, это уже было хорошо! Мне было отвратительно все, я не могла ходить, смотреть на еду и всякое прочее, что составляет неприятные минуты отравления. Конечно, врач СОЛ меня лечил, однако я три дня провалялась в постели. Пила только кипяченую воду и никуда не выходила. Было очень плохо. Майя Хажетдиновна, как старшая, срочно перераспределила обязанности между собой и М.К. Барманкуловым. Они привлекли отдыхающих, и все сделали в срок, профессионально и на отлично. Кроме того, Майя Хажетдиновна успевала несколько раз в день заглянуть ко мне, посылала людей меня навещать, чтобы не было мне скучно. А сама как заправский бухгалтер сидела и считала путевки, стоимость путевок, выводила проценты, общалась с отдыхающими студентами и преподавателями. Я страшно

за это переживала, мне было неудобно, как член-корр, профессор делает мою работу!

Потом Умирбек Арисланович на заседании парткома похвалил меня за привлечение студентов и преподавателей к работе комиссии. Я замерла, оказывается он не знал, что это не моя работа. А сидящие рядом Майя Хажетдиновна и Марат Карибаевич только согласно кивнули головой, что это так. И Майя Хажетдиновна взяла меня за руку и пожала, чтобы я не выступила с опровержением. Сейчас привлечение отдыхающих к работе комиссии мы бы назвали транспарентностью и гласностью, потому что любой тогда мог проверить и увидеть распределение путевок и их наличие в СОЛ.

Вот такие были мои друзья, верные, готовые всегда прийти на помощь, давали классные советы по жизни и никогда ничего не требовали взамен!

Она долгие годы жила в центре Алма-Аты, по улице Куляш Байсеитовой, чуть выше Абая. Когда были декабрьские события 1986 года, их дом стоял рядом с площадью, и я позже спрашивала о том, что было, глазами тех, кто видел. Она отвечала односложно и с болью в голосе, что этого не должно было быть...

Много позже, уже в XXI веке, как-то стали мы встречаться часто в троллейбусе на работу в университет. Однажды я спросила, как-то Вы неправильно ездите!

Майя Хажетдиновна сказала, что они переехали, и мы стали практически соседями. Так как у нас была одна остановка для поездки на работу, однако жили в разных концах от остановки: Майе Хажетдиновне надо было идти вверх, а мне надо было идти вниз домой от остановки. Тем не менее, выходя на Тимирязева, мы шли к университету пешком вместе и много говорили о прошлом и настоящем КазНУ имени аль-Фараби. Иногда вспоминали смешные случаи и наши отчеты на парткоме, ведь не всегда проходило все гладко, над чем-то смеялись, гордились университетским городком и стройками, шедшими здесь.

И еще я спрашивала ее о том, как Майя Хажетдиновна работала у Терешковой В., первого космонавта-женщины, когда была, и снова единственная из Казахстана, членом Комитета советских женщин.

Она рассказывала о том, что Валентина Терешкова – обязательный человек, очень внимательная, знала их всех в лицо и по

имени, уделяла много времени вопросам женщин не только в Союзе и за рубежом.

М.М. Шигаева в суверенном Казахстане была членом комиссии по делам женщин, в 90-е годы XX века встречалась с Президентом страны Н.А. Назарбаевым. Она мне показывала фотографию встречи и рассказывала о том, что было на встрече, какие вопросы поднимались.

Майя Хажетдиновна – гордость отечественной науки и страны. У нее много учеников. Она – автор более 300 научных трудов, ею написаны учебники по микробиологии, 10 монографий, у нее много авторских свидетельств.

За заслуги она награждена Грамотой Верховного Совета КазССР, орденами «Дружба народов» и «Парасат», многими медалями. За вклад в развитие Высшей школы она отмечена знаками «За отличные успехи в работе» и «Отличник образования».

Скромная по жизни, вежливая, профессионал в своем деле, ученый и педагог – наша гордость, наша слава!!!

Какие внимательные лица! 70-е годы

На перерыве одной из партийных конференций. 80-е годы

Лифанов Ю.Е. с кубинскими студентами. 1981-1985 гг.

Одна из встреч в комнаты ЖенСовета. 90-е годы

Глава 4

МОИ ИСТОРИКИ

БЕКМАХАНОВ Ермухан Бекмаханович

Бекмаханов Е.Б.,
доктор исторических наук,
профессор, член-корреспондент
АН Казахской ССР

15 февраля 2015 года исполнилось 100 лет со дня рождения первого казаха – доктора исторических наук, профессора Ермухана Бекмаханова. Сложна его судьба, как трудна жизнь всей страны в XX веке, и нам необходимо знать не только историю страны, но и как все переплеталось в судьбах ее великих ученых.

Что же происходило в те далекие годы? Почему Е. Бекмаханов подвергся критике, а затем был арестован и отправлен в ГУЛАГ? Заглянем в то далекое прошлое.

Когда мы говорим о зловещих тридцатых годах, как-то уходит в тень вторая половина 40-х и начало 50-х годов XX столетия. А между тем, для казахстанской интеллигенции это время стоит особо, так как именно 1947 год открыл эпоху критики взгляда ряда деятелей литературы и искусства на трактовку сущности представителей феодально-родовой элиты первой половины XIX века.

Это было время великой победы советского народа над фашистской Германией, это было время уже подготовленных казахских и казахстанских представителей с высшим образованием советской эпохи. Это было время уже начавшегося конца эпохи Сталина, правда, конечно, это время было намечено лишь штрихами.

В ЦК Компартии Казахстана было принято решение «О гру-

бых политических ошибках в работе института языка и литературы Академии наук Казахской ССР» [1]. В журнале «Большевик Казахстана» появляются материалы работников ЦК [2]. Постепенно тема критики приобретает постоянный характер [3]. В то же время в журнале с интересными публикациями о книге исследователя В.Ф. Шахматова «Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова», «Исторические корни дружбы русского и казахского народов», «О состоянии и задачах исторической науки в Казахстане» выступает один из ведущих историков республики Ермухан Бекмаханов [4]. Мы специально обращаем внимание на то, что в ведущем политическом журнале республики «Большевик Казахстана» помещен ряд статей Е. Бекмаханова. Тем самым необходимо отметить, что во втором послевоенном году этот исследователь считается важнейшим пропагандистом. Ему предоставляется возможность изложения своих взглядов на политические процессы прошлого.

В это же время появляются нападки одних ученых на других. Заметим, молодые кандидаты наук атакуют корифеев. Муса Ахинжанов и Абде Турсунбаев – профессора А. Маргулана, обвинив его в извращении истории [5]. Отметим: такие публикации пока единичны, но они уже появились. Как показала дальнейшая практика, эти «молодые» в науке в дальнейшем почти не состоялись. За исключением А. Турсунбаева никто не защитил докторской диссертации. Критика «ошибок», идеологизация научных исследований становятся неременным условием научного поиска, пропаганды и агитации. Тем самым закладывалась база для формирования политических противников. Роль борцов за большевистское понимание исторических процессов и патриотическое воспитание масс взяли на себя молодые ученые из института истории и Казахского филиала института марксизма-ленинизма (ИМЛ).

Если учесть, что история большевизма во многом была историей противостояния одной части интеллигенции другой в силу расхождения их партийных и идеологических позиций, то казахстанскому обществу предстояло, в первую очередь, начать поиск врага среди интеллигенции. В 1947 г. поэты и писатели стали первыми жертвами. Следовало отыскать и другие. Поэтому настала очередь историков. Но тогда удар направлялся не только против местных, но и московских кадров, с чьей помощью в

1943 г. были созданы крупные творения в области исторической науки, сформировалась школа национальных историков во главе с ее ведущей фигурой Е. Бекмахановым. На мартовском Пленуме ЦК Компартии Казахстана конкретных выпадов в адрес Е. Бекмаханова еще не было. Складывается ощущение, что было принято решение сохранить кадры национальной интеллигенции, которых после чисток 30-х годов и войны было не так много!

В 1947 году, несмотря на критику литераторов, серьезных оргвыводов и административных репрессий по отношению к ним не принималось.

1948 год стал годом дискуссии по монографии Е. Бекмаханова «Казахстан в 20-40-е годы XIX века» [6]. Дискуссия пока шла в научных кругах. Начало положило обсуждение монографии в институте истории Академии наук СССР в Москве 28 февраля 1948 г. Исследователи творчества Е. Бекмаханова отметили, что крупнейшие специалисты – историки страны – дали высокую оценку труда Е. Бекмаханова. Среди тех, кто выступил с положительными суждениями, были Н. Дружинин, С. Бахрушин, А. Кучкин, С. Юшков, М. Вяткин и др. Негативное мнение высказали представители Казахстана. Х. Айдарова – устно, Т. Шоинбаев и М. Ахинжанов – письменно. Столь резкое разночтение между известными специалистами и теми, кто решил нажить капитал на критике своего земляка, показало, что в Алма-Ате имелись желающие погреть руки, повторить костры тридцатых годов.

По их инициативе в июле 1948 г. в Алма-Ате в институте истории, археологии и этнографии прошла пятидневная дискуссия. Если вести речь о составе ее участников (24 человека), то надо сказать, что все они, за небольшим исключением, не являлись специалистами по проблемам русско-казахских связей, внешней политики России или Казахстана, и, как правило, недавно стали кандидатами наук, не имели достаточного архивного материала, чтобы выступить на основании более доказательной документальной базы, нежели той, что пользовался Е. Бекмаханов. Кроме того, многие участники дискуссии – А. Нурханов, Х. Айдарова, Т. Елеуов, А. Турсунбаев, С. Джусупбеков – были вообще специалистами по XX веку, по истории революционного движения.

И еще одно обстоятельство: кроме книги обсуждению подверглись труды Е. Бекмаханова вообще [7].

В 1948 г. дискуссия не выплеснулась на страницы газет и журналов. Уже одно это показывает, что повторить тридцать седьмой год никто не решался. С одной стороны, Москва не считала нужным делать это, ибо тогда обесценивалась значимость победы в Великой Отечественной войне, но с другой – советское руководство искало пути и методы перехода к новой трактовке целого ряда идеологических постулатов. Москва не слишком распространялась насчет интернационализма. Ей необходимо было отыскать новые грани доказательств взаимосвязи советского и национального, ослабив корни национального, но оставив его форму.

Несколько особняком в печати республики была обозначена тема борьбы против низкопоклонства перед буржуазной культурой и с пережитками феодально-реакционного плана. Прежде всего, речь шла о критике тех элементов национальных корней литературы и искусства, которые затрагивали проблемы цивилизационного вклада ислама.

В двух крупных статьях журнал «Большевик Казахстана» начал кампанию за существенный пересмотр ряда концепций исторического прошлого казахского народа. Прежний довоенный подход к политике самодержавия как сплошь реакционной теперь заменялся на выборочную реакционность и на раскрытие прогрессивного характера присоединения Казахстана к России, в том числе и военных операций самодержавия в районах Семиречья и юго-запада Казахстана.

Собственно, все это было частью начатого И.В. Сталиным осторожного переосмысления прошлого для оправдания новой роли Москвы в судьбах человечества в целом. И здесь национальные корни казахского, узбекского, таджикского, киргизского патриотизма оказались инородными. Вот почему начинают подвергаться критике работы тех, кто подобно Е. Бекмаханову, объективно рассмотрел вопросы присоединения Казахстан к России. Всем этим была расширена база для поиска образа диссидента, а затем и врага в исторической литературе республики [8].

В 1949 году появился новый враг, который в публикациях журналов, газет, передачах радио содержал размытые трактовки «космополита» [9].

Началась тяжелая и изнурительная деятельность, вызванная поиском и клеймением нового врага. Мы не ставим своей зада-

чей описывать весь ход этой кампании. Он получил отражение в литературе, в том числе и исторического плана [10]. Нам хотелось бы обратить внимание на следующее. Без поиска врага сталинизм не мог существовать. Но активизировать этот процесс ему уже было противопоказано. Противопоказано и обществу. И данное противоречие между необходимостью и потребностью собственно и определяло развитие событий.

Наряду с критикой «безродных космополитов» все больше становились отрицательными героями талантливые специалисты истории, литературы и языка. В газетах республики антигероем все чаще назывался Е. Бекмаханов. На заседании кафедры в КазГУ, на партийных собраниях КазГУ и Союза писателей, на партактиве Академии наук Казахской ССР разоблачают националистов, буржуазных космополитов и их пособников [11]. Пока продолжает преподавать, но на собраниях и заседаниях подвергается критике Е. Бекмаханов. Правда, мы отмечали, что формирование тяжелой атмосферы еще не означало судебно-следственной расправы, но повод для нее уже был дан.

Высшая политическая элита пока избегала применения репрессивных мер к критикуемым. И в этом тоже отличие 40-х годов от 30-х, в этом тоже новое, привнесенное победой в Великой Отечественной войне.

Казахстанские современные исследователи [12] установили, что в лице Е. Бекмаханова был подлинный самородок, представлявший собой величину общесоюзного плана, которому удалось создать ряд оригинальных произведений, положивших начало систематической, научной, строго документальной пропаганде исторического прошлого казахского народа эпохи присоединения Казахстана к России. Если попытаться оценить направленность произведений Е. Бекмаханова, то можно сказать, что в них содержался богатый научно достоверный материал, выступавший компонентом патриотического воспитания масс в духе утверждения общесоветской гордости. Е. Бекмаханов нащупал нить взаимосвязи советского и национального. Далекое не случайно он выдвинулся на первое место среди историков республики и положил начало оформлению национальной исторической школы как профессионала, как педагога.

К 1950 году в Казахстане сложились фактически две школы историков. Одна – классического типа, наиболее ярким предста-

вителем которой был Е. Бекмаханов. Вторая – историки узкого направления, чьи интересы были связаны с вопросами освободительного движения, и кто в силу этого легко укладывался в рамки постулатов «Краткого курса ВКП(б)». Вторые в основном и дали бой Е. Бекмаханову и его сторонникам в 1948-1949 годах. Их противостояние продолжалось и в 1950 году, но в него втянулись теперь в соответствии с активизацией Москвы по вопросам обществоведения и руководители политической элиты Казахстана.

Собственно, эти две группы базировались вокруг двух исследовательских центров и в двух ведущих вузах Казахстана: института истории Академии наук Казахстана, на кафедрах КазГУ и КазПИ им. Абая, а также института истории партии ЦК Компартии Казахстана и на кафедрах марксизма-ленинизма упомянутых вузов.

Благодаря тому, что ведущей фигурой исторической школы республики был Е. Бекмаханов, к нему тяготела основная масса исследователей, но и институт истории партии, ставший законодателем трактовки истории республики конца XIX-40-х гг. XX веков, уже располагал определенной группой опытных специалистов.

Партийно-политическая элита Казахстана в столкновении двух школ отдала предпочтение своим кадрам, что и предопределило исход дела. Материалы справок, собранных для руководства ЦК Компартии Казахстана, оценка в этих справках позиций отдельных авторов свидетельствуют, что медленно, но неотвратимо началось выдавливание тех, кто не признавал положения «Краткого курса» как аксиому.

У Бекмаханова фактически были отобраны аспиранты, его исключили из партии, подвергали непрерывной критике, вынудили существенно переработать ряд курсов [13]. И, наконец, в декабре 1950 года группа казахстанских историков – кандидатов наук, специалистов по проблемам освободительного движения – выступили с жесткой критикой творчества Е. Бекмаханова [14], как бы призвав всех осуществить переориентацию в своих исследованиях в понимании происходящего. Статья «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана» в «Правде» – центральном идеологическом органе страны – появляется 26 декабря 1950 года, причем авторами статьи выступают три малоизвестных научных работника.

Однако отметим, что политическое руководство республики продолжало использовать опального Е. Бекмаханова. Казгосиздат выпустил тиражом 40 тысяч экземпляров его работу «Исторические корни дружбы казахского народа с великим русским народом». В «Ученых записках КазГУ», том 14, выпуск 4, вышли две статьи Е. Бекмаханова [15]. Пожалуй, его брошюра была единственной работой того периода, где в своеобразной форме шла речь о национальных корнях патриотизма, хотя главное внимание автор уделил вопросам дружбы казахского и русского народов.

Крупных исследований в том периоде нет.

1951 год в определенной степени стал поворотным. Казахское политико-идеологическое руководство, учитывая, что Москва определилась и начала серьезные кампании против диссидентских настроений в литературе и искусстве, отчасти в исторической науке, переходит к мерам организованного плана.

ЦК Компартии Казахстана поручает руководству Академии наук республики осуществить меры, направленные на поворот сознания масс в нужное русло. Предстояло вслед за «Правдой» подвергнуть критике научные работы по исследованию прошлого.

В апреле 1951 года ЦК Компартии Казахстана собирает Пленум, где «ошибки» Е. Бекмаханова подвергаются суровой критике. Чтобы успокоить авторов «Правды» масштабностью мероприятий, Президент Академии наук республики К. Сатпаев выступает на активе интеллигенции г. Алма-Аты с критикой взглядов Е. Бекмаханова по вопросам восстания Кенесары Касымова. Осуждение «ошибок» прошло по линии Министерства образования, в вузах республики, в институте истории, на историческом факультете КазГУ. Газеты и журналы республики дали большой ряд статей крупных представителей партийных, советских, научных, идеологических кадров [16].

Е. Бекмаханов в итоге оставил кафедру, вынужден был уйти работать в школу. Обращаем внимание на то, что кампания против автора научной монографии раскрутилась за два года, достигла своего апогея на третий, но даже в тот год государственных репрессий к известному историку не применялось. Они произошли лишь в октябре 1952 года. Естественно, и сегодня горько читать и писать о травле ученого. Но мы все же настойчиво обращаем внимание на следующее: как в 1947-1948 годах шла кампания

против литераторов, так в 1949-1951 годах – против историков, и шла она с большим нажимом. Это свидетельствовало о существенном ослаблении политической системы сталинизма, о том, что общество адаптировалось к системе и выработало противоядие, главным элементом которого стало ослабление поддержки кампаний поисков врага.

Сложность проблемы с Е. Бекмахановым и другими была сложностью проблемы взаимосвязей прошлого и современности, национального и советского. Уже само то, что попытка ограничить исторические корни советского патриотизма только советской эпохой делало эти корни нежизнеспособными, вынуждало руководство аппарата пропаганды и идеологии заняться проблемами взаимосвязи советского и национального в патриотизме, национальных корней патриотизма.

То, что имело место с Е. Бекмахановым, было частью общего поворота И. Сталина в связи с изменением места и роли СССР и Москвы в новом послевоенном мире. А этот поворот осуществлялся в стране и обществе с жесткими правилами функционирования, где непонимание замысла лидера государства расценивалось как противостояние, если не самим лидером, то теми, кто внимательно анализировал положение дел, и кто пытался нагреть руки на этом.

Спираль давления на Е. Бекмаханова, раскрутившись все же дала весьма существенный эффект. На VIII Пленуме ЦК КП Казахстана была рассмотрена история, случившаяся с Е. Бекмахановым и другими [17]. Удару подверглись многие, в том числе Президент Академии наук К. И. Сатпаев, руководители ряда вузов (в том числе и ректор КазГУ Т. Тажибаев), факультетов и кафедр. В их выступлениях искали и, естественно, находили «ошибки» по тем или иным частным вопросам. Кстати, вопросам спорным, неисследованным. Обо всем этом шла речь в докладе секретаря ЦК КП Казахстана Ж. Шаяхметова и участников партактива г. Алма-Аты 3 ноября 1951 года [18].

Новое положение страны по новому ставило вопрос о прошлом. И в 40-е-начале 50-х годов выдавать, как это было в 20-30-е годы, всю политику самодержавия как сплошь реакционную, значило потерять национальные корни советского. Далеко не случайно, эти национальные корни теперь просматривались в выступлениях масс против ханов, биев, баев, в участии казах-

ских представителей в освободительной борьбе русского народа, в том числе и в восстании Е. Пугачева.

Сущности вот этого поворота Е. Бекмаханов не знал, и получивший когда-то методологическую подготовку в плане «царизм преступен, царская Россия – тюрьма народов», он, естественно, отразил эту линию в исследовании Кенесары Касымова. Но в 50-е годы она оказалась несвоевременной. Причем в разряд несвоевременных попало большое количество и других изданий разных авторов [19].

На V съезде Компартии Казахстана в декабре 1951 года в докладе Ж. Шаяхметова говорилось о мерах, принятых по исправлению ошибок и извращений. И вновь мы акцентируем внимание на том, что меры эти качественно отличались от кампаний в 20-30 годы, когда речь шла о враждебной деятельности.

Жертвой репрессий становится Е. Бекмаханов, несправедливо осужденный, несмотря на широкую защиту, в которую включились многие ученые, писатели, деятели Академии наук Казахстана и Союза.

Однако, действительность вынуждала пропагандистскую элиту и руководство научных учреждений обращаться к проблемам, затронутым Е. Бекмахановым и другими специалистами, и не только историками, но и литераторами, языковедами, искусствоведами, ибо сама жизнь требовала познания прошлого для того, чтобы обогатить настоящее и создать плацдарм для рывка в будущее [20].

Некоторое время Е. Бекмаханов преподавал историю в школе в Нарынкольском районе Алма-Атинской области, вскоре устроился учителем в школу села Новотроицк Шуйского района Джамбулской области. Здесь его и арестовали 5 сентября 1952 года. В течение двух месяцев шло расследование, а 3 ноября 1952 года на Е. Бекмаханова подготовили обвинительное заключение по делу № 699.

На основании этого обвинения по указу коллегии по уголовным делам Верховного Суда КазССР 2 декабря 1952 года Е. Бекмаханов был осужден на 25 лет и сослан в один из отдаленных лагерей ГУЛАГа.

В результате многочисленных его заявлений из лагерей в соответствующие органы и благодаря помощи отзывчивых людей,

таких как общественный деятель, академик Анна Михайловна Панкратова, после расстрела Л. П. Берии дело Е. Бекмаханова было пересмотрено и закрыто 16 февраля 1954 года, а сам он был реабилитирован [21].

Е. Бекмаханов снова занял в обществе достойное место. Ему вернули организованную когда-то им самим кафедру в Казахском государственном университете. В 1964 году он был избран членом-корреспондентом АН КазССР. В последние 10 лет своей жизни он плодотворно работал, написал глубоко содержательные научные произведения, в том числе учебник по истории Казахской ССР для средних школ; участвовал в подготовке молодых ученых. Его ученики, достигнув ученых степеней докторов наук, продолжали научное дело своего наставника и оставили воспоминания о нем.

После получения Казахстаном суверенитета главный труд Е. Бекмаханова «Казахстан в 20–40-е годы XIX века» был реабилитирован и выпущен издательством «Қазақ университеті» на казахском и русском языках в 1992 году.

Литература

1. АП РК, ф. 708, оп.27, лл. 103-113; Большевик Казахстана. – 1947, №1, с. 48-52.
2. Большевик Казахстана. – 1947, № 1, с. 34-47; № 2, с. 8-19, 35-41.
3. Большевик Казахстана. – 1947, № 8, с.18-27; № 9, с. 54; № 11, с. 37-45.
4. Большевик Казахстана. – 1947, № 8, с.49; №11, с. 46-56; № 9, с. 26-38.
5. Казахстанская правда. – 1947, 5 марта.
6. Бекмаханов Е. Казахстан в 20-20-е годы XIX века. – А-А, 1992. – 398 с.
7. История Казахстана: белые пятна. – А-А, 1991, с. 34-49, Аргументы и факты. – 1995, февраль, Бірлесу. – 1993, № 17; Казахстанская правда. – 1995, 16 февраля.
8. Большевик Казахстана. – 1948, « 1, с. 32-41, № 4, с. 1-7, 39-48; ЦГА РК, ф. 1137, оп. 15, д.539. лл.43, 45,51, ф. 1219, оп. 2, д. 60, лл.292-298; Шымкентский ГА РК, ф. 40, оп. 11, д.9-, лл.21-23.
9. Большевик. – 1949. – № 3, с.39-48; № 5, с. 30-41, 70-76; № 7, с. 35-47; Большевик Казахстана. – 1949, № 4, с. 33-48; Большевикский путь. – 1949, № 3, 23 июля, Социалистік Қазақстан. – 1949, 16, 18, 19, 20 марта.
10. Боффа Д. История Советского Союза. – М., 1990, т.2, 632 с.; Бурдацкий Ф. Новое мышление. – М., 1989, 430 с.; История Казахстана: белые пятна. – А-А., 1991, 348 с.
11. Казахстанская правда. – 1949, 2, 16, 18, 20 марта; 5 апреля, 9 июля, 2, 9 октября;
12. Социалистік Қазақстан. – 1949, 9 июля, 2 октября.

13. Дулатова Д. Память о Бекмаханове. – В сб. Страницы пережитого. – А-А, 1995, с. 82-85; Нурпейсов К. История одного дела. – В сб. История Казахстана: белые пятна. – А-А, 1991, с. 34-49; Касымбаев Ж. Нemerкнувшее научное наследие. – Горизонт, 1995, 24 февраля.
14. Шоинбаев Т., Айдарова Х., Якунин А. За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана. – Правда, 1950, 26 декабря; Большевик Казахстана. – 1951, № 1, с. 11-15.
15. АП РК, ф. 708, оп. 14, д.30, лл.87-90, 212, 232, д.31, лл.105-106, д.1636, лл.12-24, д.1640, лл.41-45, 75-98, 102-122.
16. АП РК, ф. 708, оп. 15, д. 245, лл. 67-76, д. 1464, лл. 1-185; Большевик Казахстана. – 1951, № 5, с. 6-19; Казахстанская правда. – 1951, 10, 11, 13, 21, 26, 27, 30 октября; 2, 4, 5, 11, 15, 17, 18, 22, 23, 24, 28 ноября, 2, 8, 9, 11, 12, 13, 16, 28, 30 декабря; ЦГА РК, ф. 2057, оп. 1, д. 582, лл.1-7.
17. АП РК, ф.708. оп. 14, д. 1640, лл.88-98; ЦГА РК, ф.929. оп. 6, д.117, лл. 1-44;
18. Казахстанская правда. – 1951, 11, 14, 15, 21 октября.
19. АП РК, ф. 708, оп. 15, д. 139, лл. 101-102, д.176, лл. 22-23.
20. АП РК, ф. 708, оп.15, д.1465, лл. 1-133, оп. 16/1, д.55, л.74, д.88, л.251, д.94, лл.149-150, д.143, лл.9-11; Большевик. -1952, № 8, с.69-77; № 10, с.26-42, 68-72, № 13, с.60-70, № 14, с.22-31, Большевик Казахстана. -1952, № 3, с.43-48, № 4, с.28-40, 3 7, с.43-48; Казахстанская правда. -1952, 5, 11, 15, 20, 29, 31 января; 1,2,3, 6, 8, 13, 21, 22, 24 февраля; 13, 21 марта; ЦГА РК, ф.2044. оп. 1, д.1. лл. 8-13.
21. АП РК, ф. 708, оп. 15, д.245, лл.67-76, д. 1624, лл.1-185; Большевик Казахстана. – 1951, № 5, с. 6-19; Казахстанская правда. – 1951, 10, 11, 30 октября, 28 ноября.

ГОРЯЧЕВА Анна Андреевна

Горячева А.А.,

С Анной Андреевной я познакомилась в конце 60-х годов XX века, когда она была уважаемым доцентом исторического факультета, а я училась в алма-атинской школе 36, которая до сих пор функционирует и находится на улице Масанчи напротив кинотеатра Целинный.

Мне ее телефон дал Михаил Иванович Дмитровский, однополчанин моего отца, который перед войной закончил школу № 36, ту же школу, где училась я.

Еще в средних классах я хотела быть журналистом и писателем, как мой отец, но мне нравились еще история и биология. До самого конца учебы в школе я все время колебалась, однако уже в 5 классе появились мои первые публикации в республиканской детской газете «Дружные ребята», а темами публикаций стала для меня история, в том числе моей родной школы.

Школа была открыта в 1936 году в год Сталинской советской Конституции. В фойе школы висел стенд «Они погибли за нашу Родину», где были фотографии 6 бывших учеников и 1 учителя школы. Я решила узнать о них побольше. Стала искать людей, окончивших школу в этот период. Встречалась с их одноклассниками, учителями. Так моя начинающая журналистская судьба привела меня сначала к однополчанину отца Дмитровскому М.И, моему будущему декану и доценту факультета журналистики, а затем и к Анне Андреевне Горячевой, которая в довоенные годы была учителем истории и обществоведения и секретарем партийной ячейки школы.

Мы встречались с ней несколько раз у нее дома на Абая – Коммунистическом проспекте и в университете на Кирова, 136. Я приходила к ней и задавала вопросы, рассказывала о своих поисках, находках, кого нашла, с кем встречалась, передавала при-

веты от ее бывших учеников и сослуживцев по школьной работе. Конечно, ей было интересно встретиться со своей молодостью, узнать новости про знакомых людей, а мне было интересно узнать что-то новое. Потом я писала свои рассказы и статьи в газету «Дружные ребята».

Когда я в 1971 году поступила на факультет журналистики, а затем сразу же после окончания стала работать, мы все время поддерживали теплые дружеские отношения, я всегда знала, что на историческом факультете у меня есть очень хороший старший друг и товарищ Анна Андреевна.

У нас всегда были темы для разговоров. Все-таки я продолжала заниматься поисками, историей страны и людей. Она мне помогала советами, знакомила с хорошими людьми, всегда меня представляя, как перспективного ученого, а я сильно смущалась и стеснялась такого разговора обо мне.

Мне действительно повезло, еще перед поступлением, еще учась в школе я была знакома с профессорами и доцентами разных факультетов университета. И одна из них Анна Андреевна, которая часто размышляла на темы истории и отношения к ней, как писать и как относиться к темам по истории. Это была отличная историческая школа в моей подготовке к будущим научным работам и в публицистике.

Какой я стала сейчас, – в этом заслуга многих моих учителей, в том числе и Анны Андреевны.

После работы в школе № 36 Горячева А.А. работает в горкоме Коммунистической партии г. Алма-Аты.

Позже в своих воспоминаниях она напишет о становлении и развитии исторического факультета, в котором Анна Андреевна принимала также участие.

– Дело с открытием исторического факультета при университете заметно продвинулось в годы Отечественной войны, когда а Алма-Ату были эвакуированы высококвалифицированные кадры научно-исследовательских, вузовских и культурологических организаций из центральных городов Советского Союза. В столицу Казахстана прибыли такие широко известные научному миру ученые, как академики А.М. Панкратова, Н.М. Дружинин, доктора исторических наук Н.П. Кучкин, С.П. Юшков, Э.П. Вяткии, М.П. Ким. С их приездом заметно оживилась науч-

ная жизнь. В 1943 году по ходатайству университета, при активной поддержке А.М. Панкратовой, распоряжением Совнаркома Казахской ССР при филологическом факультете было образовано историческое отделение. Эта дата фактически является днем рождения факультета, ведь именно только с этого года был произведен первый набор студентов в группу специалистов-историков в количестве 30 человек, ведь только тогда при Казахском государственном университете качались подготовка и выпуск учителей истории для средних общеобразовательных школ столь необходимых для народного образования в молодой Казахской республике.

С партийкой работы я пришла на исторический факультет в 1945 году, наконец-то сбылось мое желание работать среди молодежи, читать лекции по истории, заниматься исторической наукой. Заведующий историческим отделением профессор С.Н. Покровский поручил мне читать курс лекций по истории СССР, который я вела все годы, работы на факультете, пришлось быть в свое время деканом факультета, неоднократно избиралась секретарем партийного бюро. На отделении в те первые годы уже работали старшие преподаватели М.Б. Ахинжанов, Н.Н. Даулбаев, А.А. Лозинский, талантливый молодой преподаватель Е.Б. Бекмаханов, уже тогда заявивший о себе как о прекрасном знатоке казахской истории. Через год после меня, в 1946 году пришла на истфак К.П. Коржева, прибывшая в Казахстан после окончания московского вуза по путевке Наркомпроса. Ей было поручено читать историю древнего мира, которой она занималась всю жизнь, будучи специалистом по истории и культуре античности, организатором и руководителем Ассоциации антиковедов Казахстана.

Анна Андреевна продолжает вспоминать:

– Помню, как я, стоя за кафедрой, с большим удовлетворением видела серьезные, внимательные лица девушек и юношей, одухотворенных, искренне желающих познать историю стран и народов, осмыслить законы развития человеческого общества, глубже познакомиться с культурными ценностями общечеловеческой цивилизации. В основном, эти первые студенты исторического отделения, стоявшие у истоков факультета, были участниками Отечественной войны, тяжелейшей и длительнейшей из всех современных войн. Это была замечательная, неповторимая студенческая аудитория, породившая кандидатов, докторов наук

и академиков, учителей средних школ, организаторов культурно-просветительных учреждений в республике. Достаточно назвать несколько имен выпускников тех лет, чтобы убедиться в справедливости сказанного. Нашими первыми студентами были академик М.К. Козыбаев, стоящий во главе исторической науки в республике, доктор исторических наук Ю.И. Романов, академик К.А. Акишев, гордость археологической науки в Казахстане, член-корреспондент НАН РК К.Н. Нурпеисов; доктора исторических наук, профессора, работающие в научно-исследовательских учреждениях и вузах республики: В.К. Задорожный, К. Акишева, Ш.А. Кусанова, Т.А. Найзагарин, С.Н. Нурмухамедов, А.В. Соловьев, Е.А. Кузнецов, А.Ш. Ишмухамедов, К.З. Закирьянов, М.Х. Хасенов, Н.Е. Едыгенов, Л. Картуга, С. Крючкова, А. Байшин и многие, многие другие.

Часть выпускников первых лет работали и продолжают работать в стенах университета, своего родного факультета. Они стали нашими коллегами, товарищами по преподавательской работе. Мне хочется назвать несколько имен, таких, например, как Г.Ж. Жуматов, бессменный руководитель Совета ветеранов КазГУ, М.Х. Хусаинов, квалифицированный руководитель педагогической практики студентов в средних школах, профессоров О.К. Жакупбекова, А.С. Такенова, Ж.О. Ибрашева. Успешно читали, а некоторые выпускники факультета продолжают успешно читать лекции по историческим и политологическим предметам в университете, как например, профессор Т.Т. Мустафин, доценты А.А.Чупеков, Р.Ф. Смирнова, К.К. Кожахметов, Т.Е. Литвинова, Ч.К. Манкеев и др. Много хорошего можно сказать об учителях истории, наших выпускниках 40-50-х годов, работающих в средних школах городов и сел республики. Их самоотверженный труд всегда находил и находит сейчас благодарный отзыв как у широкой общественности, так и у родителей школьников.

Большую помощь факультету оказали преподавательские коллективы старейших вузов России, Московского, Ленинградского, Казанского университетов, с которыми каш исторический факультет поддерживает связь и поныне. В трудные первые послевоенные годы нам присылали учебники, методические разработки, перспективные планы научно-исследовательских работ. Неоценимую помощь в повышении квалификации преподавателей оказал Московский университет имени М.В. Ломоносова,

где на протяжении десятков лет стажировались наши аспиранты и соискатели, защитили кандидатские диссертации А.Н. Зайкин, Л.С. Фришман, К.П. Коржева, Г.Ш. Жамбатырова, в том числе и я. Несколько позже Я.Д. Серовайский и Ж.О. Ибрашев там же, в МГУ, защитили докторские диссертации.

Научно методическая связь исторического факультета с историками других вузов Союза явилась показательным примером бескорыстной, искренней дружбы народов, у которых одна цель, одно стремление – как лучше и доступнее передать свои знания, опыт молодому поколению, нашей смене, строителям будущего. Эти связи в последующие годы были с успехом восприняты студентами в процессе развития научных студенческих кружков по линии НИРСа. Факультетское научное студенческое общество, которым успешно руководила доцент К.П. Коржева, неоднократно занимало первое место в университете.

Кафедра, в 1943 году насчитывавшая пять начинающих преподавателей и одного профессора в 1954 году состояла из четырнадцати человек, девять из которых были кандидатами наук, нескольких аспирантов и соискателей,

В становлении исторического факультета трудно переоценить значение открытия в 1958 году кафедры истории Казахстана и роль ее организатора и первого заведующего Е.Б. Бехмаханова. Вместе с ним работали М.Б. Ахинжанов, молодые преподаватели Х.Х. Хабиев, И.Г. Семенюк, К.И. Искаков, Г.Н. Валиханов, вскоре защитившие кандидатские диссертации по политико-экономическим проблемам истории Казахстана. Научная деятельность Е.Б. Бакмаханова и кафедры становилась широко известной научной общественности республики, во многом влияя на направление науки и решая немало спорных проблем.

В деле укрепления кафедры имела и имеет положительное значение работа коллеги Е.Б. Бекмаханова, Д.И. Дулатовой (позже она руководила кафедрой) как в области научно-исследовательской работы, так и в дальнейшем расширении кафедры, которая в настоящее время занимает в университете одно из ведущих мест.

Открытый в тяжелые годы Великой Отечественной войны, исторический факультет Казахского государственного университета прошел славный, но нелегкий путь, превратившись в подлинную кузницу высококвалифицированных специалистов-исто-

риков широкого профиля. Годы становления, характеризуемые подлинным и искренним энтузиазмом и большой ответственностью педагогического коллектива и сотрудников факультета перед республикой в выполнении поставленной задачи, определили на последующий период времени основные вехи учебно-воспитательного процесса и всего развития факультета в целом.

И мне на склоне лет отрадно сознавать, что в этом большом и нужном деле и я со всеми ветеранами факультета внесла свою частицу как педагог, организатор, научный работник.

В воспоминаниях Анны Андреевны вся эпоха, начало и развитие исторического факультета советских времен. Я не училась на факультете истории, но, работая долгие годы в университете, знала практически всех. Ведь они, в принципе все – гуманитарии, занимали особое идеологическое, пропагандистское, воспитательное направления в развитии страны, высшего образования и университета. И названные А.А. Горячевой в ее воспоминаниях знакомые и родные мне все лица, личности советской Казахской республики, внесшие достойный вклад в развитие и процветание страны!

КОРЖЕВА Клавдия Павловна

Коржева К.П.,
кандидат исторических наук,
доцент

Intelegere – древнелатинское слово, что в переводе означает постигать, схватывать, быть знатоком. Эта, свойственная человеку, духовная, разумная способность быстро находить выход, решение в необычных обстоятельствах, правильно и быстро схватывать главное в положении вещей. Это – гибкость ума, приспособляемость, умственное любопытство, любознательность, способность к быстрому мышлению и заключению.

Этим высоким словом я бы хотела назвать близкого мне по духу человека, учителя многих выпускников исторического факультета Казахского государственного университета, доцента кафедры древнего

мира и средних веков – Клавдию Павловну Коржеву.

Знакома с ней была больше сорока лет, но ближе столкнулась только в последние двенадцать лет, когда я стала членом Алма-Атинской Ассоциации антиковедов Казахстана (АААК), где она является президентом и духовным учителем. Я со всей ответственностью пришла к подобной характеристике о ней.

Однажды в 1995 году дома раздался телефонный звонок. Ее голос я узнала сразу же. Так говорить мог только культурный, деликатный человек:

– Уважаемая Ляйля Сейсембековна! Позвольте спросить Вас... Не могли бы Вы...

Вся ее речь была продуманной, и в то же время деловой, заинтересованной, в каждом слове чувствовалась та высокая интеллектность, присущая, к сожалению, очень немногим.

Клавдию Павловну я всегда отождествляла со старой петербургской интеллигенцией и почему-то думала, что она оттуда, из Смольного института благородных девиц, хотя совсем в недавнее время нам навязывали иной образ старой российской интел-

лигенции. Но независимо от этого образ педагога, руководителя Ассоциации К.П. Коржевой был и остается для меня эталоном подлинного интеллигента, который никогда, даже в самые трудные минуты сложной современной жизни, не давал повода усомниться в этом. Уже в преклонном возрасте она продолжала трудиться, постоянно находиться в научном поиске, творчески мыслить, невзирая ни на что, ведя за собой коллег, товарищей, друзей, учеников.

В декабре каждый год мы собирались на ее день рождения и рождение Ассоциации антиковедов. Как и в далекие времена, Клавдия Павловна продолжала бескорыстно, от всей души оказывать научную помощь молодому поколению ведущего университета страны. Она редактировала и публиковала статьи начинающих и признанных ученых в области антиковедения, помогала выпускать и размещать в сборнике «Античность и общечеловеческие ценности» их публикации.

Одним словом, Клавдия Павловна – это редкий случай счастливого человека, сохранившего и в преклонном возрасте научную и педагогическую формы деятельности, востребованность, уважение и любовь, как и в прежние молодые годы.

Тот телефонный звонок я помню до сих пор. Мне было предложено написать в сборник АААК материал о руководителе «Общества Семи муз» Б.М. Мекишеве и написать статью о возникновении чувства патриотизма в античные времена; в то время я работала над докторской диссертацией на тему патриотизма и современности. Я всю жизнь любила историю как предмет, но никогда античностью не занималась. И вдруг такое предложение! Я была тронута таким вниманием к моим научным изысканиям, и настроила себя, как можно тщательнее сквозь призму современного патриотизма посмотреть на античность. Я заново перечитала Гомера, Аристотеля, Полибия, Платона, Сократа, Эпикура, поэмы Эсхила. Нашла немало интересного для размышлений о патриотизме, семье, народе, родине, мире, государстве, религии, космополитизме.

Любимая в детстве книга Н.А. Куна «Мифы и легенды древней Греции» вновь появилась на рабочем столе. Это был возврат к прошлому, к античности, возврат к тем истокам, откуда я стала черпать свои знания, приобретать новые взгляды на современную действительность. Так за 12 лет появились 14 моих статей по ан-

тичному миру: Республиканскому «Обществу Семи муз» – 30 лет (1996); Понимание патриотизма в античном мире (1998); О патриотизме в период античной демократии (1999); Космополитизм: прошлое и настоящее (2000); Освальд Шпенглер, античность, отчужденность (Некоторые размышления по прочтению книги О. Шпенглера «Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории») (2001); Патриотизм: пословицы и изречения (2002); Античность и ранние представления о конфликтах (2003); Космополитизм: прошлое и настоящее (сборник по античности в Москве, 2000); Учитель! (2006); Античность и культура мира (2004); Женщины в античности (2005); Гипатия. Поздняя античность (2006); Образ античной женщины (2007). Затем я стала членом редколлегии сборника «Античность и общечеловеческие ценности».

Позже ученик К.П. Коржевой В. Вдовин, работая в АФ НОУ ВПО «Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов», создает там Центр антиковедения, начинает проводить международные конференции по античности и выпускать сборники материалов конференции. Одно время в этих сборниках я тоже была членом редколлегии. Эти конференции и сборники В. Вдовин проводит и издает и по сей день. Это и есть преемственность традиций! В Казахстане антиковедение продолжает жить и развиваться!

Два-три раза в год мы, члены Ассоциации, энтузиасты античной истории, культуры и литературы, в числе которых теперь находилась и я, собирались в доме у Клавдии Павловны. Это были единомышленники науки и культуры, историки, филологи, журналисты, педагоги, аспиранты – люди, увлеченные и одержимые каждый в своей области, одновременно объединенные идеей связи времен. Это были профессионалы-специалисты разных областей гуманитарных наук и объединенные желанием и необходимостью глубокого изучения античной истории и культуры – признанной всем миром *Alma-Mater* общечеловеческой цивилизации.

К работе в Ассоциации Клавдией Павловной были привлечены научные силы греческой организации «Филия», объединяющая жителей греческой диаспоры в Казахстане.

Мы пили в доме Клавдии Павловны чай с вкусными пирогами, приготовленные ее дочерью Леной, разговаривали на интересующие нас темы, знакомились с присланными книгами и письмами наших коллег из-за рубежа, получали заряд бодрости

и желание продолжать нашу деятельность. Эта старинная традиция интеллигенции была не только приятна, но и очень полезной. Ее результатами были организация республиканских конференций на тему «Античность и современность», издание очередных выпусков сборников «Античность и общечеловеческие ценности», проведение школьных викторин по античности и др. мероприятия.

В этой небольшой старой скромной квартире, сплошь уставленной книгами и небольшими статуэтками по античному миру вперемежку с казахстанской керамикой, отмечались дни рождения, встречи коллег, друзей и всех тех, кто был вовлечен, подобно мне, в среду деятельности развития антиковедения в Казахстане. Я слышала рассказы о том, что на этом маленьком стареньком диванчике, где теперь сижу я, сживали известные нам люди: ректор И.К. Лукьянец, крупнейший антиковед, профессор И.В. Кузицин, академик А.Т. Лукьянов. Мы слышали рассказы о другом ректоре Т.Т. Тажибаеве, который всегда интересовался наукой о древности. К.П. Коржева с благодарностью говорила в то время и о ректоре К.Н. Нарисбаеве, помогающем всегда материально и морально развитию научного творчества.

Не могу не привести мнение о работе Клавдии Павловны в области издания сборников, высказанные доцентом Белорусского государственного университета К.А. Ревяко. В письме от 10 июля 1999 года он писал:

– Вы меня так обрадовали и письмом, и сборником (выпуск 6). Диву даюсь, как и какими трудными путями Вам удается проводить конференции и издавать сборники, конечно, это Ваш энтузиазм и доброта... Эти Ваши сборники Ассоциации – лучшая благодарность и памятник Вашей неутомимой работе.

О большом и полезном деле, которое осуществляют антиковеды Казахстана, объединенные духовной энергией Клавдии Павловны, писали главный редактор «Вестника древней истории», академик Г.М. Бонгарт-Левин, профессор МГУ И.Л. Маяк, доцент МГУ В.В. Федотов.

В сферу деятельности Ассоциации вовлечены антиковеды университетов нашей страны, например, антиковеды Карагандинского, Костанайского университетов. Научные контакты охватили не только Казахстан, но и зарубежные научные организации.

Клавдия Павловна познакомила нас с письмами из Казанского, Белорусского, Омского, Санкт-Петербургского университетов, МГУ, авторы которых приветствовали нашу деятельность, присылая для ознакомления новинки своих научных исследований.

Я благодарна Клавдии Павловне за то, что, общаясь в мире античной науки, узнала много нового, познакомилась с одаренными людьми, известными учеными, энтузиастами античной истории.

Я горжусь тем, что была знакома и дружила с такой замечательной, скромной, обаятельной и интеллигентной женщиной, которая на протяжении всей жизни, включая последние 15 пенсионных лет, нашла правильное и быстрое решение не дать замереть умственному труду, продолжить привычные научные исследования, не потерять интереса к своей науке и педагогической профессии. Это решение она успешно стала претворять в жизнь, заражая своими верой, непоколебимостью и энтузиазмом других. Этим она была счастлива, передавая это счастье другим.

За ее плечами остались свыше 60 лет безупречной научно-педагогической работы на одной кафедре, на одном факультете, в одном университете со множеством наград и благодарностей в личное дело. Не так часто такое встречается!

Как президент Ассоциации антиковедения, она вела огромную работу по всем отраслям антиковедения, и, в частности, что очень важно – в области творческих поисков взаимосвязи истории и культуры античного мира с историей и культурой населения древнейшего Казахстана.

Все это осталось людям, студентам и преподавателям исторического факультета КазНУ имени аль-Фараби!

МЕКИШЕВ Бахтажар Мекишевич

В 1971 году, поступив на факультет журналистики, я влилась в общественную жизнь университета и стала посещать заседания «Общества семи муз» Бахтажара Мекишевича. Обществу шел шестой год, оно уже было известно всему Советскому Союзу, и каждый артист, приезжающий на гастроли или просто в гости в Алматы, считал своим долгом прибыть на заседание Общества и встретиться со студентами Казахского государственного университета просто так, бескорыстно, из уважения к Б. Мекишеву и университету.

Будучи студенткой факультета журналистики, я не только участвовала во встречах, но и писала о звездах советской эстрады, о талантах и поклонниках, о писателях и поэтах великой родины.

Я много общалась с Б.М. Мекишевым в самые разные годы. Были годы его творческого расцвета и годы забвения, годы всеобщего ликования и такие годы, когда были позабыты все идеалы и мечты. Я горжусь тем, что сохранила дружбу в его тяжелые годы, когда он уже сильно болел, был зачастую просто обескуражен жизненными неурядицами и бесконечными проблемами жилья, финансов и др.

Я была и на декабрьском 30-летию в 1995 году «Общества семи муз» и на последнем 40-летию. Горжусь тем, что Т.П. Струц и я были до конца вместе с Б.М. Мекишевым. Мы все люди, и человека определяет не должность и звания-регалии, а отношение друг к другу.

Я только была избрана председателем профсоюза сотрудников и преподавателей университета, и одним из первых моих дел было нахождение архива Б.М. Мекишева, который был к этому времени уже пенсии. Архив «Общества семи муз» где-то был брошен и потерян. Сам Мекишев, обиженный на всех и вся, не хотел ни с кем говорить, не приходил в ветеранскую организации университета. Тогда я обратилась к Тамаре Петровне Струц и сказала, что это наш долг – сохранение архива общественной организации. Она согласилась со мной. Часть архива была у Т.П. Струц, которая предусмотрительно спрятала их для будущего музея истории университета. И мы стали сами искать остальное то, что давно было выброшено, как нам сказали, на свалку. Помогла подруга, комендант нашего корпуса Галина Георгиев-

на Омельченко. Практически это она спасла архив, спрятав его в свои комнаты, где хранились самые разные вещи для списания. Бросив все дела, я целый день разбирала то, что можно было собрать. Многие элементарно сгнило. Но большую часть все же удалось собрать.

Затем мы с Тамарой Петровной позвонили к Бахтажару Мекишевичу. Я боялась с ним разговаривать, и просила Тамару Петровну, как старшего товарища, очень четко и практически приказным тоном сказать, чтобы он пришел в университет в Совет ветеранов, то есть в музей истории КазНУ имени аль-Фараби, где работала директором Т.П. Струц, и одновременно была заместителем председателя Совета ветеранов.

На следующий день мы организовали в обед чай. Пришел Б.М. Мекишев. И мы рассказали ему, как нашли его архив. Попросили его посмотреть и забрать себе то, что он считает нужным. В это время у него уже не было собственной квартиры, он жил у каких-то далеких родственников, поэтому он забрал всего несколько бумаг.

Я попросила у него разрешения пристроить его архив для будущих поколений. Он мне разрешил.

На следующий день я пригласила к себе в кабинет директора архива КазНУ имени аль-Фараби. Объяснила ситуацию и сказала, что им надо забрать архив. Однако такой установки никогда не было, брать на хранение архив общественной организации.

– Нам свое бы сберечь, – сказала директор архива. – Мы не имеем права.

Я обратилась к ректору К.Н. Нарыбаеву. Он согласился со мной и дал распоряжение директору забрать часть архива «Общества семи муз».

Затем я пригласила представителей Центрального государственного фото-, кино- и видео –архива. Они отобрали небольшую часть для своего архива. Остальное я отдала Т.П. Струц в музей с большой просьбой сохранить эти документы для потомков. Так был пристроен архив «Общества семи муз»...

– Как все начиналось? – спросила я у Бахтажара Мекишевича:

– В декабре 1965 года студенты истфака КазГУ, где я преподавал, решили организовать вечер-диспут на тему «Мы любим искусство». Пригласили известных деятелей искусств: Б. Тулегенову, Ю. Померанцева, С. Мухамеджанова, Б. Байкадамова и

других. Пришли наши студенты. Студенты других вузов и... началось! Такого не было за все 30 лет существования университета. Спорили шесть часов и не хотели расходиться. Возникла необходимость собраться еще раз...

Воспоминания Бахтажара Мекишевича:

– Музы живут не только на Олимпе. Музы живут в КазГУ.

Еще на заре возникновения «Общества семи муз», когда ему еще не было и двух лет, студентка Светлана Паукова – историк, первый его президент – выступила в газете «Ленинская смена» с большой статьей «Сколько муз было на Олимпе?». Повод был такой: к витрине выставки «Античное искусство» была приколоты записка: «Мекишеву. Бахтажар Мекишевич, мы ценим вашу кипучую энергию и любовь к искусству и к нам, студентам, но вам не мешает перелистать учебник античной литературы – а муз-то было девять!»

Светлана и предложила: «Давайте ответим через газету».

– Мы знаем, – писала она, – что в греческой мифологии муз было девять. Но когда в парткоме КазГУ мудрые, всезнающие руководители нас спросили, что за муз и какие, мы начали перечислить с волнением: Клио, Мельпомена, Полигимния... Восьмая муза – Урания, муза астрономии, а девятая – Эрато, муза любовной и сексуальной лирики ... «Как, удивились старшие, – вы хотите это в университете пропагандировать?»

Это было то светлое время, когда наши люди верили в Бога и в черта одновременно, в развитый социализм и близкий коммунизм, а на Западе заканчивалось триумфальное шествие сексуальной революции. В СССР не было никаких «сексов», а мамы продолжали находить детей в капустном поле, веря в непорочное зачатие.

Так мы стали «Обществом семи муз».

На ответ Светланы обратила внимание московская пресса. Солидные статьи публиковали Е. Гарина – «Климат интеллигентности» («Известия», 1967 г.), С. Юрьев – «Поклонники семи муз» («Огонек», 1968 г.), Э. Тополь – «Музы и вузы» («Комсомольская правда», 1969 г.), В. Маризева – «Общество семи муз» нуждается в поддержке» («Советская культура», 1973 г.).

Даже такой серьезный журнал, как «Русский язык» (орган Академии наук СССР), не оставил нас без внимания, похвалил за благородное начинание.

Хорошо, что студенты и их педагоги мало читают специальные, академические издания, но, скорее для очистки совести, мы еще раз объяснились с профессором А. Сперанской через газету «Казахский университет», экземпляр которой послали в Москву. Ответ был краток: «Благодарю. Сперанская».

Да здравствуют музы! Нас признали. После «Огонька» (шесть цветных снимков первой красавицы нашего университета Ирины Турковой) посыпались письма. Писали каждый день. Одно письмо пришло даже из Антарктиды – с китобойной флотилии «Обь». Еще один документ – письмо умирающего пограничника из Душанбе под диктовку медсестры: «Ирина, я увидел тебя на обложке «Огонька». Не ответишь – вскрою вены».

Меня спрашивали: возможно ли «Общество семи муз», например, в Америке или в Турции?

Я отвечал не задумываясь: нет. Там у молодежи другие идеалы. Она заражена идеями накопительства, там сильная частно-собственническая психология; там ни один нормальный педагог не будет 35 лет руководить такой беспокойной организацией, получая иногда шишки и выговоры и становясь даже объектом обсуждения на бюро грозного ЦК КПК с участием тов. Кунаева. Последнее. Печальный факт: на заседании «Муз», на которое были приглашены студенты американских университетов, кто-то из зала подал гостям провокационную записку о том, что мы считаем Казахстан колонией России... Короче, мне «пришили политику»! Только вмешательство тогда Д. Кунаева и всем известная работа клуба «Семи муз» спасли меня и мою карьеру.

Еще один случай: в дни памятных декабрьских событий около Национальной библиотеки каратели задержали руководителя «Муз» на сутки. Парадокс: именно в тот день в КазГУграде мы проводили заседание на тему «Культура возрождения», не подозревая о том, что через два часа начнется трагедия.

О светлых событиях, связанных с деятельностью «Общества семи муз», о моих верных друзьях, дорогих моему сердцу студентах многих поколений, и не только из КазГУ, надеюсь более подробно рассказать в своих записках «Педагогические муки», над которыми давно работаю в свободные часы...

Так говорил и писал Бахтажар Мекишев. К большому сожалению, я не смогла найти его записки уже после его смерти. А ему было, что рассказать. Свои воспоминания в конце 90-х годов

прошлого столетия он начал публиковать в разных газетах, в первую очередь, в «Вечернем Алматы». И общество с удивлением узнало, что Мекишев учился на историческом факультете МГУ в одной группе со Светланой Аллилуевой, дочерью Сталина. Он рассказывал о своих учителях в МГУ, вспоминал детство в селе Караул Семипалатинской области и ядерные взрывы, которые проходили совсем рядом. И о своей большой любви к искусству, которая продолжалась у него всю жизнь.

...Однажды его спросили:

– У Вас есть заветное желание?

– Я мечтал всю жизнь об одном: чтобы такие клубы были во всех вузах нашего города.

В декабре 1995 г. «Обществу семи муз» было 30 лет, и я, находящаяся 25 лет в членах общества, опубликовала материал об этом событии.

Республиканскому «Обществу семи муз» – 30 лет

30 лет бесценно, бескорыстно и гордо стоит на вахте развития культуры и искусства организатор и руководитель «Общества семи муз», в недавнем прошлом старший преподаватель кафедры всеобщей истории Казахского государственного национального университета им. аль-Фараби, ныне советник Министерства культуры, внештатный, бескомпромиссно-объективный корреспондент многих газет и радио-комментатор на казахском и русском языках Бахтажар Мекишевич Мекишев.

Бахтажар Мекишев ... Это добрый, обаятельный, вечно спешащий куда-то, но внимательный к собеседникам, умный, образованный человек. Не всегда и ни со всеми ему хватает спокойствия и выдержки в делах повседневных, но зато всегда неизменной остается любовь к знаниям, к искусству, которую он возводит на самую высшую ступень всей иерархии нашей жизни, суетной и беспокойной, минуя интересы карьеры, ученых степеней и прочих мелочей жизни.

На юбилейном празднике «Общества семи муз», состоявшемся 26 декабря 1995 года в помещении театра им. М.Ауэзова, юбиляра сердечно приветствовали и поздравляли представители Министерств культуры, Народного образования, высших общеобразовательных и музыкально-театральных учреждений. С песнями, танцами и игрой на казахских музыкальных инстру-

ментах. Тепло и задушевно выступали народные и заслуженные артисты Казахстана, студенты столичных вузов». Бахтажар Мекишев – это «Общество семи муз», а «Общество семи муз» – это Казгосуниверситет, а КазГУ – это лицо республики Казахстан», – было сказано представителем университета, выступавшем от имени коллег, преподавателей и студентов на юбилейном торжестве.

Вот именно так, с истории одного человека, – продолжал свою речь поздравитель, – с истории таких людей, влюбленных в свое дело, человека, отдающего всего себя, несмотря на превратности судьбы служению культуры, поэзии, искусству, популяризации шедевров человеческого гения, обучающих молодежь понимать и ценить прекрасное, – начинается и движется по пути прогресса наша всеобщая история, наше движение к цивилизации.

Глядя на юбиляра и слушая выступающих, я долго размышляла о том, откуда берутся альтруисты? Ведь нам пытаются доказать, что там, на Западе альтруистами бывают богатые люди, миллионеры или их жены, пытающиеся при помощи денег создать себе славу подлинных меценатов искусства. Да, возможно, это так, с этим мы встречались. Но, как говорится, слава богу, что есть еще люди, у которых хотя бы таким образом просыпается совесть и желание сделать что-то полезное и доброе по отношению к своему собрату. Но откуда альтруисты у нас? У бывших советских людей? – Может быть партия обязала? – предположительно скажет кто-то. Вряд ли это так. Бахтажар Мекишев – обычный беспартийный гражданин своей Родины, каких много и таковым от остается и по сегодняшний день. Однажды я слышала, как народный артист Советского Союза Михаил Ульянов, приехавший во главе группы вахтанговцев на встречу с преподавателями и студентами КазГУ, выслушав приветственную, полную непосредственного юмора, остроумную, идущую от сердца, речь руководителя «Общества», сказал: «Вот что Бахтажар, оставайся всегда таким, каким ты есть» И Бахтажар всегда оставался таким.

30 лет он отдает себя любимому делу, не приносящему ему ни малейшей материальной прибыли, дивидендов, не создавшему ему элементарных бытовых условий. Я думаю, что есть в некоторых людях «искра божья», есть талант, который предназначен каким то внутренним чувством беспрестанно приносить людям радость, создавать хорошее настроение, прибавлять им уверен-

ность в возможности жить лучше, веселее, коллективнее.

На юбилейный праздник собралось много поклонников и энтузиастов театрально-музыкального, художественно-изобразительного искусства, членов «Общества» разных лет и поколений. Пришли артисты алмаатинских театров, преподаватели и студенты вузов и школ, интеллигенция города; публика, изголодавшаяся по духовной пище, по культурным мероприятиям. Несколько часов они не покидала своих мест, несмотря на вскоре наступившую темноту и густо валившийся декабрьский снег.

Немного осталось таких людей в нашем обществе, в наше время, но они все же есть. Они знают друг друга, встречаются на общих мероприятиях, у них общие интересы, которые они не потеряли, сохранили в себе в трудном потоке бытовых забот. Они пришли выразить чувство благодарности «Обществу семи муз» и его руководителю за 30-летнюю деятельность, за встречи с миром прекрасного.

Известные и любимые всеми артисты республики Роза Жаманова, Ермек Серкебаев, Роза Багланова, Бибигуль Тулегенова, Роза Рымбаева, Макпал Жунсова, Нурлан Онербаев и многие другие, пришедшие поздравить юбиляра, порадовали внимательную и благодарную публику своими блестящими дарованиями.

За несколько юбилейных часов прошла вереница звезд театра, эстрады, кино, филармонии, искусства трех десятилетий в культурной истории республики.

Как счастливы были зрители пообщаться с людьми, вошедшими в историю отечественной культуры, послушать их размышления, насладиться пением, музыкой, игрой на домбре и кобызе и просто взять автограф.

Да, это был праздник души. Как мало мы их устраиваем. Да, увы, не всем по карману посещение гастролирующих мировых звезд. Не всех и не всегда устраивает замыкание себя в четырех стенах у своего телевизора, не всегда несущего идеи гуманизма и высокой нравственности.

И поэтому снова и снова обращается невольно благодарный взор в сторону юбиляра, в подарочном чапане, быстродвигающемся по сцене и вызывающему приятные воспоминания о прошедших встречах с всемирно известными и любимыми артистами театров, кино, консерватории, такими, как М. Ульянов, Ю. Борисова, В.П. Марецкая, Ю. Завадский, Г.С. Уланова, М. Жа-

ров, Э. Быстрицкая, М. Плисецкая, М. Царев, Э. Пьеха, М. Магомаев, В. Лановой, Ю. Яковлев, В. Стрельчик, К.Ю. Лавров, О. Басилашвили и многие-многие другие.

Боже! Как это было давно! ...Как это было недавно!

Так пусть же эта замечательная плеяда прекрасных божественных МУЗ, рожденная в глубинах античной классической мифологии, пройдя через века свой счастливый добрый путь, вновь сделает остановку у нас в Алматы, и в содружестве со своим верным поклонником, – руководителем «Общества семи муз», вновь принесет нам Добро, Радость и Красоту.

НАРМАТОВ Сыргабай Закирович

Нарматов С.З.,
доктор исторических наук,
профессор

Когда в 1971 году я поступила на факультет журналистики КазГУ, я совсем ничего не знала о профсоюзах. Благодаря Сыргабаю Закировичу я стала профсоюзным деятелем, и с тех пор считаю, что профсоюзы – моя жизнь!

Но все по порядку. Первый день занятий 1 курса факультета журналистики. Лекция по истории КПСС. Заходит строгий, не улыбочивый мужчина и начинает проводить переключку. Кто-то опоздал. Его не пускают на занятия. Начинается лекция. Мы сидим тихо. Сосредоточенно пишем конспекты. Сразу поняли ни с преподавателем, ни с тем более предметом шутить нельзя. Так вошел в мою жизнь доцент кафедры истории КПСС и по совместительству председатель месткома КазГУ Сыргабай Закирович Нарматов. Он говорил всегда не очень громко, но его все слышали. Никто не просил повторить, потому что как-то побаивались его. О том, что он занимает высокую выборную должность, мы в общем-то тогда и не знали. Но позже, мы узнали о дружбе Сыргабая Закировича с Евгением Александровичем Кузнецовым, который тоже работал на кафедре истории КПСС гуманитарных факультетов и был еще и секретарем партийной организации университета. Вот его-то мы по-настоящему боялись! А он у нас преподавал, заменяя занятия Сыргабая Закировича, когда тот был занят. Естественно, С.З. Нарматов заменял Е.А. Кузнецова. Сейчас в это трудно поверить, но действительно так было. Я рада тому, что мне пришлось позже работать вместе с ними, а тогда я была ученицей обоих преподавателей.

Первая сессия, первый экзамен и моя первая пятерка, открывшая мне дорогу на отличную учебу и именную стипендию имени М.О. Ауэзова. И первую пятерку поставил мне С.З. Нарматов.

А сдать тогда историю КПСС было очень трудно! Так мне запомнилось это время.

На первом курсе мы все вступили в студенческий профсоюз и стали платить по 2 копейки взносов. Председателем студенческого бюро факультетского профсоюза у нас была наша сокурсница, учившаяся на казахском отделении, коммунистка, «стажница» Бибигуль Матенова. В то время я была далека от профсоюзов, потому что жила с родителями в Алма-Ате, имела стипендию, мне в общем-то было ничего не надо, да я даже и не знала, что можно было что-то получить от профсоюзов, например, путевку в знаменитый СОЛ КазГУ на Иссык-Куле.

Сдав первую сессию, я редко видела С.З. Нарматова в коридорах университета, всегда вежливо здоровалась с ним. Летом после 1 курса я поехала на практику по комсомольскому направлению корреспондентом в Алма-Атинскую область в студенческий строительный отряд (ССО) Казахского политехнического института (КазПТИ имени В.И. Ленина).

На 2 курсе я уже – кандидат в члены КПСС. Летом меня, молодого коммуниста, направляют на работу старшей пионервожатой пионерского лагеря КазГУ «Восток-3». И даже одну неделю и.о. начальника лагеря. Тогда-то я и узнала, что такое местный комитет, что такое профсоюз. Работала я в основном с Розой Мусахановной Алимжановой, доцентом математического факультета и заместителем председателя месткома. Позже, уже работая в университете, я с ней подружилась. Роза Мусахановна мне много и всегда помогала во всем. Так благодаря С.З. Нарматову, Е.А. Кузнецову и Р.М. Алимжанова я стала работать в профсоюзах.

Примерно с 1970 по август 1981 годы С.З. Нарматов работал председателем месткома КазГУ им. Кирова. Сложности и трудности работы в профсоюзе тех лет были связаны с тем, что профсоюзному активу часто приходилось заниматься решением социально-бытовых вопросов коллектива КазГУ: распределением квартир, организацией отдыха членов коллектива с выездом за город, на Иссык-Куль и многими другими вопросами решались проблемы пионерского лагеря, обеспечение членов коллектива путевками в различные санатории, дома отдыха.

В 1978-1980 годы я работала три года начальником пионерского лагеря КазГУ «Восток-3». Вот здесь действительно мне пришлось работать рука об руку со всем местным комитетом, а

с председателем практически каждый день созваниваться и докладывать обстановку в пионерском лагере. Это была настоящая школа хозяйственника. Я очень благодарна за этот опыт, в первую очередь, С.З. Нарматову, который практически взял ответственность за мою работу, так как меня Калининский райком партии как молодую не утвердил в этой должности.

С.З. Нарматов вспоминал многое.

– Профсоюз всегда заботился о своих членах. Распределял жилье, организовывал отдых трудящихся. Нас всегда поддерживал ректор У.А. Джолдасбеков.

И особо Сыргыбай Закирович хотел бы вспомнить об Алимжановой Розе, которая работала заместителем. Она работала прекрасно, отдавая все свое свободное от основной работы время профсоюзной работе.

Надо подчеркнуть, что за время работы С.З. Нарматова в качестве председателя месткома, не было ни одной серьезной жалобы со стороны вышестоящих профсоюзных организаций, особенно в решении таких сложных вопросов, как жилищные, путевки и т.д. Всего этого они добились благодаря слаженной работе профсоюзного актива КазГУ.

Я посмотрела биографию С.З. Нарматова.

Сыргыбай Закирович Нарматов родился в августе 1932 года в селе Мерке Жамбылской области. С 1939 по 1949 г. учился в средней школе им. Калинина и закончил ее с серебряной медалью. В том же году он поступает на исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. После окончания университета с 1954 по 1957 год работал учителем, завучем и директором в средних школах Меркенского района. Затем работал несколько лет на комсомольской и партийной работе.

В 1965 году поступил в аспирантуру КазГУ им. Кирова и в 1968 году досрочно защитил кандидатскую диссертацию. С 1968 по 1978 годы работает старшим преподавателем, доцентом кафедры истории КПСС КазГУ, освобожденным председателем местного комитета, деканом заочного исторического факультета университета.

Затем С.З. Нарматов работает в институте народного хозяйства, возглавляя кафедру истории КПСС.

В 1988 году в Москве он успешно защищает докторскую диссертацию, а в 1989 году ему присуждается звание профессора.

С 1992 года С.З. Нарматов работал зав. кафедрой теоретической и прикладной политологии АГУ им. Абая. В июле 1997 года он избирается академиком Академии политической науки Республики Казахстан.

Педагогическую и организационную работу С.З. Нарматов сочетал с научной. За время работы в системе высшего образования им опубликовано свыше 100 работ, трудов и статей, из них две монографии. Кафедра, которой заведовал профессор С.З. Нарматов, плодотворно готовила кадры политологов.

С.З. Нарматов имеет правительственные награды – медали «За освоение целинных и залежных земель», «За доблестный труд», грамоту Верховного Совета Казахской ССР, награжден знаком отличия Минвуза СССР «За отличные успехи в работе», а также имел целый ряд благодарностей и почетных грамот КазГУ, института народного хозяйства, АГУ им. Абая и Министерства образования Казахской ССР.

С Сыргыбаем Закировичем мне пришлось встречаться несколько раз уже после его назначения на другую работу.

Его кафедра в институте народного хозяйства дала мне рекомендацию для защиты кандидатской диссертации.

Много позже кафедра, которой заведовал Сыргыбай Закирович, в Казахском педагогическом университете дала рекомендацию для защиты докторской диссертации.

Поэтому я всегда считала и считаю его своим не только учителем, но и человеком давшим мне путевку в профсоюзную жизнь, открывшему путь в науку.

Когда в декабре 1993 года меня на альтернативной основе избрали председателем профсоюза сотрудников и преподавателей университета, он прислал мне приветственную телеграмму, в которой имелись следующие слова:

– В сложных условиях переходного периода, когда роль и место профсоюза почти не определены, я желаю Л.С. Ахметовой всего наилучшего!

СИДОРОВ Виктор Кузьмич

Сидоров В.К.,
кандидат исторических наук,
доцент

Мы познакомились и подружились с Виктором Кузьмичем в конце 80-х годов, когда он снова начал работать на одной из кафедр исторического факультета. Человек, знающий университетскую жизнь, практически всех в КазГУ, и самое главное, я узнала в Совете ветеранов, что он работал когда-то председателем студенческого профсоюза. Как историк я мечтала написать книгу о профсоюзах университета., мне всегда было обидно за то, что о партийном комитете и комитете комсомола КазГУ много говорили и писали, а жизнь профсоюза проходила как-то менее

заметно. Понятное дело – идеология в советское время! Но я ведь работала в 1981-1985 года председателем профсоюза студентов КазГУ, и поэтому знать предшественников я обязана, так я считала.

Виктор Кузьмич прожил интересную жизнь. Хотя разговаривать его было трудно, особенно чем же он занимался в Афганистане, тем не менее мы с ним часто встречались, и я всегда просила что-нибудь рассказать.

Сидоров Виктор Кузьмич начал свою трудовую деятельность в 1941 г.

Июнь 1941-1942 г. – бондарь артели «Грузопроводник», г. Алма-Ата.

1943 г.-май 1950 г. – служба в рядах Советской Армии: артиллерист, летчик-истребитель.

1950-1954 г. – студент стационара истфака КазГУ, зам. секретаря партбюро факультета.

1950-1954 г. – руководитель кружка Республиканского дворца пионеров, преподаватель сш № 25.

Июнь-август 1950, 1951 г. – начальник пионерского лагеря профсоюза медработников.

1954-1957 г. – аспирант КазГУ, председатель студенческого профкома.

1957-1960 г. – научный сотрудник института истории и археологии им. Ч. Валиханова АН КазССР, преподаватель-почасовик КазГУ.

1 июня 1960 г. – присуждена ученая степень кандидата исторических наук.

1960-май 1963 г. – доцент КазГУ, председатель МК КазГУ профессорско-преподавательского состава.

5 июня 1963 г. утвержден в звании доцента по кафедре истории КПСС.

1963-1973 г. – ректор Уральского педагогического института им. А.С. Пушкина, председатель Совета ректоров Западно-Казахстанского региона.

1963-1975 г. – депутат Уральского городского совета депутатов, член пленума обкома партии.

1973-1986 г. – член пленумов 12 Республиканских, Союзных и международных общественно-политических организаций (Алма-Ата, Москва).

1973-1977 г. – заместитель министра просвещения КазССР. Почасовик КазПИ им. Абая.

1977-1980 г. – первый зам. директора, зав. сектором Института истории партии при ЦК КПК.

1978-1983 г. – член Диссертационного Совета по защите докторских диссертаций при Институте истории партии ЦК КПК.

1980-1986 г. – первый зам. министра просвещения КазССР, почасовик КазПИ им. Абая.

1986-1988 г. – руководитель группы советников-консультантов в Афганистане.

1988-1995 г. – доцент кафедры истории политических партий и общественных движений истфака КазГУ им. аль-Фараби.

С 1996 г. – на 0,5 ставки доцента Алматинского Государственного университета им. Абая.

С 1956 по 2000 г. – автор, соавтор, редактор 104 работ – 322, 4 п.л., 28 статей в газетах – 5, п.л. Участник 3-х Международных Конгрессов историков.

Награжден орденами, в том числе, Трудового Красного Знамени, 10 медалями, в их числе двумя в Афганистане, 2-мя Почет-

ными грамотами Верховного Совета КазССР, Отличник Высшей школы СССР, Отличник просвещения СССР, Отличник народного образования КазССР.

1972, 1974, 1985 гг. возглавлял делегации Министерства просвещения СССР в Египет, ГДР, Австралию: выступал с лекциями, посвященными системе образования, высшей школе в стране, Казахстане.

Виктор Кузьмич, отвечая на мои вопросы, вспоминал:

– Моим предшественником в месткоме (МК) был Манасбаев, который занимался в основном тремя аспектами: подготовить все условия для открытия пионерского лагеря; организовать отдых сотрудников университета в отпускное время, максимально помочь нуждающимся в получении или улучшении жилищных условий. Каждый вновь избираемый на должность председателя МК принимал дела от своего предшественника и принципиальные пожелания в проведении тех или иных проблем, находящихся в стадии подготовки вопросов, либо их реализации. Я председателем МК был избран в начале 1963 г., а в составе был раньше и имел уже опыт профсоюзной работы, в 1954-1956 годах был председателем студенческого профкома. За короткий период времени председателем МК удалось: получить документ на земельный участок под спортивно-оздоровительный лагерь на Иссык-Куле; помочь получить жилье десяткам сотрудников или решить организационные вопросы участия в кооперативном, индивидуальном строительстве частных домов. Трудностей было много, но они неизбежны в практической работе. Члены МК, как правило, были активными общественниками и болели душой за порученное дело. К их числу можно отнести Шварцмана Е.М., Дулатову Д.И. и многих других. О каждом из них можно писать очерки – оснований больше чем надо.

На вопрос о работе доцентом на кафедре, Виктор Кузьмич мне рассказал:

– Работа нашей кафедры основывалась на решениях съездов партии и Пленумов ЦК КПСС. Кафедре принадлежала ведущая роль в идейном воспитании студенчества. И коллектив нашей кафедры неплохо справлялся с поставленными перед ним задачами. Возросла успеваемость студентов по общественным дисциплинам. В целях повышения знаний общественных наук,

а в частности – истории партии, студенты участвовали в работе кружков, готовили доклады на определенные темы, организовывали диспуты.

Но работа кафедры не ограничивалась стенами университета. Более половины наших работников выезжала в области и районы для чтения лекций. Например, в Илийском районе столичной области совместно с райкомом партии было проведено обсуждение на предприятиях совхозах и колхозах проекта Программы и Устава Коммунистической партии Советского Союза. Известно, что в районах пока не хватало опытных и знающих лекторов, поэтому кафедра всегда практиковала такие мероприятия.

По инициативе кафедры была создана научная конференция, которая обсудила вопрос «Борьба КПСС за создание крупной зерновой базы на Востоке». В работе конференции участвовали представители Москвы, Ленинграда и других городов. Такая конференция была впервые проведена в стране. Считаю, что такого рода мероприятия способствовали связям вузовских работников, координации научных исследований.

Мы много помогали заочникам. Пока мы в большом долгу перед ними. Правда кое-что сделано в этом направлении. В частности, на нашей кафедре был разработан цикл лекций по истории КПСС.

Хочется сказать и о политико-воспитательной работе среди профессорско-преподавательского состава и студентов. Не все возможности пока использованы. Зачастую бывает так: студент или преподаватель совершил аморальный проступок, но его разбирает не коллектив, где учиться или работает данный товарищ, а вышестоящие организации. Считаю, что в первую очередь провинившийся должен отчитаться перед коллективом кафедры, группы и т.п.

Большую роль в подготовке будущих специалистов играет практика студентов. Но она составляет желать лучшего. Исторический факультет выпускает не только преподавателей средней школы, но и будущих научных работников. Поэтому кафедра предложила направлять студентов на практику в научно-исследовательские центры республики.

Мы много общались по линии Совета ветеранов. Я приглашала Виктора Кузьмича выступить перед профсоюзным комитетом

университета с рассказом о прошлом нашего профсоюза. Кроме того, его воспоминания были опубликованы в нашем профсоюзном сборнике.

Очень деятельный, много знающий и профессиональный работник как в области педагогике, так и в профсоюзной деятельности, Виктор Кузьмич внес свой достойный вклад в высшее образование страны.

СОЛОВЬЕВ Алексей Васильевич

Соловьев А.В.,
доктор исторических наук,
профессор

Когда начинаешь вспоминать о человеке, то невольно задумываешься о том, как много значит он в твоей жизни, как интересна его судьба, как здорово, что мы живем на свете, что нас столкнула судьба на производстве, в вузе, который носит имя – Казахский национальный университет имени аль-Фараби.

Достаточно много у нас в университете работает людей, у кого одна запись – работа в университете от рядового служащего до заведующего кафедрой. Я горда, что практически всех не только знала, а просто с ними дружила, общалась, беседовала, сидела на заседаниях, выступала вместе с ними на собраниях и заседаниях Ученого Совета. Одним из таких людей, чья вся творческая, научная, педагогическая, общественная и производственная жизнь прошла в КазНУ им. аль-Фараби, являлся Алексей Васильевич Соловьев.

С Алексеем Васильевичем я стала работать на кафедре истории КПСС в 1978 году, когда поступила в аспирантуру к профессору А.Б. Турсунбаеву. Конечно, я его знала со студенческих лет, потому что писала научные работы у Марии Борисовны Заславской, с которой он работал на одной кафедре. А тогда я просто стала работать вместе с ним, и очень гордилась знакомством с ветераном Великой Отечественной войны, замечательным, отзывчивым и просто прекрасным человеком.

Много позже я узнаю, что он работал референтом у знаменитого Т.Т. Тажибаева. Он очень много знает о тех очень трудных годах в жизни университета, когда была установка вытравить дух настоящей исторической науки в стенах КазГУ, но историки стояли, благодаря в первую очередь самоотверженному отношению к своему делу ректора Т.Т. Тажибаева.

В те далекие семидесятые годы – Алексей Васильевич был секретарем партбюро ведущей кафедры университета – кафедры истории КПСС. Меня там избирают председателем профбюро.

Мы много работали вместе, осуществляя идеологическую и воспитательную работу для преподавателей и студентов.

Кафедру возглавлял очень своеобразный человек и талантливый ученый Абде Бочиневич Турсунбаев, и в принципе вся общественная работа ложилась на плечи главного идеолога Алексея Васильевича Соловьева. Я до сих пор помню, как шутили наши коллеги, увидев нас вместе.

– Когда партия и профсоюз вместе, мы спим спокойно.

Эту шутку впервые сказал доцент А. Нездемковский, и она прижилась на кафедре.

А мы действительно работали рука об руку, несмотря на возраст, статус и другие различия. В то время было намного проще работать, партия скажет: надо, мы все отвечали: есть. Настоящий ученый, как и сегодня, бывает очень демократичен к молодым, студентам и прост в обращении. Эта черта всегда отличала Алексея Васильевича от многих других.

Алексей Васильевич долгие годы был председателем приемной комиссии, очень часто – председателем апелляционной комиссии, и главное, находясь в этих ролях, он никогда не изменял своим принципам и правилам, был строг, справедлив, всегда был старшим товарищем и другом для студентов и абитуриентов, помогая им во всех случаях, когда требовалась поддержка.

А мне его поддержка оказалась просто необходима в самых ответственных случаях жизни: во время защиты кандидатской и докторской диссертаций.

1981 год. Идет заседание Диссертационного Совета. Обсуждается мой вопрос: утверждение даты защиты и назначение оппонентов. И вдруг – один из членов Диссертационного Совета, заведующий кафедрой ЖенПИ говорит, что считает неправильно сформулированной мою тему. В те времена между профессурой шло определенное непонимание того или иного и естественно, конкуренция, и отражалось все на бедных аспирантах и соискателях. Алексей Васильевич не был моим руководителем, но именно он первый встал и доказал правильность и необходимость данной темы – военно-патриотического воспитания молодежи в Казахстане. Вопрос был снят без каких-либо катаклизмов и непредвиденных ситуаций.

1998 год. Защита докторской диссертации. Алексей Васильевич не был членом Совета, но как болельщик активно участвовал

в прениях и обсуждении вопроса. Мы много беседовали с ним перед защитой, обсуждая, как надо вести себя, как отвечать на вопросы и на другие актуальные проблемы, стоящие в столь ответственный момент. Его помощь и поддержка была так необходима и ощутима, что сейчас прошло много лет, а вспоминаешь, и сердце замирает от благодарности и ощущения такого хорошего чувства – чувства локтя, которое не каждому дано иметь и быть таким же хорошим другом. Так что мое становление ученого, педагога, общественного деятеля и просто человека проходило на его глазах.

Мы – соседи. Живем в нескольких кварталах друг от друга, поэтому зачастую идем вместе домой и ведем с ним неторопливые беседы о чрезвычайно сложной науке – истории современного Казахстана. Обсуждаем неоднозначные события, альтернативные взгляды, разные мнения. Открытые архивы дали совсем неожиданный эффект, свобода слова и гласность превратилась в очередное недоразумение. Почему так происходит, где выход? Почему история Казахстана XX века сейчас показывается только в негативном аспекте. Почему люди не видят очевидного? Говоря об оттоке русскоязычного населения в начале девяностых годов, Алексей Васильевич обращал внимание на границы с Китаем и выражал опасения, что пустую нишу легко заполнить. Сегодня очевидны его пророческие взгляды.

По телефону мы так часто долго говорим, что с этим свыклись все члены его семьи, и Валентина Семеновна, его супруга, знает, если позвонила Ляля, так это надолго.

На моих глазах выросла его дочь Ирина, теперь уже известный доцент, кандидат исторических наук. В Санкт-Петербурге учился его внук. Побывав там, он приехал под глубокими впечатлениями о настоящей жизни в России XXI века, и это тоже было одной из тем наших бесед.

В молодые годы Алексей Васильевич, работая в университетском профсоюзе, много мне об этом рассказывал, и, когда я надумала писать книгу о профсоюзах, сразу же откликнулся на мою просьбу и написал материал о том времени. Он активно выступал перед студенчеством, участвовал на наших собраниях и заседаниях, писал в профсоюзные сборники и газету «Казахский университет». Благодаря ему и активности многих ветеранов, вы-

шла в свет брошюра о профсоюзах университета.

Он мне рассказывал о профсоюзах в университете в далеких 50-х годах прошлого века.

– В 1951 году после окончания КазГУ я был оставлен на работу в университете в качестве зав. аспирантурой. И в этом же году был избран членом, зам. председателя месткома. Председателем профсоюза тогда был С.И. Страшников.

Основная работа местного комитета состояла в том, чтобы определить и договориться с облисполкомом и райисполкомами о выделении земельных участков под огороды для преподавателей. Желających получить такие участки было достаточно много, особенно среди обслуживающего персонала.

Нужно было не только определить местонахождение этих земельных участков, но и разделить их между работниками, обеспечить транспортом.

2-ой важной сферой деятельности месткома было оказание материальной помощи малообеспеченным. Это была очень важная работа. Кроме того, к КазГУ были прикреплены всегда 3-4 человека со стороны, имеющих возраст 80-100 лет, которым ежемесячно оказывалась денежная помощь.

Но самым острым был, пожалуй, квартирный вопрос. Университету принадлежало несколько жилых домов и семейное общежитие. Преподавательский состав увеличивался и в то же время постоянно менялся. На каждую освободившуюся квартиру всегда претендовало несколько человек. Должен сказать, что ректор КазГУ, профессор Т.Т. Тажибаев этот вопрос полностью отдавал на решение местного комитета.

В 1952 году было завершено строительство самого крупного жилого дома в Алма-Ате, так называемого дома профессоров университета. Он строился под контролем правительства СССР. Размеры квартиры были площадью от 80 до 140-150 м². Все профессора университета получили в этом доме квартиры. Профессоров в это период было мало. Оставшиеся квартиры распределялись между доцентами, кандидатами наук. Так как их было больше, чем квартир, то местному комитету приходилось действовать так, чтобы не ошибиться. Учитывалось все, от состава и количества семьи до стажа работы в университете.

Также местком проводил постоянную текущую работу – экскурсии, выезды за город в воскресенье, распределение путевок,

оказание шефской помощи колхозу и многое другое. Работа месткома КазГУ проверялась областными профсоюзными организациями, и всегда ей давалась довольно высокая оценка.

Вторично в местный комитет я был избран в 1960-63 гг. Председателем месткома был кандидат филологических наук Б. Манасбаев.

Кроме повседневной обычной работы, главная сфера деятельности местного комитета в данный период состояла в нахождении и закреплении участка на берегу Иссык-Куля. В 1961 году нам был выделен участок в п. Бозтери. Сразу местком закупил несколько десятков палаток, и они были отправлены на Иссык-Куль. Был создан палаточный городок. Более 100 работников за лето отдыхали там. Стоимость путевки была символичной. Главные затраты на себя взял местком.

В 1962 году университету был выделен 50-квартирный жилой дом на ул. Тимирязева. Распределение квартир в этом доме было поручено местному с последующим утверждением ректората, парткома и горкома партии. Жалоб на неправильное выделение квартир не было.

Профсоюз постоянно заботился о быте своих членов, он был неотъемлемой частью нашей жизни.

... Мне всегда импонировало отношение Алексея Васильевича к людям, и я с легкой завистью смотрела на его учеников, хотя я и не защищалась у него, но всегда чувствовала его ученицей.

Его ученики – его надежда и гордость. Это – поколение инноваторов: ученые, бизнесмены. Расскажу только об одном – докторе политических наук, профессоре Бурханове Камале Низамовиче. Совсем молодым пришел Камал Низамович на кафедру Соловьева. А сейчас – известная личность, много сделавший в исторической и политологической науках. Как трогательна и удивительна была их дружба. Глядела на их отношения, понимала, что такое приходится наблюдать в исключительных случаях. Отличный учитель – превосходный ученик.

В феврале у Алексея Васильевича – день рождения. Его юбилей совпал с моим, и мы смеялись, что даже юбилеи отмечаем в один день. Это – великое счастье, которое не всем дано.

Общество «Семи муз». 80-е годы

Встреча с московскими артистами. Общество «Семи муз». 80-е годы

Е. Евтушенко в гостях у Общества «Семи муз»

Поэты М. Шаханов и Е. Евтушенко в гостях у Общества «Семи муз». 80-е годы

Д.И. Дулатова, А.А. Горячева

Музей С.М. Кирова

Глава 5

МОЙ ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

АМАНДОСОВ Тауман Салыкбаевич

Амандосов Т.С.,
профессор

Мы с ним – не родственники. Северянин – южанка, но давняя, студенческая дружба Таумана Салыкбаевича с моим отцом, продолжавшаяся всю их жизнь, наложила особый отпечаток на наши отношения. Я была для него всегда дочерью, иногда чересчур эмоциональной, своенравной.

В разговарившей зачастую баталии на факультете он меня не посвящал, не звал на свою сторону, но всегда оберегал, защищал, уводил от беды.

Факультет – партийный, идеологический, сложный. Яркие таланты и функционеры, правые и левые, свои и чужие – история трудная. Но то, что я осталась именно такой – немалая заслуга Таумана Салыкбаевича.

И если в детстве я его знала, как друга отца, то строгим деканом впервые я его увидела в сентябре 1971 года на сельскохозяйственных работах по уборке табака в поселке Каратурук Алматинской области.

Нескольким девчонкам, в том числе и мне, выпала очередь дежурить в нашем спальном помещении. Это – бывшая конюшня, разделенная перегородкой на мужскую и женскую половины. Здесь жили первокурсники казахского и русского отделений факультета журналистики. Мы должны были караулить и убирать помещение. Ближе к обеду прибыло начальство с факультета

журналистики проверить, как мы работаем, как устроены, как питаемся. Мы не знали, что Тауман Салыкбаевич только назначен деканом, и в первый раз он приехал нас инспектировать.

Узнав, что мы дежурные, нахмурил брови и грозно сказал: «А где парни?» Неискушенные в беседах с руководством мы радостно сказали, что почти две трети русского и казахского отделений факультета журналистики – девушки, и тогда он разразился строгой тирадой о том, что зачем мы поступили на факультет, нам надо сидеть дома, выходить замуж и вообще от женщин в журналистике толку нет, один беспорядок и беспокойство.

– Вы учиться не будете и занимаете чужие места, создаете конкурс на факультет (в тот год составлял 4,5 человека).

Тогда я в первый, и, пожалуй, в последний раз его испугалась. С годами начинаешь понимать правоту его слов. Часть девчонок действительно ни одного дня не проработали по специальности, но многие сейчас являются ярчайшими звездами и не только казахстанской журналистики.

Так я познакомилась со строгим и требовательным руководителем, который был влюблен в журналистику и остался верен ей всю жизнь.

Он всегда оставался самим собой, – не отступал, не предавал, хотя его подставляли многие. В трудные времена и минуты я знала: он всегда поможет, подскажет, возьмет под свою защиту.

На втором курсе я – единственная получила анкету для вступления в члены КПСС. Это было огромной честью, но я подумала, что мне еще рано. За советом я пришла к отцу – дома, к Тауман Салыкбаевичу – на работе. Оба сказали, если доверили тебе, то надо вступать. Одним из рекомендующих в партию у меня был Т.С. Амандосов. И два года будучи кандидатом в члены партии Тауман Салыкбаевич курировал, помогал мне во многих партийных поручениях, подсказывал, как поступать в тех или иных случаях, сдерживал мой горячий характер и наступательные действия.

Однажды, будучи молодым преподавателем я столкнулась с откровенным хамством и наглостью студента-заочника. Была очень расстроена и не знала, какие действия предпринять. Совет и подсказка Таумана Салыкбаевича дали мне правильное направление. Я и сейчас пользуюсь его рекомендациями.

По отношению к студентам Тауман Салыкбаевич был очень лоялен и демократичен, требовательным – в начале семестра, снисходительным во время экзаменов. Эту черту характера и эту модель его поведения я взяла у него на всю жизнь, и знаю теперь, почему меня студенты любят и уважают не только в течение учебы, но всегда рады видеть, став выпускниками нашего прославленного факультета.

Однажды Тауман Салыкбаевич поставил зачет студенту, на мой взгляд, не ответившему ни на один из вопросов, потом он объяснил мне ситуацию и сказал, что знает его характер, студенту стыдно самому за это. Понаблюдав за этим студентом на старших курсах, удивилась прозорливости профессора Т.С. Амандосова. Как всегда он был прав.

Я никогда не работала с ним на одной кафедре, хотя мечтала об этом. И вот будучи в декретном отпуске получаю приглашение явиться к нему. Он знал, что был тяжело болен, и звал меня на кафедру, говорил о самых больших перспективах и возможностях. Как я была огорчена, отказавшись от предложения! Но только что рожденный сын и двухлетняя дочь не дали мне осуществить эти замыслы.

Практически половина опубликованных мною научных статей, брошюр, книг (а их – более ста) рекомендованы к печати строгим и требовательным Т.С. Амандосовым.

Таким образом, Тауман Салыкбаевич многое дал мне в общественной, педагогической, научной жизни, и по истине я с полным правом могу себя отнести к школе профессора Т.С. Амандосова.

Тауман Салыкбаевич Амандосов, мой отец, Владимир Иванович Фурсов, Тамара Петровна Струц, ее супруг Александр Лаврентьевич Маловичко (кстати, воевавший на одном фронте с моим отцом) и многие их друзья жили в последние военные и трудовые первые послевоенные годы в одном общежитии.

Тамара Петровна вспоминает о душевной теплоте и человечности Т.С. Амандосова и рассказывает, что в тот период ему прислали посылки из аула, и тогда он всех звал в гости, кормил и затем обязательно что-то давал в пакете домой. Это ей запомнилось на всю жизнь.

Вспоминала она еще один случай, когда Тауман Салыкбаевич был деканом филфака, скончалась преподаватель факульте-

та. Декан пригласил Т.П. Струц к себе и сказал: «Надо помочь, если можно, соберите деньги на факультете», – и первый дал 25 рублей, в то время это была очень большая сумма.

Долгое время он отказывался от звания профессор без защиты докторской диссертации. Огромное количество опубликованных работ позволяло ему стать профессором гораздо раньше, чем он им стал. Во всем проявляется его порядочность, честность, справедливость, душевная красота.

У Таумана Салыкбаевича – отличная семья. Замечательно, что сын Азамат работал на физическом факультете, и жизнь нас тоже во многих случаях сводила вместе. И я всегда говорила, если отцы дружили, то дети обязательно должны продолжить дружбу.

Я часто звонила по телефону Тауман Салыкбаевичу, бывала в гостях у профессора, и даже совсем незадолго до смерти мы обсуждали животрепещущие проблема современности и будущее журналистики Казахстана.

После него остались любящая жена, соратник, подруга, замечательные дети и отличные внуки, именная аудитория на факультете журналистики, журналистская премия Т.С. Амандосова в Республики Казахстан и его многочисленные выпускники старейшего факультета журналистики страны, именуемые школой профессора Т.С. Амандосова. Выпускники гордятся этим и пронесут это звание через всю свою жизнь!

БАРМАНКУЛОВ Марат Карибаевич

Барманкулов М.К.,
доктор филологических наук,
профессор

Мы никогда не были близкими друзьями, но я счастлива, что когда-то меня свела судьба с Учителем. Конечно, по жизни много бывает учителей, но как говаривали в старину «устаз», «божьей искры учитель» встречается крайне редко.

1971 год. 104 группа факультета журналистики. Куратором к нам назначен молодой, энергичный доцент М.К. Барманкулов. В то время у него еще не было любимого студентами прозвища Борман, и первый кураторский час он начал с предложения «подняться всем в горы».

Мы узнали, что каждое воскресенье в восемь утра на остановке по Ленина он ждет нас для походов. Многие этим совсем не заинтересовались, каюсь, меня хватило только для двух поднятий, так же, как у всех остальных юного пыла и энергии хватало ненамного, а у него эта любовь к природе и горам была одна и на всю жизнь. Помню, в те годы ни одна передача о горах не обходилась без Марата Карибаевича, да и вообще все новое на телевидении было всегда с его участием.

В жизни не замечаешь, как много могут сделать отдельные личности, но, когда они уходят, вдруг обнаруживаешь пустоту. И как бы нам не твердили раньше, что «незаменимых людей не бывает», ты вдруг осознаешь, какой яркой, талантливой, творческой личности больше нет, и не к кому будет обратиться, чтобы проверить свои мысли и взгляды, просто поболтать, получив удовольствие от общения.

Вспоминается три момента из студенческой жизни.

Во время распределения по кафедрам я не попала кафедру телевизионной и радиожурналистики, была очень огорчена, какими-то путями Марат Карибаевич выбил для меня дополнительное место. Кстати, постоянно на его кафедру был конкурс при распределении.

Наша группа, впервые, и как оказалось впоследствии единственная, в истории факультета журналистики стала лучшей, «Кировской» группой в университете, чем мы очень гордились. Естественно, был доволен и Марат Карибаевич, и при случае мы всегда подчеркивали, что мы – лучшие!

На пятом курсе мы сдавали спецпредмет. Помню, что усиленно готовились к нему, ведь многие вопросы были по технике телевидения, которые мы и в глаза не видели (такой просто не было в Алма-Ате!) Я сижу, готовлюсь, вдруг Марат Карибаевич говорит: «Идите, Лейла, пятерка!» Это была самая большая обида на него, и я часто, смеясь, потом вспоминала об этом. Но тогда, видя мое недоумение, он сказал: «На больше Вы не ответите, а на меньшую оценку Вы и не отвечали!».

Написав эти строки, я вдруг понял, что Марат Карибаевич никогда не разговаривал ни с кем на ты. И для меня, позволявшей по отношению к другим многое, он всегда был Маратом Карибаевичем.

Он был руководителем моих курсовых и дипломных работ. Наверное, трудно сейчас подсчитать, сколько же он выпустил в свет журналистов!

Воспоминания о студенчестве всегда полны радости и грусти, невинности жизни и нехватки опыта, юношеского максимализма и уверенности в том, что все лучшее впереди! Наступила пора распределения, и меня, впервые за многие годы, оставили на работу на факультете на кафедре телевизионной и радиожурналистики, где заведующим был Марат Карибаевич.

На кафедре я была шестым преподавателем, трое из которых имели фамилию Ахметов, и Марат Карибаевич, смеясь, говорил всем: «На работу берем только Ахметовых!».

Чудные годы первой преподавательской работы! Сколько волнений и тревог! И постоянная помощь заведующего кафедрой! Где-то отеческие советы, дружеские, предостережения, обмен книгами, товарищеские беседы.

Мне, как новичку, пришлось много что делать, продыху не было утром, днем и вечером. Часто была на дежурстве в 5 общезжитии, потом спрашивала на кафедре:

– 24.00. – это разве вечер? (в то время женщинам дежурства давали до 24.00. и писали до вечера, ну, а мужчины дежурили, естественно, до утра!).

Однажды Марат Карибаевич сказал мне, ассистенту:

– У Вас все еще впереди... Будете Вы и уважаемым профессором. Вспомните мои слова. При распределении педагогической нагрузки есть разные часы. Есть «мясо» и «кости». Сегодня «кости» достаются Вам в силу Вашей молодости, энергии, небольшого опыта. Поверьте, многие из нас хотели бы быть такими, как Вы, молодыми.

Я усмехнулась, мало веря в то, что кто-то из них хочет быть на моем месте. Прошло время... Я часто молодым преподавателям приводила слова М.К. Барманкулова. И знаете, я так хочу быть той, молодой, неопытной!!!

Те годы были не самые хорошие в жизни Марата Карибаевича: трудная докторская защита, смерть жены... Но на кафедре он всегда был с нами ровен и равен, никогда не было у нас склок и скандалов (кстати, у него было удивительное чутье избегать дразг, не участвовать в них, он очень бережно относился к людям!), хотя, как завкафедрой, бессменному декану заочного отделения, ему самому зачастую здорово доставалось.

Еще в студенческие годы я начала заниматься научными исследованиями в области военно-патриотического воспитания. Мы много на эту тему беседовали. В первой половине семидесятых годов меня поразил его горестный рассказ, как он работал в архиве Госкомитета по телевидению и радиовещанию и Госархиве республике: «Казахскому радио более полувека, но я первый раскрывал слипшиеся страницы, никто не смотрит его!». Много позже я тоже первая смотрела многие материалы этого архива и, вспоминая его слова, удивлялась всей нашей жизни.

В силу ряда причин на защиту моей кандидатской диссертации по истории он пришел единственный из факультета. Такое не забывается!

Его увлеченность инновациями поражала. Всегда новые знания, всегда интерес к науке. Когда-то он с интересом говорил о МЭЗах и диктофонах, потом о телекамерах, затем о компьютерах и интернет. Сначала мы слушали, и лишь потом со временем удавалось только посмотреть, а лишь через много лет поработать с этими диковинными для нас предметами. Но мы ведь так жили в действительности!

Судьба меня сталкивала на работе с Маратом Карибаевичем почти ежедневно. Обычные, будничные встречи, но это было

почти тридцать лет. И, естественно, ключевые моменты врезались в мою жизнь.

Весна 1991 года. Первые реабилитированные после декабря 1986 года появились на работе в КазГУ. Мне надо было выходить с декретного отпуска, и вдруг выясняется, что некуда. На факультете все осторожничают, ведь в те годы я тоже была в «руководстве». Один М.К. Барманкулов сказал: «У меня есть полставки, надо еще что-то поискать!».

Я пошла на прием к новому в то время ректору К.Н. Нариеву и очень благодарна ему за то, что он сразу нашел мне ставку на кафедре С.К. Козыбаева.

Если бы проводили конкурс на самого лучшего лектора, без сомнения, первым был бы Марат Карибаевич. Я часто задавала себе вопрос: «Почему студенты так любят его? Почему мы, все преподаватели, не похожи на него? В чем его секрет?». Постараюсь теперь ответить.

Великолепная эрудиция, знание предмета. Стремление заглянуть в будущее, личное мнение и рассуждения.

Ровность характера, равенство отношений. Всегда на Вы. Демократичность. Умение держать себя. Юмор и ирония. Всегда небольшая усмешка.

Быстрота и стремительность. Любознательность. Желание учиться (после пятидесяти лет жизни он заговорил на хорошем казахском языке, где-то к шестидесяти годам стал изучать английский).

Отличное знание техники. Умение делать все самому.

Определенная скрытость. Коммуникабельность.

Никогда ничего не просил. Не имел «чинов» и «наград», но был известен всем.

Господи, сколько же много теплого, хорошего, доброго и замечательного можно говорить о нем, но почему мы говорим об этом, когда нет человека?

Только в период перестройки мы узнали об его детстве и судьбе его отца, который был репрессирован, и фамилия у него была Танкин. Он многое сделал в процессе реабилитации отца. Это был долг сына, десятилетия носившего такой тяжкий груз.

Поэтому, понятна была его скрытность, когда предстоял какой-то тяжелый разговор, Марат Карибаевич предлагал вместе

пройти одну остановку, и мы шли и разговаривали о том, о чем нельзя было говорить прилюдно. Пройдя остановку, Марат Карибаевич поднимался наверх по улице, где совсем рядом находился его дом, а я шла на остановку и ждала свой троллейбус.

В начале 1991 года Марата Карибаевича назначают заместителем главного редактора «Казахстанской правды». На полставки он остается профессором кафедры. Августовский путч 1991 года смешал все планы ученого, и не только его. После путча профессор М.К. Барманкулов вернулся на родной факультет и продолжал там работать до своей смерти в мае 2000 года.

Мы с ним – Водолеи. Мой день рождения на день раньше его, и я иногда позволяла шутить: «По дням я старше!» Ироничная улыбка и поздравление.

Так уж случилось, что февраль каждого года уже много лет ассоциируется с именем Барманкулова, и в последнее время с Барманкуловскими чтениями. В 2011 году Барманкуловским чтениям был посвящен международный круглый стол на тему «Электронные СМИ в условиях информационного общества: национальные и глобальные вопросы, перспективы развития». Тема актуальная, как и во времена жизни профессора Барманкулова, так и сейчас, спустя 11 лет после его смерти.

Первыми выступающими на Чтениях были гости: друзья и товарищи Марата Карибаевича, его однокурсники и родственники. Тепло и с душой вспомнили о нем. Каким все же замечательным человеком он был, как много нового привнес в историю журналистики!

А в то уже далекое время мы просто общались, просто жили рядом с ним, не задумываясь о том, что позже будем говорить высокие слова о нем, жалеть о недосказанном, вспоминать лучшее! Суета сует. Сегодня были те, кто помнит и любит, те, кто теплым и добрым словом сказал те слова, которые давно хотел сказать.

И хотя прошло уже много лет, наследие профессора Барманкулова все еще не собрано в должной мере, еще не изданы труды по исследованию его творчества как журналиста, как педагога, как писателя-историка. И поэтому хочу выделить несколько моментов, над которыми нам, особенно его ученикам, следует потрудиться и оставить для потомков богатое наследие Марата Карибаевича.

Итак, профессор М.К. Барманкулов:

1. Отец-основатель, основоположник теории и практики казахского и казахстанского телевидения и радиовещания. Он был замечательным теоретиком и отличным практиком, и именно в этом ракурсе необходимо вести исследование его творчества.

2. Основоположник радио- и телевизионной спортивной журналистики. Его первые передачи, его исследования в этой области мало изучены.

3. Он издал первый в Казахстане учебник по телевизионной журналистике «Весь мир у Вас в квартире» в 1972 году. В книге он впервые в Казахстане сделал анализ черной, серой и белой пропаганды.

4. Он – создатель кафедры телевидения и радиовещания на факультете журналистики КазНУ им. аль-Фараби, в которой он проработал с момента ее создания до самой смерти.

5. Он – Учитель многих и многих телевизионных и радиожурналистов и просто журналистов Казахстана.

6. Он – автор инновационных публицистических книг по истории Казахстана. Исследованиями в этой области никто не занимался.

7. Он – автор уникальных практик студентов в СМИ. Это – совершенно неизученная область его творчества как педагога.

Особо запомнилось лето 1997 года. Иссык-Куль. Обучающий семинар. Наше участие в Дне Нептуна. Марат Карибаевич с кинокамерой, за которой «охотилось», наверное, пол Иссык-Куля, и его изобретательность по поводу кинокамеры. Возможно, это незначительные подробности обычных дней, но как же они становятся значимы с годами и осознанием того, что больше этого никогда не будет!

2000 год запомнился тремя моментами-сюжетами из жизни. Во Дворце студентов на встрече с Мурадом Аджи выступает Марат Карибаевич и дарит ему свою книгу «Хрустальные мечты тюрков о квадронации». В заключении говорит: «Я подписал: Мураду от Марата». Зал аплодирует, признавая значимость встречи двух близких по духу писателей.

Профсоюз сотрудников «Парасат» решил организовать встречи студентов с известными учеными КазГУ. Первой встречей была с профессором М.К. Барманкуловым.

И как страшный удар-набат: 9 мая скончался М.К. Барманкулов. Об этом говорил весь университет, весь город, вся страна.

После него остались взрослые и маленькие дети, благодарные ученики и замечательные книги. Дети всегда будут гордиться и хранить память об отце. Ученики оставят воспоминания и продолжат его дело. А книги будут жить своей жизнью.

Удивительны, необходимы и актуальны его книги...

Меня всегда поражала его точность определения и легкость подписания автографов:

«Сколько, Лейла, Вы конспектировали другие издания на лекциях по РВ и ТВ? Проконспектируйте эту на других занятиях». 9 октября 1975 года, автограф на книге «Весь мир у нас в квартире».

«Уважаемой Лейле Сейсембековне, связанной с этой темой душой и темами». 15 октября 1995 года автограф на книге «Хан... Иван».

«Дорогой Лейле Сейсембековне, которая вдохновляет нас на книги, позволяя отдохнуть. А это главное в творчестве». 17 ноября 1997 года – на книге «Телевидение: деньги или власть?».

«Дорогой Лейле Сейсенбековне как новоиспеченному доктору наук». 5 октября 1999 года – на книге «Хрустальные мечты тюрков о квадронации».

«Ляйле! От имени Марата Барманкулова».

Если его книги по телевидению и радио цитировали, изучали, анализировали тысячи и тысячи журналистов и исследователей СМИ, то в последнее десятилетие в его творчестве появилось новое направление «древность, современность и будущее Казахстана». Эти книги многими не поняты, трудны для восприятия, они ждут своих исследователей.

Что это? Откуда это у него? Как он мог аккумулировать разные знания, свести воедино, попробовать объяснить, смело бросить перчатку вызова новым идеям старым взглядам, косности и заскорузлости? По истине считаю, что это был дар Всевышнего! Я, как журналист, пыталась задавать эти вопросы ему, но Марат Карибаевич только улыбался в ответ.

Он много писал и издавал. В то время мне казалось это удивительным. И я брала с него пример.

Мы много с ним общались. Говорили на разные темы. И я всегда поражалась его эрудиции, энциклопедичности знаний, его веры в науку. Он смог сочетать в себе талант журналиста и писателя и талант человека с глубокими знаниями естественных наук,

чего в журналистской природе практически нигде не встретишь.

Сначала ученица, потом коллега, и затем на долгие годы мы стали семейными друзьями. Вместе семьями отдыхали, так как любили активный отдых, вместе работали над заданиями университета.

Еще одна точка соприкосновения: наши дети – погодки, жена Ирина. Ира, моя бывшая студентка, с которой были и остаются теплые и дружеские отношения. Младшие дети часто отдыхали вместе зимой и летом. Каждый год мы договаривались, где дети будут отдыхать.

Еще надо говорить о тех вещах, которые стыдливо замалчивались тогда и сейчас. Ведь у него не было ни одной награды при всей его известности. Ведь он умер исполняющим обязанности заведующего кафедрой телевидения и радиовещания, которую он создал и выпестовал, и в последние годы жизни его всячески старались убрать оттуда под надуманными предлогами. А он молчал и просто работал, издавая свои замечательные книги.

Его знал весь мир. Профессор М.К. Барманкулов был и остается пока единственным преподавателем, которого ценили везде и всегда в международном журналистском и педагогическом сообществе. Он – глыба, монумент журналистики Казахстана!

Предложения:

1. Издать полное собрание сочинений проф. М.К. Барманкулова.
2. Создать сайт.
3. Разместить на журналистских сайтах его научные труды и публицистику.
4. Продолжать изучение его трудов в ракурсе первооткрывателя, о котором было сказано выше.
5. Разместить его телевизионные фильмы и радиопередачи на сайте факультета журналистики.

Недавно Ирина сказала: «Мы все жили только для него, как будто чувствовали... Дети знали: папа работает. А работал он все время на износ, торопился...».

Жена, журналист, прекрасный собеседник, первый рецензент и строгий критик, которой он ежедневно рассказывал об идеях, озаривших его, вздыхает: «Мне не хватает его бесед...».

Мы не были с ним близкими друзьями, мы были коллегами по перу и по науке. Он был моим Учителем...

ДМИТРОВСКИЙ Михаил Иванович

Дмитровский М.И.,
кандидат филологических наук,
профессор

Михаил Иванович – родной и близкий человек не одному поколению казахстанских журналистов советской эпохи. У его сына Василия через «Одноклассников» попросила биографию. Он прислал написанную со своим взглядом и рассказам старших биографию отца. Знакома еще с одним его сыном Андреем, профессором, академиком Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), живущим в Алматы. Встретились с ним несколько лет назад ночью в аэропорту Ташкента, вылетая в Алматы. Знаю, что старший сын Михаила Ивановича – Леонид – геофизик, один из первооткрывателей Актогайского месторождения меди.

Еще была такая красивая история про супругу Михаила Ивановича – Татьяну Ивановну. Ее специальность – инфекционист. В историю она вошла тем, что их группа впервые в мире подавила эпидемию легочной чумы и вылечили больных. Это было вроде в Кызыл-Ординской области. По их методикам потом лечили во всем мире. Затем у нее было много выездов на вспышки чумы, брюшного тифа и прочих «зараз». Когда она стала главным инфекционистом Казахстана, на нее повесили эти инфекционные болезни в буквальном смысле слова на всей территории Средней Азии. И она ездила на все случаи особо опасных заболеваний. Как консультант правительственной терапии, она не раз лечила Кунаева, его отца и других членов этой уважаемой и уважающей Татьяну Ивановну семьи. Однажды даже не отпустила Кунаева на заседание Политбюро. Но рассказ о Татьяне Ивановне – это особая тема. Так что она была окружена ореолом таинственной славы и восхищения! Об этом говорили журналисты и мы, студенты.

Итак, родной и близкий нам человек, наш декан, доцент Михаил Иванович Дмитрировский. Родился в селе Вележанка Камне-

обского района Алтайского края в 1922 году. Это – самый трагический год. Мужчин, рожденных в этот год, после войны осталось 2 процента. По рассказу Василия:

– В конце 20-х семье пришлось срочно выехать, и деду стать пролетарием и строить Турксиб. Грозилась ссылка в места, где мало кто выживал. В семье было 10 детей. Отец – младший из сыновей. В результате маневров деда все прожили большую и содержательную жизнь. 9 человек – в Алма-Ате и ее окрестностях. В 1940 г. он окончил 36 школу. В одном классе с ним училась его будущая супруга – Татьяна Ивановна. В тот год сразу же после окончания школы всех призывали в армию. Михаил служил почти на родине – в Новосибирской области. На фронте – с битвы за Москву. Лыжно-истребительный батальон, в котором он служил, почти полностью погиб, остановив танковую дивизию немцев. Ранение, медаль «За отвагу», курсы младших офицеров вместо отпуска на долечивание. Слишком далеко была Алма-Ата, а Сталинград был уже близко. В 19 лет командовал взводом в 52 Донской казачьей кавалеристской дивизии. Эскадрон – 120 сабель – был уничтожен мессерами за 15 минут среди ясного зимнего дня. Осталось только четверо. Среди них – Михаил Дмитриевский. Под ним убили четыре лошади за два года войны. Потом было 200 суток Сталинградской битвы. Повезло – его часть была не в городе. Но бомбили после немецкого завтрака, обеда и ужина. Когда громили немцев, наступали – еще 2 ранения в один день, одно на рассвете – осколочное, другое – на закате. Три дня без медицинской помощи, и в полевом госпитале хотели ампутировать руку. Спасли природная находчивость и летчик-казах, вывозивший тяжелораненых в госпиталь в Саратов. Он взял земляка в кабину. После госпиталя Орловско-Курская Дуга, освобождение Брянска, Белоруссии, Польши. Потом – Германия. В битве за Берлин за две недели до 9 мая, шесть раз поднимал роту в атаку. На шестой раз снайпер прострелил легкое на вылет. Пуля прошла в 2 сантиметрах от сердца. Если бы не это, погиб бы, через час. Рота заняла здание, в которое угодила авиабомба. У Михаила Ивановича – за войну 11 боевых наград. Не послевоенные награды, а именно во время войны. Начинал сержантом, закончил войну – капитаном.

С 1946 по 1951 годы – учеба в КазГУ им. С.М. Кирова на факультете журналистики. С 1949 года работал корреспондентом в «Казахстанской правде», с 1952 года – заместителем главного

редактора в «Ленинской смене». Потом – собкором газеты «Советский патриот» по Казахстану и Киргизии.

После этого – Казахский государственный университет: преподаватель, старший преподаватель, секретарь парткома КазГУ, декан нашего факультета. С 1973 г. – доцент. Михаил Иванович написал много статей и очерков. Были опубликованы книги «Встречи с жизнью» – сборник очерков и «Оружием смеха» – исследование юмора и сатиры.

Мое знакомство с Михаилом Ивановичем состоялось задолго до моего поступления на факультет журналистики КазГУ им. С.М. Кирова.

Мой отец Сейсенбек Мухамедиевич Ахметов был давним другом Михаила Ивановича. И я, будучи школьницей, пришла однажды на факультет, чтобы расспросить Михаила Ивановича про мою родную школу № 36 в г. Алма-Ата, которую много лет назад он и его супруга заканчивали. Михаил Иванович многое мне рассказал – про довоенную школьную жизнь, дал контакты учителей, родителей погибших своих одноклассников, бывших учеников школы.

Так я собирала материал про свою родную школу, учителей и учеников, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Уже учась на 2 курсе, активно помогала в создании в нашей школе музея боевой славы. Он был создан по найденным и записанным мной материалам, воспоминаниям учеников и учителей, родителей и близких погибших на фронте наших соотечественников.

Они были дружны – мой отец и Михаил Иванович. Они называли себя однополчанами. Хотя я сейчас не могу сказать точно, были ли они ими действительно, но то, что оба воевали на Калининском фронте под Москвой – это было. Фронтовики – особый народ. Их сплоченность и дружба вызывают только восхищение и почтение. Это было нечто особенное, они прошли через ад, это их объединяло. Кроме того, они были ровесниками, с 1922 года рождения. Оба учились на факультете журналистики, но только один год. Отец заканчивал, Михаил Иванович только поступил. Но именно особая каста – фронтовики – их сплачивала постоянно и на всю оставшуюся жизнь. Потом на факультете журналистики училась я, когда Михаил Иванович был деканом факультета.

Фотография, на которой изображен процесс занятий в 1971 году, интересна тем, что мы с моей сокурсницей Натальей Бай-

гельдиновой, которая сейчас живет и работает журналистом в Астане, успешно сдавали какое-то семестровое задание по предмету. Пришел наш преподаватель по фотоделу Юрий Константинович Редкин и стал нас фотографировать для какого-то отчета, поэтому он нас так посадил, что мы все оказались вместе и рядом сидящими. В действительности, на занятиях мы сидели как обычно – за партами, а педагог стоял или сидел за столом напротив. Михаил Иванович – понимал юмор, был самым добрым человеком на факультете. Однако был и требовательным, и строгим к тем, кто относился с прохладцей к учебе. Затем я стала его коллегой. Он мне много помогал, и в составлении отчетов, планов, к подготовке к занятиям. Его книги и статьи стали для меня настольными книгами. А потом учился на журфаке его сын Василий. Успешно. Сейчас он живет в России, и его дети – пра-пра-правнуки Кенесары.

Михаил Иванович имел большой авторитет и уважение, как среди партийцев, так и среди студентов и преподавателей. Доброта – это высокое качество человека, которое редко проявляется сейчас. Когда вспоминаешь Михаила Ивановича, сразу на сердце становится так спокойно и хорошо, он многому нас научил. Это действительно Учитель, Устаз с большой буквы!

Воспоминания Михаила Ивановича были опубликованы в одном из ветеранских сборников университета. Он пишет о становлении факультета журналистики КазГУ:

– Формально, если вести отчет от КИЖа – Коммунистического института журналистики, организованного в Алма-Ате в 1934 году, – факультет журналистики, его преемник, – ровесник КазГУ. Однако КИЖ – это совсем другой уровень образования, нечто вроде газетного ликбеза для рабочих и сельских корреспондентов. Истоки именно университетского гуманитарного образования на факультете журналистики – это послевоенные сороковые годы. Тогда, с 1945 года, факультет стал набирать по пятьдесят студентов на русское и казахское отделения. А поскольку время было послевоенное, очень многие первокурсники не успели снять гимнастерок,

Будущий автор книги и телесериала в «Тени исчезает в полдень» Анатолий Иванов оказался в первом наборе, вместе с ним будущие доценты журфака пехотинец С.С. Матвиенко и моряк Л.М. Куканов. Оба работали на факультете от истоков до конца

дней своих, читали лекции по истории печати, исследовали ее проблемы.

Мне не удалось демобилизоваться сразу после войны, я даже ко второму набору опоздал, пока добрался от Берлина до Алматы, но все-таки, со второго семестра был зачислен в студенты. Таким образом, с 1946 года по нынешний 1995 год являюсь живым свидетелем и участником истории журфака.

Наша группа оказалась «урожайной» на поэтов – Леонид Кривошеков; Николай Душкин, Леонид Скалковский. Наибольшую известность получили книги Л. Кривошекова. Его первый скромный поэтический сборник «У старых тополей» храню для души. К старым тополям мы шли через войну. Менялось все: дома, улицы и их названия. Только старые тополя остаются сами собой...

Еще выше был «урожай» в группе на доцентов и докторов. Первым вернулся из газеты на факультет Г.В. Колосов. Он защитил кандидатскую по очерку, а позже докторскую – по проблемам публицистики, долгое время был деканом заочного факультета журналистики, затем переехал в Воронеж, заведовал кафедрой журналистики в университете. У меня оказался самый длительный газетный стаж – больше десяти лет. Побывав в должности литературного сотрудника, заместителя редактора, ответственного секретаря и собственного корреспондента центральной газеты по Казахстану, я тоже вернулся на факультет, защитил диссертацию по фельетону и вскоре получил звание доцента – самое распространенное звание в университетах.

Некоторые однокашники шли вверх по служебной лестнице традиционной дорогой – в номенклатуру через «школу» ЦК. Иван Спиваков и Виктор Шляхов, проработав в ЦК КП Казахстана, были назначены на руководящие должности в республиканской печати и на телевидении. Хамит Каржаубаев много лет был корреспондентом «Правды» по Казахстану, а в период «опалы» – корреспондентом в Монголии.

Несколько человек с самого начала ушли в сторону от журналистики. Сергей Федюкин защитил докторскую как историк, по проблемам советской интеллигенции, Канапья Ахметов уже на факультете стал делать партийную карьеру, поднялся до секретаря обкома партии, но потом вернулся в университет, защитил диссертацию по философии, работал проректором КазГУ по учебной работе, а позже – ректором одного из институтов. Са-

мый молодой среди нас – Шакен Елеукинов – он пришел в группу из «школьников», успел за эти годы побывать министром печати и защитил докторскую по филологии.

Все эти люди из одной студенческой группы. Столько лет прошло, вспомнить судьбы всех уже трудно, однако бросается в глаза малый выход профессионалов-журналистов.

В 50-60-е годы – новая волна талантливых выпускников. Автор книги «Танки идут ромбом» Анатолий Ананьев. Повесть впервые была опубликована в «Роман-газете» и так получилось, что журнал мне принесли, когда был у меня в гостях Анатолий, пришлось отдать его счастливому автору. Правда, вскоре он вернул мне такой же со своим автографом. Хорошо проявили себя и как журналисты, и как писатели Геннадий Толмачев, Валерий Буренков и особенно Ануар Алимжанов, объездивший весь белый свет и опубликовавший много интересных книг.

Так же, как Ануар Алимжанов, поднявшийся до вершин государственной власти – он был избран председателем палаты национальностей Верховного Совета СССР, вершин политической карьеры достиг Михаил Полторанин, чья политическая деятельность у всех на виду: он один из лидеров «Выбора России».

В 80-е годы, еще до перестройки, я стал быстро слепнуть, и потребовалась операция в Москве. Семья Полтораниных приютила меня в своей московской квартире, я жил там, окруженный искренней заботой до и после операции. Много было нового в настроениях. Смелость суждений находила отклик, но в то же время вызывала тревогу за судьбу оппозиционеров. Прозрев, вернулся в Алма-Ату и уже по телевизору следил за развитием событий. Воистину профессия журналиста-политика для крепких!

В журналистской и редакторской деятельности хорошо проявляют себя Ким Утеулин, Александр Самойленко, Татьяна Квятковская – результаты их труда сегодня у всех на виду. Из более поздних выпусков, в 70-80-е годы, – Вячеслав Срыбных, Сергей Степанов, Олег Никанов, Виктор Шацких, Олег Червинский, на телевидении – Игорь Денисов, Лариса Коковинец.

Вместе с развитием средств массовой информации появились новые кафедры на факультете.

У истоков было две кафедры: кафедра истории печати, ее и бессменно, до конца дней своих, возглавлял Х.Н. Бекхожин, он же был и первым деканом факультета, и кафедра теории и прак-

тик советской печати во главе с темпераментным А.М. Гринбергом. Его любимую фразу: «Газету надо любить!» – знали и помнили все студенты.

От собственно газетоведения обе кафедры откатились к стыкам наук. Исследования истории печати защищались как исторические работы, а всех жанров публицистики – как литературоведческие с присвоением званий кандидатов и докторов филологических наук.

Х.Н.Бекхожин в тесном содружестве с С.С. Матвиенко создали основы науки об истории печати Казахстана. Их работу продолжили Шолпан Сармурзина, Сагимбай Козыбаев и другие исследователи.

Л.М. Куканов плодотворно исследовал публицистическое творчество В.Г.Короленко, В.И.Усачев – журналистское творчество П.П. Бажова.

Ближе к предмету газетоведения была кафедра теории и практики советской печати. А.М. Гринберг в факультетской типо-лаборатории выпустил первое учебное пособие. Брошюрка в полтора-два печатных листа, с мягкой зеленоватой обложкой называлась «Корреспонденция», в ней рассказывалось о приемах логически стройной разработки темы в жанре корреспонденции.

Лиха беда начало. Прошли десятилетия напряженного труда, и вышли из печати солидные монографии по очерку, фельетону, рецензии, тележанрам – авторы Г.В. Колосов, М.И. Дмитриевский, Ю.А. Крикунов, М.К. Барманкулов; Т.С. Амандосов стал первооткрывателем учения о жанрах публицистики на казахском языке, издал ряд переводных и оригинальных книг. Работы заметили в Союзе. Дважды на базе журфака КазГУ прошли весьма представительные межвузовские конференции по публицистике.

Публицистика как вид литературной деятельности и телепублицистика как вид уже литературно-операторской деятельности существенно различаются. Возникла необходимость создать кафедру телевидения, ее возглавил наш же выпускник, потом профессор М.К.Барманкулов. Во главе кафедры радиовещания стал то же воспитанник журфака – Намазалы Омашев.

В нашем деле нужен талант. Первая ступень развития талант очевидна – вырабатывать умение ясно мыслить, ясно, сжато излагать свои мысли. «Свой», конечно, не в смысле открытия совершенно новых знаний, как открытия химика, экономиста или

близкого журналисту ученого – социолога. Журналист черпает свои знания, концентрирует настроения из общения с людьми, народом чтобы почерпнутое в народе вернуть снова в народ животворным потоком на более высоком уровне сознания.

Но жестоко ошибется тот, кто подумает, что отбор информации такое простое дело, как отсеивание полновесных зерен от легковесных. Во-первых, социальные факты многомерны. Во-вторых, одни и те же факты разными людьми воспринимаются по-разному.

Как остроумно заметил французский перворедактор (еще рукописной газеты) Теофраст Ренадо:

– Мой рассказ о фактах так же, как они, не может нравиться всем!

С развитием политической, экономической, идеологической борьбы в обществе, с развитием демократии и политических свобод средства массовой информации превращаются, вслед за законодательной, исполнительной и судебной властями, в четвертую власть в государстве – силу общественного мнения. Ибо без публичной дискуссии невозможно развитие общественного мнения. Печать его отражает и выражает.

Иной факт теперь настолько не «нравится», что профессия журналиста становится опасной. Чтобы «ясно излагать», надо преодолеть много помех, прямых и косвенных давлений. Можно ли научить преодолевать эти помехи будущих журналистов в университетской аудитории?

В какой-то мере можно, если преподаватель журналистики имеет сам опыт преодоления таких помех. Он может с пользой поделиться своим опытом. Привлечь опыт других.

Примерно так определялся предмет новой дисциплины – журналистское мастерство. Была организована кафедра журналистского мастерства, ее возглавил Т.С. Амандосов, На этой кафедре многие годы трудились мы с Ю.А. Крикуновым, позже пришел В.К. Сова. К сожалению, уходят из жизни ветераны – основатели факультета – один за другим. Т.С. Амандосов был последним из пришедших на факультет в сороковые послевоенные годы. Кафедру возглавил Ю.А. Крикунов.

Представьте временной отрезок; 1946-1995 годы, почти полвека. За это время мне удалось быть наставником отцов и детей.

– Журналист Юрий Кукушкин, его сын Андрей. И тот и другой были моими студентами. Валерий Буренков и Михаил Буренков, Юрий Крикунов и Лена Крикунова, Ким Утеулин и Ирина Утеулина, отец и сын Алимжановы, отец и дочь Гусяровы... Вспоминаешь поколение за поколением и чувствуешь, что ты уже не просто старый учитель журналистики, а, можно сказать, древний! Да и в моей собственной семье вслед за мной учился на факультете сын Василий, а теперь учится внук Андрей.

И все же я не самый древний среди ветеранов факультета, еще жив-здоров Зейнулла Турарбеков, он был учителем журналистики еще в КИЖе, а позже долгие годы жизни проработал на факультете журналистики. Убежденный коммунист, чрезвычайно скромный и простой человек, он ни разу ни словом, ни делом не запятнал и не предал своей веры в социальную справедливость. Думается, идея социальной справедливости жила в веках до марксизма и будет жить, пока живет человечество.

Оглядываясь на пройденный путь, я задаю себе вопрос: что же самое существенное и в журналистике, и в теории журналистики?

Ответ у меня только один: правда! Стремление к полной и откровенной правде, как при дыхании – к свежему, живительному воздуху.

Почему же Владимир Иванович Вернадский в своем дневнике называл газету «Правда» «Кривдой», а советскую прессу лживой, фальшивой и рабской? Как же так получилось? Ведь в журналистику шли люди отстаивать правду, я в этом убеждался тысячу раз ...

Есть фундаментальный закон, он гласит: каково государство – такова и печать.

Коммунистическая партия закрыла глаза и уши, следуя теоретической модели: в крестьянской стране – уничтожить крестьян, сделать их наемными колхозно-совхозными рабочими! Почти все население страны надо было принуждать террором и внушением. Вся «правда» была в решениях Политбюро, пресса их тиражировала .

Ликвидировали крестьян, а кулаков-фермеров переселяли на север, где не сеют и не пашут! Теперь пришли так называемые демократы, по их теоретической модели надо в темпе возродить миллионы фермерских хозяйств. Уцелевшие кулаки возвращаются, а уцелевшие закоренелые «бедняки» жгут их фермы. Ста-

новление истории всегда драматично, тем более на таких крутых поворотах, а самое популярное сегодня средство массовой информации – телевидение – с завидным упорством пропагандирует собачий корм, стоимость которого на уровне черной икры...

Говорят, что у нас настала свобода печати!

Говорят, что Жириновский ловко выступал на телевидении, и потому завоевал популярность, как рабыня Изаура и просто Мария...

Есть второй фундаментальный закон: всю правду знает только народ. Истинно народная печать – это откровенная исповедь народа перед самим собой. Однако народ без мощных общественных организаций и традиций – беззащитная толпа, которую можно дурачить с помощью заклинаний типа «Другой альтернативы нет!»

В правовом демократическом государстве цензура отменена. Хорошо. Принят закон о свободе печати. Еще лучше. Есть в свободных и разных общественных организациях материальные средства. Еще одна свобода от денежного мешка толстосумов. Остается самое трудное – воспитать общество в постоянной готовности ежедневно, ежечасно защищать свободу печати как самую главную политическую свободу в государстве.

Об этом хочется напомнить тем, кто приходит в журналистику после нашего поколения. У вас, дорогие друзья, появилась теперь реальная возможность бороться вместе с обществом за свободную и полную информацию, за то, чтобы печать действительно стала исповедью народа перед самим собой.

Успеха вам в теории и практике журналистики!

* * *

Из книги «Наш адрес – КазГУ» (1984 год) материл назывался «В те грозные дни».

Тот день он будет помнить всю жизнь, как будто все было вчера. Почти год отслужил Михаил Дмитрировский в школе младших командиров в Новосибирске. И тут, в летних лагерях, их часть застала страшная весть о начале войны с гитлеровской сворой. Тогда Михаилу было 19 лет. Часть срочно переформировали. Дмитрировский попал в лыжный истребительный батальон.

Декабрь 1941 года... Мучительные дни отступлений, кровопролитных боев. Сожженные деревни. Кресты, как судорожно

раскинутые руки, бесконечные потоки беженцев. От этой картины горе охватывало каждого. И рождалась решимость стоять насмерть.

Очередной бой. Испытание на мужество, стойкость для Михаила и его однополчан. Речка Зуша служила отличным естественным укреплением для врага. Именно здесь противник рассчитывал кулаком оборонительных укреплений подавить возможную попытку контрнаступления наших войск. Глубокие траншеи, доты преграждали путь. Плюс ко всему колоссальной силы огонь. Но атака была успешной, враг дрогнул, начал отступать. После боя подсчитали потери. В живых осталось всего 37 бойцов. Среди тех, кому повезло, – и Михаил Дмитриевский.

А потом 52-я Донская кавалерийская дивизия. М. Дмитриевского назначают помощником командира взвода. И еще одна памятная веха на его воинском пути – величайшее сталинградское сражение.

Хутор Артемов на реке Чир занят немцами. Их надо во что бы то ни стало оттуда выбить. Исход операции решала только внезапность и точная координация действий. Пробираясь к хутору, чувствовали себя живыми мишенями. Без маскхалатов, а под ногами белеет снег. Вот оно – горнило смерти. В любое мгновение горячий кусочек свинца оборвет нить жизни. Дрались ожесточенно. Дело дошло до рукопашной схватки. Хутор взяли. Михаил был ранен в плечо и в руку. Раненые выходили из боя самостоятельно. Легкораненые помогали товарищам, получившим более тяжелые ранения. Фашисты в это время старались окружить прорвавшуюся вперед часть. Шли ночью. Луна, словно вырезанная из куска бумаги, желтым диском выкатывалась из-за туч и вновь пряталась. Темно, холодно. Курить хочется до невозможности. Опасность подкралась, как всегда, неожиданно. Во время одной из перебежек наткнулись на огромную воронку от авиабомбы. Решили ее обойти. Только вышли на полосу лунного света, как в нескольких шагах прозвучало отрывистое «Хальт»! До сих пор не выцвела в памяти Михаила Ивановича эта встреча с немецким солдатом. Спасла положение память Дмитриевского, сработавшая автоматически. Несколько фраз на немецком отпечатались в голове, как фотография. Он ответил часовому: «Что случилось»? И эти слова прозвучали чуть ли не паролем фрицу:

тот был явно озадачен. Произошла заминка, которой и воспользовались раненые.

А через несколько часов они все разом облегченно вздохнули, когда послышалось грозное, но такое родное: «Стой, кто идет»?»

И вновь бесконечные километры фронтовых дорог. Все явственнее чувствовалось приближение победы. Уже позади осталась Польша. Ожесточенные бои разгорелись на Зееловских высотах. Одну из этих высот брал взвод, которым командовал Михаил Иванович. Бойцы очень устали, у всех ввалившиеся глаза, почерневшие лица. Дмитровский хорошо понимал, что в данный момент многое зависит от него лично. Он не мог упрекнуть себя в трусости, хотя жить, ох, как хотелось. Но в огне брода нет. И командир, вырвавшись вперед, вел взвод в атаку, под смертоносное жужжание пуль. Тяжело ухали артиллерийские разрывы, немолчно били пулеметы. А дальше – провал, как отрезало. Потерял сознание. Пуля прошла навывлет в четырех сантиметрах от сердца.

Потянулись госпитальные дни. Благодаря своему недюжинному здоровью и огромному желанию выжить, Михаил встал на ноги за 21 день.

... И вот, наконец, цитадель германского фашизма – Берлин. Полуразрушенный, поверженный. Возле полевых кухонь советских войск тысячи берлинцев, у которых не видно лиц: одни глаза, угасшие...

Но на этом служба для Михаила Ивановича Дмитровского не закончилась. Только в 1946 году он в звании капитана вернулся в родную Алма-Ату. На груди блестели ордена и медали.

Сейчас Михаил Иванович – известный в республике и за ее пределами журналист. У него уже немало воспитанников, он полон больших творческих замыслов.

Смыслом жизни М.И. Дмитровского стали слова В. Ажаева:

– До самой смерти, пока бьется сердце, ни минуты не стоять на месте, все время двигаться вперед в светлом служении народу.

КОЖАКЕЕВ Темирбек Кожакеевич

С годами начинаешь понимать, что далекое видится лучше, чище, краше. То, что казалось обыденным, рядовым, сейчас, сверяя жизнь со временем и десятилетиями, начинаешь ценить то, что раньше не замечали. Тогда мы просто жили. И так день за днем.

Мое знакомство с Темирбеком Кожакеевичем произошло обычно, как для большинства студентов факультета журналистики КазГУ имени С.М. Кирова. Профессор казахского отделения, где обучалось так много моих друзей, которые рассказывали о нем, и я, как и положено, здоровалась с ним при встречах, как же – это был профессор нашего факультета журналистики.

А факультет в то время считался очень крутым. Здесь учились будущие мастера писательских наук, а на казахском отделении у нас учились уже писатели, которые имели опубликованные книги. Это было нечто! Это был наш тайный восторг и некоторая зависть! И наши амбиции, каждый студент знал, что будет звездой телеэкрана или радио, писателем или известным журналистом! Мечты большинства из них осуществились, а это гордость и счастье для каждого руководителя, студента и родного факультета!

На втором курсе нашей учебы Темирбек Кожакеевич стал деканом. А это означало, что каждый студент не только его знал лично, но и имел счастье (иногда и несчастье!) общаться с деканом!

Сегодня я в стенах КазНУ имени аль-Фараби 47 лет, в моей памяти чередой прошли 11 деканов факультета журналистики. Без сомнения, каждый оставил свой след в развитии факультета журналистики, имеет свой вклад и свой взгляд на журналистское образование. Но одно – бесспорно, стаж деканской работы Кожакеева Т.К. – самый значительный из всех, и руководить ему

Кожакеев Т.К.,
доктор филологических наук,
профессор

пришлось в сложные годы факультетом, и уйти очень громко, никто так не уходил! И вернуться назад на факультет, не смотря на тяжести и горести страшного периода перестройки. Времени, когда были разрушены все идеалы, с которыми мы жили долгие годы, а новых еще не было. Это был период душевной смуты, и некоторой надежды на лучшее. И как это все преобразилось сегодня Темирбек Кожакеевич, увы, не увидел. Он мог бы гордиться успехами в казахском языке, он мог бы продолжать творить и писать свое бесценные труды по журналистике, открывая «белые страницы» неизученного до сих пор нашего прошлого, и так же открыто говорить нелицеприятные вещи всем в лицо. Таких людей, увы, уже нет. Их время прошло! Но их мы будем помнить именно по поступкам, по жизни, по времени...

Став деканом, Т.К. Кожакеев стал наводить жесткий порядок дисциплины, учебы, всей жизни.

Факультет журналистики – творческий, все поэты и писатели, всем досталось от приведения порядка на работе и учебе. Конечно, это не воспринимали, сопротивлялись, а сопротивление у нас на востоке имеет совсем иной характер, чем на западе. И вы понимаете, о чем я говорю.

Будучи студенткой, которая жила не только учебой, научной и общественной жизнью, но и жизнью группы, веселья, задора, молодости, а позже и семейной жизнью, воспитанием маленькой дочери, естественно, мне строгости, как и всем студентам, не нравились. Конечно, открыто сопротивляться никто не мог и не хотел. Правила были строгие: выговор, строгий выговор, исключение из университета, исключение из комсомола и другие меры наказания.

Но на каждое действие было и противодействие. Договаривались как могли. Староста Александр Райш, как мог, всегда прикрывал всех. Поэтому «на ковер», то есть в кабинет декана, попадали члены нашей группы редко. Больше всех доставалось казахскому отделению, потом – «стажникам», а мы – «школьники» – чаще уходили от наказания, хотя не менее всех участвовали во всех проказах, прогулах, всего того, что молодежь называет сегодня «тусовками», но все же мы («школьники») были и более законопослушными. Но предателями никто не был. В то время с этим было строго. Никто никого не сдавал, хотя кому-то и доста-

валось! И больше всех в нашей группе доставалось коммунисту, старосте Саше Райш.

Учеба была разной и требования преподавателей также. Одними «преподами» восхищались, других – откровенно недолюбливали, на занятиях третьих – просто отсиживали пары. В общем, как всегда в любое время на любом факультете шла обычная рабочая жизнь преподавателей и студентов. В кабинет декана особо никто и не стремился. Для студентов обычно это означало наказание, поэтому мы и избегали посещение декана. А в деканат и на кафедру двери были открыты всегда, там мы решая свои немудренные студенческие дела.

Конечно, я была отличницей, общественницей и активистом, и со 2 курса – кандидатом в члены КПСС, поэтому я, если была у декана, то только по общественной работе. А таких людей у нас было не мало. И я считаю, что с нашего курса с казахского отделения самой знаменитой была наш профорг, позже наш председатель профсоюза факультета, коммунист Бибигуль Матенова, которая была значительно старше нас на потоке, и решала многие студенческие проблемы всех без разницы, будь то казахское или русское отделение. Смею заметить, что тогда дружба казахского и русского отделения была очевидной, и это было только лучше для нас всех. До сих пор, встречаясь, казахское отделение приглашает меня на встречи. Русское отделение таким братством и дружескими понятиями, к сожалению, не отличалось всегда, хотя и на русском отделение было половина казахов по национальности, но выросших в городе.

Будучи кандидатом, а потом и членом КПСС, естественно, я была на всех партийных собраниях, где было всего несколько партийных студентов, поэтому видеть преподавательскую жизнь и руководство я могла и там. Поскольку я была самой молодой, то, и, это естественно, всегда писала протоколы. А схватки на партийных собраниях были не шуточные. И много говорилось нелицеприятных вещей по руководству, по партийной работе, по общественной и даже личной жизни. Конечно, протоколы писать было трудно. Разные стороны тщательно проверяли ведение протоколов, и обвиняли меня в неточности, поэтому пришлось изучать скоропись. Но тогда, придя к декану и парторгу доценту Матвиенко С.С. я попросила дать мне другое партийное задание, и меня избавить от нападков некоторых ярых партийцев, которые

меня обвиняли и достаточно громогласно в неправильном ведении протоколов. Конечно, мне строго сказали, что это – партийное задание, и все потом пройдет... Так что времени на ведение протоколов тратилось огромное количество, так как нужно было согласование со всеми и прочее. Но я отлично стала работать со всеми бумагами и научилась канцелярской работе. Это в жизни всегда необходимо. И сегодня я порой удивляюсь дилентализму многих молодых людей, которые не умеют вести бумаги (сегодня это электронный вид документов, это и есть менеджмент).

Еще вспоминаю, когда сдавали медицину, и на мою парту с шумом упала записка, привлекая внимание преподавателей государственных экзаменов (кидающий не рассчитал полет, и шпаргалка упала на мою парту!). Меня, именного стипендиата, выдворили за дверь. Все – пропала! Но надо было обязательно сдать ГЭК, и сегодня, иначе летит «красный диплом» и остаюсь на второй год обучения! Иду с повинной декану. Декан Т.К. Кожакеев пришел на экзамен, ознакомился с положением дел, увидел шпаргалку, написанную не моим почерком, и, главное, и не по моему экзаменационному билету, не стал искать виновных, а предположил, что эта шпаргалка осталась от прошлых групп других факультетов и просто нечаянно выпала из парты. Инцидент был исчерпан. Группа спасена. Понятное дело, парты перед экзаменами проверялись. Но кто пойдет против декана?

Строгость и жесткость дисциплины была очевидной, но уже позже я поняла правильность этой политики декана Т.К. Кожакеева, потому что людей, которые только входят в большую журналистику надо было держать в строгости, воспитывая самодисциплину и строгость к себе, в первую очередь, а кто такое любит? А молодежь этого не понимала, представляя журналистику как вечный праздник. Дисциплина была нужна: иначе не будет никакой журналистики, люди уходили в бесконечные «тусовки», самолюбование и самосозерцание.

Строгая дисциплина, огромный труд и работа над собой, научная и общественная деятельность должны быть у каждого студента. И то, что я достигла больших результатов во всем, и сегодня я с гордостью об этом говорю, есть результат воспитания декана Кожакеева Т.К. и всего профессорско-преподавательского коллектива КазГУ им. С.М. Кирова.

Т.К. Кожакеев в первую очередь был строг к себе, затем к вверенному ему факультету, т.е. к педагогам, методистам, лаборантам и только потом к студентам.

Будучи студенткой, я декана Т.К. Кожакеева недолюбливала, так как считала, что он слишком придирчив и строг. Я думала: «Ну, может быть, он когда-нибудь просто человеком, что он гонит по пустякам, простил бы уже!».

У нас были железные правила: пропустил три дня без уважительной причины, пиши заявление об академическом отпуске. Если кто-то уходит в декрет, вновь заявление. Практически по каждому поводу. Выбора не было. Были жесткие правила, регламентирующие все и вся. Тем не менее, о золотой студенческой жизни я вспоминаю с теплотой и радостью! Как молоды мы были!

Нас на русское отделение в 1971 году поступило 52 человека, в 1976 году получило диплом 24. Вот какие были правила жизни! К слову сказать, все оставшиеся потом восстанавливались и кто по заочной, а кто по очной форме обучения закончил родной факультет. Я, к тому времени, молодой преподаватель обучала своих бывших сокурсников.

Годы прошли... И сейчас с высоты прожитых лет, я думаю, что жестокими по отношению к нему были и мы. Увы, потерявши голову, по волосам не плачут!

Естественно, я пропускала занятия, естественно, надо было всегда отпрашиваться у декана, потом отрабатывать пропуски. Все было. Но и декан, и факультет, да и университет, и весь Казахстан гордился мною. Я была именной стипендиаткой, трижды лауреатом Всесоюзных конкурсов студенческих работ, много ездила в командировки и пр. Но всегда надо понимать то, что раньше как-то не виделось. Без поддержки руководства трудно было осуществить хотя бы поездки за границу в то время, ведь могли бы просто и не отпустить.

Говоря и подчеркивая строгость порядков во времена деканства Т.К. Кожакеева, можно и необходимо подчеркнуть то, что факультет был поднят на небывалую высоту. Мы были первыми или вторыми в социалистическом соревновании среди гуманитарных факультетов университета. И этого достигли во времена Кожакеева, а потом, после него, как и раньше до него, снизили эти показатели.

Гремела художественная самодеятельность, и мы занимали первые и другие призовые места среди всех факультетов по разным жанрам.

По дисциплине мы занимали первое место среди всех факультетов. По учебе первые места всегда. То есть по всем показателям передовые, по сравнению с прошлым и будущим, как выяснилось сейчас. Это связано с феноменом Т.К. Кожакеева. Возможно, чересчур строгого руководителя, а как же иначе с творческими людьми, у которых руководитель всегда «плохой»? И не было коррупции, и других неблагоприятных дел. И снова, потому что руководитель Кожакеев Т.К. Надо было просто хорошо учиться, заниматься наукой, творчеством и общественной деятельностью всем и всегда. Но на это у многих не хватало сил, времени, желания и т.д., поэтому и становился строгим первый руководитель, как всегда, в своем глазу бревна не видим, а в чужом соринки считаем.

За неординарные успехи впервые в истории факультета меня оставляют на факультете преподавателем. Раньше можно было прийти работать преподавателем, но нужно было иметь большой стаж практической работы и, лучше всего, научную степень. Распределяет нас, единственных специалистов по всей стране, ЦК КП Компартии Казахстана. Мое направление не нравится всем, в том числе и декану.

Закончив с красным дипломом, меня, первую в истории факультета, оставляют в университете на работу. Т.К. Кожакеев отнесся к этому спокойно. Тогда я не знала, что он думал, что меня оставляют на какую-нибудь общественную работу.

1 сентября 1976 года, я вышла на работу, как оказалось, преподавательских мест для меня нет. Меня направляют секретарем в приемную парткома к Кузнецову Е.А.

Целый день я промучилась, не зная фамилий и телефонов, которые мне говорил Евгений Александрович по селектору, даже слыша фамилию, я с испугу не могла найти его телефон, потому что не знала, где искать и кто он такой. Сразу же получила несколько нагоняев из уст Кузнецова. Измученная донельзя только одним днем работы, я вечером, выходя из приемной с работы, увидела много людей, ожидающих в приемной ректора Умирбека Арислановича Джолдасбекова. Я пошла в приемную. И, о, чудо, меня записали на прием в числе последних.

После семи часов я зашла к ректору и рассказала, что я – отличница, была оставлена на преподавательскую работу, но меня направили в приемную секретаря парткома работать.

Умирбек Арисланович спросил, и чем же я недовольна, осталась работать в университете, в Алма-Ате, когда другие направились в аулы и районы.

Я резонно ответила, что как коммунист не считаю правильным нарушать решение ЦК КП Компартии Казахстана направление преподавателем на факультет журналистики на секретарскую должность.

Джолдасбеков спросил, а чем секретарская должность хуже, ведь и здесь сидят люди с высшим образованием. А у меня ведь нет стажа, поработайте, потом посмотрим.

Я снова ответила, что это также я считаю неправильно, ведь я закончила лучший на свете университет и с отличием, и работать секретарем, это неправильное распределение ресурсов.

Помолчав, ректор попросил по селектору своего секретаря найти Кожакеева. Шел восьмой час вечера, его нашли уже дома, соединили по телефону. Ректор спросил, как у него дела, и попросил снова приехать на работу. Потом сказал мне выйти и ждать результата.

Пока Кожакеев Т.К. ехал на работу, а это было недалеко, у него была машина «Волга», и жил он всего в нескольких кварталах на Ленина в домах, прозванных в народе «Три богатыря». Напомню, КазГУ находился тогда на Кирова- Панфилова.

А я, сидя, в приемной сильно переживала за свой поступок, нещадно про себя ругая себя, что же я наделала. Кожакеев, вероятно, недовольный, едет из дома вечером на работу по моей жалобе, ой, что же мне будет? Ректор в то время принимал остальных записавшихся на прием.

Зайдя в приемную Т.К. Кожакеев, увидел меня и сразу понял, в чем дело. Я снова с ним поздоровалась, он что-то буркнул. Он немного подождал, когда выйдет очередной записавшийся на прием, потом сразу же зашел к ректору. Немного там побыл. Потом вышел, глянул на меня и сказал, чтобы я завтра к 9.00. была у него в кабинете, развернулся и ушел.

Я не знала все-же как был решен вопрос, но секретарь ректора Галя, сказала, что, скорее всего, все хорошо, завтра приходи к Кожакееву Т.К.

Конечно, ректор меня как отличницу и активистку знал. Однако понятное дело, и ректор знает своих лучших студентов, и это не означает, что я права или должна «качать» какие-то свои права.

Всю ночь промаялась, в половине девятого я уже сидела в приемной Кожакеева, со страхом ожидая, что же будет.

Так началась моя работа на факультете журналистики КазГУ. 1 сентября 2018 года у меня будет – 42 года преподавательской работы в родном университете.

Вот тогда-то и началась моя совсем не сладкая жизнь! И как я завидовала легкомысленной жизни студентов! Все, что можно было поручить, поручали только мне. Дежурство в общежитии до 24.00. – Ахметова. Сразу же потом в 8.00. – занятия – Ахметовой. Последняя пара у вечерников – заочников, которая заканчивалась в 21.50, – Ахметова.

Попробуй, не сделай! Получив два выговора и написав две объяснительные, только за первый год работы, я всерьез подумывала о сложности производственной деятельности.

К слову сказать, что декан «гонял» меня нещадно. От зари до темна практически я работала. Все выходные на дежурстве в общежитии, на мероприятиях, все время на работе, имея маленькую дочь на руках. Однако снова и снова я вспоминаю тот факт, что никогда Темирбек Кожакеевич мне не сказал, что я все-таки пошла жаловаться на него. Конечно, мне пришлось очень трудно. И снова с годами преподавательской деятельности я поняла, что, во-первых, все испытания декана я молча и на отлично выполнила, и, во-вторых, я зарекомендовала себя хорошим не только преподавателем, но и общественным деятелем, работала на благо и процветание факультета, а это значит и университета в целом.

Постепенно декан оттаял. И отношение ко мне все же изменилось немного в лучшую сторону. Это не означало, что можно было не прийти на работу или опоздать куда-нибудь. Для меня работа начиналась с 8 часов и иногда до 24.00. в зависимости от того, были ли мероприятия со студентами или нет. Не прийти хоть один день на работу, об этом нельзя было даже подумать, хотя другие преподаватели могли себе позволить ходить на работу только на занятия и на собрания. Но все они были старше меня, имели стаж работы и прочее.

Сейчас я это вспоминаю, как замечательные годы общения и дружбы со многими светилами всего университета. И знаю, что благодаря этой требовательности Темирбека Кожакеевича я так многих узнала, я дружила со цветом нации того времени! И это было здорово!

Т.К. Кожакееву нравились работяги, исполнительные и инициативные люди. Наступил момент, когда я поняла, что гоняет он не только меня, а всех. Когда надо он вставал горой за работников, но его требовательность, иногда переходила границы, заставляла всегда быть в напряжении, поэтому его многие недолюбливали.

Парадокс, требовательность была необходимым условием в советское время, иначе большинство бы просто не работало, а отбывало время на производстве. Она же являлась источником напряжений и неудовольствий коллектива.

Уже тогда – в молодые преподавательские годы – я поняла требовательность Т.К. Кожакеева была не случайной. Благодаря этому наш факультет был всегда самым лучшим или лучшим среди лучших.

Без требовательности декана Т.К. Кожакеева это было невозможно. И только будучи молодым преподавателем, столкнувшись с реалиями жизни, я поняла справедливость его суждений, точность его действий, правильность его шагов.

Набив синяков и шишек, находясь в его команде, не имея за это никаких льгот и привилегий, становишься его единомышленником, несмотря на его взгляды и неоднозначность суждений.

– Я Вам не агай, а Темирбек Кожакеевич, – говорил он студентам казахского отделения, дистанцируясь от них, подчеркивал: «Агай – это дома у себя говорите, а здесь в кабинете – по имени-отчеству».

Т.К. Кожакеева помнят все студенты и сейчас, думая о правильности и твердости шагов декана в те годы.

Наши отношения наладились, когда я увидела и прочувствовала правильность действий, будучи уже преподавателем, мы даже подружились, когда я стала председателем профсоюза студентов.

Через год я поступила в очную аспирантуру, затем была избрана председателем профсоюза студентов. И снова новый виток работы с деканом Темирбеком Кожакеевичем. Он стал для меня

советчиком по многим вопросам, и здорово меня поддерживал на этом поприще.

В 1978 году я решила провести айтыс студентов. К кому обратиться мне, русскоязычному человеку? Конечно же, на родной факультет журналистики.

Т.К. Кожакеев удивился просьбе и неожиданно сразу же согласился. Практически он все сам организовал. За мной была организация студентов всех факультетов университета и приглашение студентов других вузов города Алматы. Он стал председателем жюри и организатором всего процесса проведения айтыса. Конечно, студенческий профсоюз сделал подарки: чисто символические, как наши символические взносы в профсоюз. А Темирбек Кожакеевич сделал еще и свои собственные подарки. Он подарил камзолы девушкам, а парням одел чапаны за искусство айтыса. В то время это были просто царские подарки. Я с ностальгией смотрю на фотографии с айтыса. Как молоды мы были! А как строг он был, Темирбек Кожакеевич, главный судья айтыса. В сердце КазГУграда на зеленой лужайке дотемна не смолкали задорные песни студентов! Какое было время!

Неожиданная болезнь и смерть любимой дочери-красавицы подкосила Т.К. Кожакеева. Я видела, он стал другим. Целый год он верил и надеялся в чудо, что дочь выздоровеет. Вызывал московскую профессуру, сдавал кровь, холил и лелеял свою гордость и надежду. Получив диплом об окончании вуза, дочь угасла на руках скорбящего отца. Море людей и море цветов на похоронах.

Темирбек Кожакеевич как-то сник, горе придавило его. Семья на долгие годы перестала устраивать праздники, не отмечали юбилеи. Все Кожакеевы стали жить как-то по-другому. А сам Железный Кожакеев стал мягче, изменил некоторые взгляды, несколько по-другому стал относиться к студентам, молодежи. Почему-то в этот период мы стали больше понимать друг друга, стали терпимее к взглядам. Мне стало намного легче работать с ним, а некоторые поступки и действия его просто ошеломляли.

Размышляя об этом феномене сегодня, я думаю, что именно в тот момент мы стали друзьями, изменились отношения: студент-декан, преподаватель-декан. Мы стали говорить на разные темы, иногда подшучивать друг над другом. И я явно чувствовала равенство друг друга. Здесь не было отношений старшего-младше-

го, начальника-подчиненного, мужчины-женщины, здесь были дружеские, товарищеские отношения. Впрочем, что свойственно старшим мужчинам, любящим подкалывать женщин, когда видят, что на них обращают внимание другие, он часто иронизировал по этому поводу, вводя меня в краску. Я знала всегда, что на факультете журналистики у меня есть хороший товарищ и друг.

Судьбе было угодно распорядиться так, что однажды сентябрьским днем мы оказались летящими семьями в самолете на Кавказские Минеральные воды. В Актюбинске наш самолет задержали на долгие шесть часов. К Кожакеевым приехали знакомые. Уехать куда-нибудь не могли, так как рейс откладывали каждые два часа, поэтому были недалеко от аэропорта, но в очень чудном месте. Для Кожакеева и в мыслях не было, не позвать мою семью. Отдыхали вместе прекрасно. Вот с этого момента и началась моя дружба с Азат-апой.

Выяснилось, что моя семья и Азат-апа будем отдыхать вместе в Железноводске, но только в разных санаториях, а Темирбек Кожакеевич и Мадет едут дальше. Здесь открывается новая черта Кожакеева. Я знала, что долгие годы он искал могилу погибшего на фронтах Великой Отечественной войны брата. И, наконец, он нашел ее в какой-то далекой деревушке. Получив отпуск, взяв горсть земли со своей меркенской родины, взяв своего сына Мадета для продолжения традиций и преемственности поколений, он поехал на встречу с братом, пролежавшем долгие тридцать с лишним лет в братской могиле советских воинов и давно не встречавшем своих родных.

Мы с Азат-апой прекрасно отдохнули в Железноводске. Ездили на экскурсии, лечились. Привезли огромное количество фотографий. Однако Азат-апа впервые отдыхала без мужа, и мне однажды сказала, что сильно скучает, и больше никогда не будет отдыхать без него. То, что они были счастливы вместе, было очевидным, и ярким проявлением их чувств было удивительное сочетание твердости характера мужа и мягкости, доброты жены.

Наступил 1986 год. Я уже год была рядовым доцентом. Полгода сидела в декретном отпуске по уходу за второй дочерью. В это время обычно забывают о человеке, ушел и ушел.

После трагических декабрьских событий 1986 года общество разделилось на две части: участники и наблюдающие за процес-

сом. Была еще и третья сторона: те, кто наказывал по собственной воле или по долгу службы.

В КазГУ было сделано многое несправедливо. Подняли головы те, кто хотел и кинул камень вдогонку тех, кого уволили с «волчьим билетом», посадили, изгнали из рядов партии и так далее.

Попал под жернова репрессий и Т.К. Кожакеев.

Хорошо, что он оставил воспоминания, и даже во втором томе воспоминаний декабристов, сумел опубликовать, где беспристрастно, как будто речь идет и не о нем, Кожакеев описывает факты, точно, ясно, по времени. Да и не только об этом времени, но и много позже в отношении него и других на факультете журналистики, и, в целом, в университете будет написано немало книг и воспоминаний, как историк, я это знаю.

Кожакееву повезло. Через пять долгих лет он был реабилитирован. Вернулся в университет. Осторожный факультет журналистики его сначала не принял. Зато взяли на полставки коллеги филологического факультета, и это – правда жизни. Позже он снова перейдет на факультет журналистики и будет яростно критиковать дела руководителей и разных структур, которые были заняты своим обогащением. Что ж, особняками и другим богатством те, которых он критиковал, обзавелись, но так и ушли в небытие... А имя и труды Кожакеева остались. Стали проводиться молодежные мероприятия в его честь, научные конференции, имеется зал Ученого Совета факультета имени Т.К. Кожакеева. Правда всегда восторжествует. Правда, не всегда вовремя, но все равно вернется на круги своя, так и будет.

И сегодня замечательные дети, внуки и уже правнуки в семье Кожакеевых должны знать стойкость и мужество отца, деда, прадеда, который в минуты тяжелейших испытаний остался верен правде жизни, порядочности, профессионализму, был критичен к себе и строг к другим, остался в людской памяти деканом и лучшим руководителем факультета!

... Каждый год на первом занятии, когда я встречаюсь с новой группой на факультете журналистики, я посвящаю рассказ истории, традициям и обычаям Казахского национального университета им. аль-Фараби, факультета журналистики, кафедры ЮНЕСКО, международной журналистики и медиа в обществе.

Я имею на это право, ведь вся моя сознательная жизнь принадлежит КазНУ им. аль-Фараби, а это началось с 1971 года, когда после окончания алма-атинской школы №36 я поступила на факультет журналистики.

Мой рассказ об университете посвящаю У.А. Джолдасбекову, ректору, построившему КазГУград. Мой рассказ о факультете журналистики я посвящаю Т.К. Кожакееву, моему декану и непосредственному начальнику. Я рассказываю об их трудных и по-своему счастливых судьбах. Трудных потому, что были они людьми долга и чести, не предавали и не продавали, заботились о подрастающем поколении, искренне верили в будущее университета и страны, все силы отдавали на благо, на процветание вверенных им университета и факультета. Именно за искренность чувств, борьбу за справедливость, за свою репутацию и имидж университета они много страдали, их предавали и продавали, подставляли, исключали, выгоняли, всячески притесняли.

Счастливы они потому, что при их жизни правда восторжествовала, что они видели суверенную страну, процветание университета, новых студентов. Счастливы потому, что всегда их поддерживал крепкий семейный тыл, переживший вместе с ними все катаклизмы и невзгоды. Счастливы потому, что с теплотой и любовью о них вспоминают самые разные поколения студентов – выпускников, товарищей, друзей, коллег...

Мой рассказ о Т.К. Кожакееве начинается с 1986 года, тяжелого и страшного года для всего Казахстана. Декабрьские события тяжелой ношей легли в сердца каждого жителя республики, задели чувства и душу, обидели, оскорбили, сделали из процветающих в жизни людей изгоями, выкинули из общественной жизни. И это надо было пережить.

На Западе архивы открываются через 50 лет после каких-либо событий. Считается, что тогда беспристрастно могут историки оценить происходившее ранее. Но материалы, воспоминания очевидцев и участников собираются сразу же. Хорошо, что Т.К. Кожакеев оставил свои статьи об этом времени, однако, читая их, видишь, что в силу разных причин, в том числе и безопасности, не все названо, не все сказано...

Описывая события 1986 года и участие студентов университета, я рассказываю о последствиях для студентов и руководства КазГУ. Я помню, как с болью в сердце читала «подвал» на

две страницы в газете «Правда» «За что исключен из партии У.А. Джолдасбеков» и через несколько дней «подвал» на двух страницах «Казахстанской правды» – «За что исключен из партии Т.К. Кожакеев».

Холодный ветер 1937 года повеял в степи Казахстана после этих статей. Генетическая память передала нам страхи отцов и дедов. Мы знали, что за этим стоит. Как горько и обидно было сознавать, что в очередной раз нас обманули, как больно было знать, что нельзя верить в высокопарные речи правителей. Гласность, перестройка, изменение жизни к лучшему, свобода слова, мысли, передвижений, – все это оказалось в очередной раз «пустышкой», ложью и злонамеренными действиями. Вдвойне было больно поколению «шестидесятников», пережившим период оттепели. Им стало ясно, что страна не сможет развиваться дальше в таком русле. Разочарование было у молодежи – «восьмидесятников», которые искренне поверили и оказались исключенными из комсомола и университета, обиженными и поверженными только за то, что поверили в то, что гласность и перестройка – это навсегда, это их и наша жизнь.

Я – «семидесятница». И помню чувства обмана и горечи, ощущения того, что нельзя верить власти. Тогда я, пожалуй, впервые четко осознала, что такое политика двойных стандартов.

Т.К. Кожакеев – один из ведущих руководителей первого вуза республики, был исключен из партии и отправлен на пенсию, хотя ему оставался еще год до пенсии. Ничего ему за это не платили. И он оказался без средств.

Дети за отца не отвечают, – знаменитое изречение И. Сталина, с гордостью произносилось всегда в стране Советов. Но слова и поступки расходились в реальности, как в далекие 30-е и 50-е годы, так и в 80-е годы в Казахстане.

Сын Мадет был изгнан из аспирантуры.

Семья жила скромно, на небольшую зарплату жены Азатапай, издательского рядового работника.

Темир – означает железо. Железный бек Кожакеев не сломился, не согнулся, это было не в его характере, ведь не случайно дается Всевышним такое имя. Каждый день, как на работу, ходил Темирбек Кожакеевич в архивы и библиотеки. Писал много. Писал «в стол».

... Возвращаюсь в далекие последекабрьские события 1986 года. Ученики не бросили своего учителя. Где-то под псевдонимом, где-то под чужими фамилиями публиковали статьи Т.К. Кожакеева, который, став, свободным от работы, организационной кропотливой и как выяснилось, неблагодарной, в архивах и библиотеках самореализовался, как трибун, публицист, историк, сатирик, писатель, политолог. Открытые в то время архивы для Т.К. Кожакеева были Клондайком, неизведанным миром далеких дней. Он писал взахлеб, творчески, открывая все новые и новые имена. За 5 лет – 17 книг. Кто может похвалиться такой продуктивностью? И все книги – новые явления, эпохальные события, реабилитированные имена, неизвестные страницы истории Казахстана.

В трудные минуты жизни человек ведет себя по-разному. А если такой период длится долгие пять лет? Когда прекратились звонки, с тобой не разговаривают, не здороваются, ты вычеркнут из жизни общества. Как не сломаться?

Железный Кожакеев выбрал путь истины. Через реабилитацию других, воссоздание событий, нового взгляда на старую историю, открытие белых пятен и забытых имен. Что может быть благороднее такого поступка? Это не только ради журналистики, это во имя страны. Вот настоящий патриотизм. Вот он – истинный Кожакеев!

Я верю в Высший разум, который помогает и оберегает меня всю жизнь. Мне повезло во многом, в том числе я горжусь тем, что всегда остаюсь такой, какая есть. Все эти события присутствовали во мне, в чем-то я принимала участие, и это отдельная история. Но главное, я не принимала участие ни в каких гонениях, не предавала, не продавала. И это Кожакеев знал.

В том же 1991 году, через несколько месяцев после выхода на работу Кожакеева, я появляюсь на работе после пятилетнего отсутствия (рождение двух детей). Период отсутствия – 1986-1991 г.г. – тот же, поэтому со мной, на всякий случай, никто не общается. Впрочем, как и с Кожакеевым. Судьба нас вновь объединяет.

Помню последние в жизни всех партийные собрания, заседания Ученого совета факультета, битком набитые аудитории людей, сидящих втроем, мы с Кожакеевым сидим вместе, а вокруг пустота... Я говорю: «Мы с Вами в положении прокаженных»... Действительно, это так и было. На всякий случай, умудренный

горьким опытом, народ нас сторонился. Почему мы на работе, никто толком не знал... И лучше быть подальше от таких людей. Каждому не объяснишь: «Не виноватая я...». Да и стоит ли оправдываться...

Это была особая дружба. Одиночество в толпе. Мы с ним такие разные, и объединены общим осознанием истории прошлого.

Он звал меня на свои лекции, я – на свои. Вместе мы сверяли курс, правильно ли идем. На его занятиях я с удивлением обнаруживала совсем взрослых людей, незнакомых мне и т.д. На мой вопрос, Т.К. Кожакеев ответил: «Это приходят те, которые были студентами в то время, когда я не работал, хотят меня послушать. Я им разрешаю...»

Представляете, какой педагог может похвалиться тем, что выпускники уже получившие диплом, пришли послушать твою лекцию просто так?

Сидим вновь вместе на Ученом совете, я, как женщина, горестно говорю, что вот скоро 40 лет. А он вздыхает: «Ляйля, это же лучшие годы! Как ты не понимаешь!».

Его не любили многие. Боялись. Не перечили ему. Делали все втихоря. Как я всегда отмечаю: «Ударом ножа в спину». Всегда выступал с критикой на Ученом совете. И все молчали, никто не опровергал, боясь, вызвать очередной огонь на себя. Все мы – люди, недостатки есть у всех.

Однажды я не выдержала. В очередной раз он критикует постановку обучения на казахском отделении. Называет конкретные имена педагогов, студентов. Я выступила уважительно: «Почему Вы все время их критикуете, неужели нет проблем на русском отделении, а все только на казахском?»

Факультет замер. Он вновь вышел на трибуну. Все ждали моего разгрома, разбора моих ошибок в работе, что угодно, но не того, что произошло. Темирбек Кожакеевич вполне миролюбиво сказал: «Ляйля, я критикую не от того, что мне делать нечего. Просто постановка обучения на казахском отделении значительно ниже, чем на русском...».

Железный Кожакеев жил праведной жизнью на факультете. Он искренне хотел лучшего. Его не любили не профессионалы, те, кто не хотел работать, кто не работал над собой, для кого студенты были просто людьми, которые должны были их слушать-

ся, подчиняться, только потому, что они были преподавателями, что они были на статус их выше.

Я не боготворю Кожакеева. Он был человеком со своими ошибками, были у него и свои слабости. Он не умел прощать. От этого страдал. Но он был руководителем от Бога и в жестокой тоталитарной системе состоялся, как педагог, профессор, декан, прекрасный семьянин, оратор, сатирик, писатель, человек, который не поступался принципами. И жизнь его за это была. Но он оставался таким же упрямым, строгим, честным, стремящимся идти всегда вперед, всегда в ногу со временем.

Наступало время его юбилея. Когда он был деканом, в декабре хоровод поздравляющих появлялся задолго до его дня рождения. А тут юбилей и ничего.

Мы продолжаем быть прокаженными на родном факультете. И обсуждаем с ним юбилей. Я уже отмечала, что долгие годы семья Кожакеевых не праздновала никаких событий. Смерть дочери сильно их подкосила. Кожакеев пересмотрел свои взгляды, стал мягче, терпеливее. После события 1986 года ему вновь пришлось собраться в жесткий кулак, и быть тем, кем он был долгие годы. Он выдержал пять лет прессинга и был тем же железным Кожакеевым, непримиримым к чинопоклонению, почитанию за должность, а не за человеческие качества.

Семья Кожакеевых приняла решение впервые после смерти дочери пригласить гостей. Я знала об этом и предложила Т.К. Кожакееву пригласить весь факультет. Как он вспыхнул от гнева! Как он горячо начал говорить мне, высказывая свои наболевшие страдания и мысли, который вынужден был прятать, работая и находясь вместе с предателями, трусами и его недоброжелателями. Называл фамилии, поступки, с горячей нетерпимостью и неодобрением! Впервые мы говорили так открыто, впервые я видела Кожакеева таким помнящим и не прощающим. Это была боль души, незаживающая рана человека, мужественного, стойкого борца за справедливость. Он не умел прощать, и ему было от этого вдвойне-втройне труднее.

Выслушав поток горечи и боли, я убежденно стала доказывать свои взгляды:

- Это повод для примирения.
- Он не хотел мириться.
- Но это жизнь. И это надо сделать.

– Предателей не прощают.

Он сделал это. Не важно, почему он так решил. Но весь факультет был приглашен в зал приемов Республиканского Дворца школьников, где был большой той в честь большого душой человека. Случилось невероятное, чему свидетелем была я, факультет, получив приглашение, был ошеломлен. И началось великое примирение. Никто не хотел с черной душой идти на праздник. До юбилея, как только он появлялся на факультете, к нему шли и шли люди: «Агай, простите...». Что творилось в его душе, я не знаю. Но это было...

Т.К. Кожакеева предали дважды. В далеком 1986 году и в 90-е годы. В начале 90-х годов вышел второй том воспоминаний участников и ответивших за события людей, в котором он резко, но все же осторожно, описал, что было с ним. Это можно прочитать, узнать...

Критику Т.К. Кожакеева во второй половине 90-х годов не признавали и не принимали. Шла настоящая борьба. Меня, как председателя профсоюза и друга Т.К. Кожакеева, постоянно пытались вовлечь в это дело. Но не Кожакеев хотел этого, руководство обязывало. Однажды на собрании я выступила для всех: «Декан Кожакеев – прекрасный декан эпохи Союза. Мы были первыми всегда и во всем: в учебе, дисциплине, труде и т.д. И это его заслуга. Но настали новые времена. Появились новые деканы. Это их время». Я заняла центристскую позицию. Ни в каких делах не участвовала, никогда я не говорила плохо о Т.К. Кожакееве, но и не встала рядом плечом к плечу.

С факультета он ушел сам. Гордый, непобежденный, непонятый. Навсегда...

Простите, учитель...

КРИКУНОВ Юрий Алексеевич

В семье Юрия Алексеевича – все журналисты: жена Нинель Александровна Рекина, проработавшая всю жизнь на Казахском радио, и дочь Елена. Юрий Алексеевич был моим учителем, а я была педагогом у его дочери, с которой позже мы много общались по самым разным вопросам.

У них был частный дом в «компоте» (так называется восточная сторона города, где находились улицы Грушевая, Яблочная и др.) с небольшим ухоженным садиком, с постоянно цветущими цветами и разными растениями, названия которых я в большинстве своем не знала. На участке жили не только собаки и кошки, но самые разные мелкие животные, целый зоопарк! Красота была неописуемая! Я всегда этим восхищалась и удивлялась ухоженности сада, представляя, какой это огромный труд всей семьи!

Я долгие годы общалась с семьей и с ним самим, знала привычки Юрия Алексеевича, любовь к собакам и животным, которые переняла его дочь. Знала, что каждое раннее утро Юрий Алексеевич ходил во многокилометровые походы с собакой, давая ей возможность больших пробежек.

Он был требовательным педагогом, ко всем всегда обращался исключительно на Вы, работая со студентами и преподавателями, был всегда вежлив и точен во всем. С ним нельзя было как-то быть разгильдяем, он просто этого бы не допустил. Однако можно было всегда рассчитывать на его помощь и дружескую поддержку.

Крикунов Юрий Алексеевич – родился 26 сентября 1933 года в городе Алма-Ате. В 1956 году после окончания отделения жур-

Крикунов Ю.А.,
кандидат филологических наук,
доцент

налистики филологического факультета КазГУ был направлен на работу в редакцию газеты «Правда Южного Казахстана» в Шымкенте, затем в журнал «Народное хозяйство Казахстана».

С 1960 по 1995 годы Юрий Алексеевич работает на факультете журналистики КазГУ: старшим преподавателем, доцентом, заведующим кафедрой, профессором, деканом. Он прошел все ступени преподавательской работы: от ассистента до профессора, декана на одном факультете. Занимался общественной работой, был секретарем партбюро факультета и председателем профбюро, членом местного и партийного комитета университета. Работал в приемной комиссии. Выезжал на практику со студентами, выезжал на сельско-хозяйственные работы во главе студентов в Алма-Атинскую и Кустанайскую области.

Мы познакомились с ним в конце 1971 года, когда я училась только на первом курсе факультета журналистики. В то время мы знали в лицо каждого преподавателя факультета, так как их было совсем немного на казахском и русском отделениях. Да и мы просто всегда были вместе, никогда не отделяли, на каком ты учишься отделении. А преподавать Юрий Алексеевич у нас начал на втором курсе.

Юрий Алексеевич – очень внимательный человек, вежлив, спокоен. Видит в студенте прежде всего личность, пусть даже иногда и безалаберную, но личность, именно человека. Много времени посвящает общественной работе. Тогда я как-то не задумывалась об этом, но могу с точностью сказать о том, что все преподаватели отдавали огромное количество времени общественной работе, и это было как бы обязательной составляющей в работе в университете. Даже в отчетах раньше писали: учебная, методическая, научная и воспитательная деятельность, причем все составляющие были необходимыми. Надо всем направлениям уделять определенное количество времени. Но главное – учеба студентов. В то время опубликовать научную работу было чрезвычайно сложно. Возможно и поэтому больше перекоп был в сторону воспитания студентов и общественной жизни. Тем не менее, Юрий Алексеевич состоялся как ученый, исследователь, который мог публиковаться даже в научных изданиях МГУ, чем мы все чрезвычайно гордились, вот такие наши учителя!

В 1967 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Проблема характера в современном очерке», является авто-

ром монографий «Сила газетного слова» (1980), «Подсказано жизнью» (1984), «Истина только одна» (1988), «Тебе, юнкор!» (1966); учебных пособий «Проблема характера в очерке» (1966), «Полвека в пути» (1969), «Рецензия в газете» (1975), «Главное призвание» (1979), «Психологические основы результативности устной и печатной пропаганды» (1983), «Моральная тема в газете» (1984), «Игровые задания по журналистике для студентов-иностранцев» (1989); методического пособия «Предварительная защита дипломных работ» (1990). Им опубликовано свыше 60 научных работ, 4 монографии, 5 учебно-методических пособий.

В области учебной работы всем преподавателям надо было много и упорно трудиться, так как учебной и методической литературы по журналистике было чрезвычайно мало. Законодателем выступали только два университета страны – МГУ и ЛГУ (Ленинградский государственный университет), и нашему факультету журналистики всегда надо было идти в ногу со временем и знать работы, опубликованные в Москве и Ленинграде, что наши преподаватели и знали, в том числе и Юрий Алексеевич. Буквально через пять лет он этому искусству обучал и меня, молодого преподавателя, как достать литературу, которой просто в Казахстане нет.

Юрий Алексеевич Крикунов разработал и читал следующие лекционные курсы: «Освещение в печати, на радио и телевидении вопросов культуры, быта», «Литературно-художественная критика в печати», «СМИП и проблемы литературы и искусства», «Вопросы народного образования, нравственного воспитания, науки и техники в печати, на радио, на телевидении» и другие; спецкурсы «Проблемы современного очерка», «Вопросы здравоохранения в печати», «Проблемы психологии творчества журналиста и результативности печати», «Рецензия в газете».

В течение пяти лет Ю.А. Крикунов являлся главным редактором многотиражной газеты «Казахский университет», возглавлял методическое бюро факультета журналистики. В 1984 году за заслуги в области высшего образования СССР Ю.А. Крикунов награжден нагрудным значком «За отличные успехи в работе», приказом ректора университета неоднократно объявлялись благодарности. Юрий Алексеевич был награжден медалями «Ветеран труда» (1985 г.) и «За доблестный труд» в ознаменовании 100-летия со дня рождения В.И. Ленина.

Всю творческую биографию Ю. А. Крикунов являлся одним из активных членов Союза журналистов Казахстана. В течение ряда лет руководил секцией литературно-художественной критики. Постоянно участвовал в теоретических семинарах и научно-практических конференциях, проводимых Союзом журналистов совместно с Казахским Государственным Университетом. Заслуживает внимания работа Ю.А. Крикунова, направленная на обобщение опыта редакционных коллективов газет «Огней Алатау», «Жетісу», «Ленинская Смена», «Ленин кичи», «Учитель Казахстана», «Дружные ребята». Результатом явились аналитические статьи, опубликованные на страницах центрального журнала «Журналист». Монография Ю.А. Крикунова «Истина только одна» в 1989 году была удостоена премии Союза журналистов Казахстана. В 1992 году за плодотворную и педагогическую деятельность Крикунову Ю.А. присвоено звание профессора. С 1990 – заведующий кафедрой журналистского мастерства и литературного редактирования. В 1993-1995 – декан факультета журналистики КазНУ им. аль-Фараби.

Летом 1994 года скончался пенсионер, бывший старший преподаватель по фотоделу Юрий Константинович Редкин, который учился на отделении журналистики филологического факультета с 1945 по 1950 годы, потом работал фотокорреспондентом в разных изданиях СМИ, в КазТАГе, затем долгие годы преподавал не одному поколению студентов, в том числе и мне, сложное искусство фотографии. Как-то оказалось так, что никого из факультета во время отпуска не оказалось в городе. В Алматы оказались только мы вдвоем: Юрий Алексеевич – декан, и я – председатель профсоюза преподавателей и сотрудников КазНУ имени аль-Фараби. Мы приехали вдвоем на улицу Манаса, ниже проспекта Абая, где жил Ю.К. Редкин. Обычная пятиэтажка, второй этаж. Людей на похоронах было мало. Мы едем на кладбище. Как-то оказалось, что и рабочих там не оказалось. Юрий Алексеевич и кто-то еще делали практически все там сами. Были в могиле и принимали гроб, закапывали, постояли минутку в молчании. Потом мы долго искали колонку, чтобы помыть хотя бы руки и обувь. Поехали на работу, потому что ждали абитуриенты. Я вспоминаю такие детали именно потому, что, если надо, то надо делать. Неважно, как ты потом будешь выглядеть. Надо было до-

стойно похоронить товарища, с которым долгие годы работал на факультете, и он это сделал.

Мы много потом вместе занимались архивом Юрия Константиновича Редкина, который теперь хранится в Центральном государственном кино-фото-видеоархиве.

Когда Юрий Алексеевич был деканом, мы действительно очень много работали рука об руку. Может, потому что были всегда вместе на разных собраниях и заседаниях, может, потому что были товарищами по духу.

В начале 1995 года вдруг я узнаю о том, что Юрий Алексеевич хочет уходить с деканства. Сначала я очень этому удивилась и пошла к нему в кабинет узнать, почему? Просто так сами обычно люди не уходят.

Он объяснил: возраст и самое главное то, что на факультете журналистики должен быть декан, знающий казахский язык в совершенстве. Надо давать дорогу молодым и казахам.

Я спросила, а как же Вы? И он мне рассказал о том, что работает над проектом ЮНЕСКО, будет открываться кафедра – не учебная, а научная. Такое было впервые на факультете журналистики и в университете! Он этой темой воодушевлен и хочет работать там. Планы были громадные и отличными, совершенно новое направление на нашем факультете. И Юрий Алексеевич сделал все, чтобы была открыта научная кафедра ЮНЕСКО по журналистике и коммуникации.

И вдруг внезапная смерть Ю.А. Крикунова, которая разрушила все его планы.

На похоронах, на кладбище было много людей. От начала и до конца был ректор К.Н. Нармбаев. Впоследствии я спросила его о Крикунове Ю.А., каким он был, на его взгляд?

Копжасар Нармбаевич, помолчав, ответил:

– Юрий Алексеевич был честнейшим человеком, профессионалом, ученым и одним из самых лучших деканов, которых я знал.

Дело Ю.А. Крикунова осталось жить и развиваться дальше.

В 1995 году вышел в свет первый номер журнала «СМИ и журналистское образование в Центральной Азии», изданного на факультете журналистики КазНУ при поддержке Представительства ЮНЕСКО, Регионального Советника по коммуникациям в государствах Центральной Азии. Его главным редактором

и вдохновителем был Юрий Алексеевич Крикунов. Журнал стал одним из первых изданий, открывших эру творческого сотрудничества факультета с международными журналистскими организациями. Когда журнал был сверстан, пришло печальное известие о смерти профессора Крикунова. Последняя страница, очерченная траурной рамкой, была посвящена любимому учителю. Он остается в нашей памяти светлым и красивым человеком, с гордым, высоким и благородным призванием, которому все было принесено в жертву.

Впоследствии, в 1996 году была открыта кафедра ЮНЕСКО, содействующую развитию журналистского образования, коммуникаций в Центральной Азии и Казахстане, которая внесла свой вклад в дело и процветания журналистского просвещения и образования Казахстана. И мне посчастливилось ее возглавлять в 2000-е годы. Это была преемственность поколений. Учитель – ученица. Так было. Так будет всегда.

Қазақ университеті журналистика кафедрасы коллективінің
1967 жылғы 7 март күнгі түскен суреті

Первый айтыс студентов. Алма-Ата, 1982 г.

Экзамен. Преподаватели С.С. Матвиенко и Т.С. Амандосов

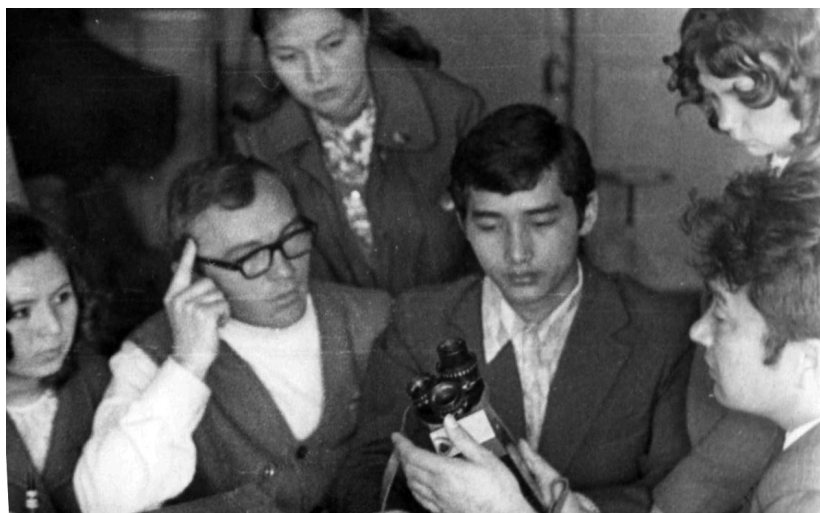
Занятие у профессора М.К. Барманкулова

Профессор Т.К. Кожакеев со студентами

Доцент М.И. Дмитровский, Н. Байгельдина, Л. Ахметова

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тридцать рассказов о тридцатилетнем пути Казхаского Национального университета имени аль-Фараби с 1971 по 2000 годы получились неожиданно. Я просто давно вынашивала мысль показать университет своими глазами, человека, который активно участвовал в жизни всего университета в тот период.

Я горжусь тем, что будучи студенткой была членом комиссии по 40-летнему юбилею вуза, будучи преподавателем и общественным деятелем была членом комиссии по 50-летнему, 60-летнему, 70-летнему и 75-летнему юбилеям. А юбилеи в нашей стране – это подведение итогов всей деятельности. Это сборы материалов, документов, записи воспоминаний ветеранов и многое другое, а поскольку профессия моя – журналист, я сама успешно все старалась записывать, собирать; уже как историк – документировать, и всегда настаивала на сдаче документов в самые разные архивы, поэтому, я уверена, что больше всего материалов из всех высших учебных заведений страны находятся в архивах – это документы КазГУ-КазНУ имени аль-Фараби.

Деление по главам также произошло уже после написания рассказов о наших замечательных людях университета: нашей гордостью и слава.

1 глава – ректоры. Джолдасбеков У.А. – был моим ректором в годы студенчества, учебы в аспирантуре, преподавательской работы, руководстве студен-

ческом профсоюзе университета и пионерским лагерем КазГУ «Восток-3». С И.К. Лукьянцем общалась во время учебы в аспирантуре и немного даже поработала на одной кафедре с ним.

2 глава – гордость и слава университета – фронтовики. Трое были друзьями моего отца, а Алексей Тимофеевич был мой замечательным старшем другом.

3 глава – учителя и друзья. Они были для меня учителями, старшими товарищами, которые всегда оказывали помощь, бескорыстно и в самых неожиданных случаях.

4 глава вырисовалась неожиданно. Я с детства мечтала быть журналистом, писателем, историком, биологом. Пошла по стопам отца, закончила факультет журналистики, стала писателем, а в науке состоялась как историк, доктор исторических наук, профессор политологии. Мои старшие друзья – историки – оказали мне огромное содействие в этом.

5 глава посвящена родному факультету. Один из деканов, однополчанин моего отца М.И. Дмитровский находится в кругу своих коллег – журналистов, хотя он должен быть и во 2 главе среди фронтовиков, нашей чести и гордости страны!

На этом чрезвычайно сложном факультете я состоялась как журналист и педагог. И пять героев, о которых я пишу, оказали на меня огромное влияние как на человека – патриота Казахстана.

Книгу я отметила как первую часть моих воспоминаний. В планах подготовить вторую часть аналогичную первой, то есть – рассказы о людях, а третью часть хочу написать о своей жизни в университете.

Я горжусь нашими героями университета, теми, кто жил и работал в КазГУ-КазНУ имени аль-Фараби, кто вложил свои знания и труд в тот университет, который сейчас – лучший университет страны и мира!!!

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	
Глава 1. РЕКТОРЫ	
Лукьянец Иван Куприянович	
Тажибаев Тулеген Тажибаевич	
Джолдасбеков Умирбек Арисланович	
Глава 2. НАША ГОРДОСТЬ – ФРОНТОВИКИ	
Басин Юрий Григорьевич	
Лукьянов Алексей Тимофеевич	
Пуриц Виктор Наумович	
Фурсов Владимир Иванович	
Глава 3. УЧИТЕЛЯ, СТАРШИЕ ТОВАРИЩИ, КОЛЛЕГИ, ДРУЗЬЯ	
Аубакиров Яхья Аубакирович	
Багизбаева Мая Михайловна	
Беремжанов Батырбек Ахметович	
Зуева Рашида Садыровна	
Кабдолов Зейнулла Кабдолович	
Либерман Семен Лазаревич	
Лифанов Юрий Ефимович	
Ломоносова Тамара Сергеевна	
Сармурзина Алма Гайсановна	
Струц Тамара Петровна	
Шигаева Майя Хажетдиновна	
Глава 4. МОИ ИСТОРИКИ	
Бекмаханов Ермухан Бекмаханович	
Горячева Анна Андреевна	
Коржева Клавдия Павловна	
Мекишев Бахтажар Мекишевич	
Нарматов Сыргабай Закирович	
Сидоров Виктор Кузьмич	
Соловьев Алексей Васильевич	
Глава 5. МОЙ ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ	
Амандосов Тауман Салькбаевич	
Барманкулов Марат Карибаевич	
Дмитровский Михаил Иванович	
Кожакеев Темирбек Кожакеевич	
Крикунов Юрий Алексеевич	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	

Научное издание

Ахметова Л.А.

**Я СНОВА ВГЛЯДЫВАЮСЬ В ЛИЦА.
Часть 1.**

Выпускающий редактор *Г.С. Бекбердиева*
Компьютерная верстка *А. Алдашевой*
Дизайн обложки *А. Калиевой*

ИБ №

Подписано в печать 14.03.2018. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Объем 0 п.л. Тираж 00 экз. Заказ №.
Издательский дом «Қазақ университеті»
Казахского национального университета им. аль-Фараби.
050040, г. Алматы, пр. аль-Фараби, 71.
Отпечатано в типографии издательского дома «Қазақ университеті».